

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 1 (25)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2017**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (25)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л.Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А.И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н.И.	доктор педагогических наук, профессор
Афанасьева О.В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И.А.	доктор филологических наук, профессор
Бубнова И.А.	доктор филологических наук, доцент
Вострикова О.В. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Геймбух Е.Ю.	доктор филологических наук, профессор
Джанумов С.А.	доктор филологических наук, профессор
Курдюмов В.А.	доктор филологических наук, профессор
Матвеева И.И. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Поршнева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет)
Радченко О.А.	доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)
Романова Г.И.	доктор филологических наук, доцент
Собянина В.А.	доктор филологических наук, профессор
Сулейманова О.А.	доктор филологических наук, профессор
Тарева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор
Федянина В.А. ответственный секретарь	кандидат исторических наук, доцент
Чупрына О.Г.	доктор филологических наук, профессор
Языкова Н.В.	доктор педагогических наук, профессор
Ярыгина Е.С.	доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Романова Г.И.* Картина мира в рассказе А.П. Чехова «Мечты». 8
- Евдокимова Л.В.* Символ Я в эссе Ф. Сологуба
«Человек человеку — дьявол» 14
- Шафранская Э.Ф.* Вруны и фантазеры как паттерн
локальных текстов XX в. 22
- Ястребов А.Л.* Семиотика вдохновения:
актер между заурядностью и фаустианством 30
- Мурзак И.И.* Современный зритель: интерпретатор
или потребитель? 37
- Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Коммуникативно-прагматические
особенности личного дневника. 42

Русистика. Германистика. Романистика

- Богданова Л.И.* Ценностный аспект в описании семантики
языковых единиц 50
- Степанова Н.А., Юнг А.В.* Иноязычные заимствования
в русском языке в начале XXI в.: причины появления
и трудности использования 58

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Гринев С.В.* Сопоставительное терминоведение:
современное состояние 68
- Карасик В.И.* Выбор как сюжетный мотив:
ценностные характеристики 76
- Борботько Л.А., Горбик А.А.* Афиша в коммуникативном
пространстве театрального дискурса 90

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Пригожина К.Б., Бузина Ю.Н.* Интеграция межкультурного обучения
в образовательную систему экономического вуза. 97

Слово молодым ученым

- Онякова А.Л.* Психолингвистический эксперимент
в лингводидактике 106
- Подрезова Д.В.* Содержание прецедентного имени
в языковом сознании носителей русского языка:
борьба ценностей культуры и некультуры. 113

Критика. Рецензии. Библиография

- Геймбух Е.Ю.* Рецензия на учебное пособие
для образовательных учреждений с углубленным изучением
русского языка и литературы Н.А. Герасименко,
В.В. Леденёвой, Т. Е. Шаповаловой «Русский язык:
простое и сложное» под редакцией Н.А. Герасименко
(М.: Диона, 2014. 564 с.) 120

Научная жизнь

- Романова Г.И.* Стажировка в Кембридже. 124
- Чупрына О.Г., Чикало Н.А.* Международный научно-
практический семинар по американской литературе
«Идентичность и художественный текст» 128

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2017, № 1 (25) 136

Требования к оформлению статей 142

CONTENTS

Literary Science

<i>Romanova G.I.</i> An Image of the World in A. Chekhov's Short Story «The Dreams»	8
<i>Evdokimova L.V.</i> The Symbol Self in F. Sologub's Essay «Man Is the Devil to Man»	14
<i>Shafranskaya E.F.</i> Liars and Fantasizers as a Pattern of the XX Century Local Texts	22
<i>Yastrebov A.L.</i> Semiotics of Inspiration: the Actor between Mediocrity and Phenomenon of Faust	30
<i>Murzak I.I.</i> The Modern Viewer: an Exegete or a Consumer?	37
<i>Dubnyakova O.A., Kashina T.A.</i> Communicative and Pragmatic Particularities of Personal Diary	42

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Bogdanova L.I.</i> Value Aspect in Description of Language Unit Semantics	50
<i>Stepanova N.A., Yung A.V.</i> Foreign Borrowings in the Russian Language at the Beginning of the XXI Century: Reasons of Emerging and Difficulties of Use	58

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

<i>Grinev S.V.</i> Comparative Terminology Science: the State of the Art	68
<i>Karasik V.I.</i> Choice as a Subject-matter Motif: Evaluative Features	76
<i>Borbotko L.A., Gorbik A.A.</i> Theatre Playbill in Communicative Space of Theatrical Discourse	90

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Prigozhina K.B., Buzina Yu.N.</i> Cross-cultural Education as an Integral Part of Higher Educational System in Non-Linguistic Universities	97
--	----

Young Scientists' Platform

- Onyakova A.L.* Psycholinguistic Experiment in Linguodidactics 106
- Podrezova D.V.* Allusive Name Contents in Linguistic
Consciousness of Russian Native Speakers: the Struggle
of Culture and Non-culture Values. 113

Criticism. Reviews. Bibliography

- Geymbukh E.Yu.* Review of the Study Guide for Educational
Institutions with Advanced Study of Russian Language
and Literature by N.A. Gerasimenko, V.V. Ledeneva,
T.E. Shapovalova «Russian Language: Simple and Hard»
ed. N.A. Gerasimenko (M.: Diona, 2014. 564 p.) 120

Scholarly Events

- Romanova G.I.* Internship in Cambridge 124
- Chupryna O.G., Chikalo N.A.* International and Practical Seminar
on American Literature «Identity and Literary Fiction» 128

- Authors of «MCU Vestnik», Series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2017, № 1 (25). 136**

- Style Sheet. 142**

Г.И. Романова

Картина мира в рассказе А.П. Чехова «Мечты»

В статье анализируются особенности изображения картины мира в рассказе А.П. Чехова «Мечты». В малом пространстве рассказа воссоздан характер человека, воспринявшего внешнюю, обрядовую сторону православия. Ему противопоставляется христианский гуманизм повествователя, позволивший увидеть человеческую суть в «последнем» бродяге, история которого подтверждает несчастливую предопределенность судьбы «маленьких» людей.

Ключевые слова: жанр; хронотоп; сюжет; конфликт; речь персонажей.

Рассказ «Мечты» впервые был опубликован в газете «Новое время» в 1886 г., а в 1898 г. был выпущен отдельным изданием Московским обществом грамотности с разрешения Министерства народного просвещения, которое признало рассказ пригодным для ученических библиотек средних и низших учебных заведений и для бесплатных народных библиотек. Правопреемник Министерства народного просвещения Российской империи — Народный Комиссариат просвещения, а с 1946 г. Министерство просвещения РСФСР — рассказ «Мечты» уже не рекомендовал для детского чтения. Ведь общая картина мира, представленная в нем, содержит явный православный аспект, а автор решает не социальные, а религиозно-философские вопросы. А.П. Чехов включил рассказ «Мечты» в сборник «В сумерках» (1887) [2]. Высокие достоинства составивших эту книгу произведений были оценены Академией наук, присудившей сборнику Пушкинскую премию (1888). Отметим, что «Мечты» открывают этот сборник, а заканчивает его рассказ «Святою ночью». Эта «перекличка» представляется многозначительной. «Святою ночью» — лирическая миниатюра о пасхальных торжествах и богослужении, в центре которой образ монаха-поэта, в котором Д.С. Мережковский увидел «все тот же излюбленный им (Чеховым. — Г. Р.) образ неудачника» [1: с. 92]. Гуманизм и поэтическая сторона христианского мировоззрения, явленные здесь, высвечивают глубинный смысл и других рассказов сборника, в первую очередь, рассказа «Мечты». Хотя в «Мечтах» (в отличие от заключительного рассказа)

персонажи не имеют непосредственного отношения к церкви, действие происходит не в святом месте и не во время церковных праздников, в нем также воссоздано христианское мировоззрение: и в изображении «последнего человека» — бродяги, терпеливо и незлобиво переносящего превратности жизни и мечтающего о счастье, и «в тоне и духе» повествователя, разглядевшего в изгое человеческую душу. Исследуя вопрос о религиозности А.П. Чехова, его творчества, критики и литературоведы опираются на резко противоречивые высказывания писателя по вопросам религии, на признания, сделанные им в письмах И.Л. Леонтьеву (Щеглову), А.Н. Плещееву, М.О. Меньшикову, С.П. Дягилеву и др. В начале XX в. этот вопрос, связанный с глубокой проблемой влияния православия на классическую русскую художественную литературу, такими литераторами, как А.А. Измайлов, Б. Зайцев, решался однозначно положительно. Это мнение оспаривалось в работах исследователей советского периода (Г.П. Бердников, В.Б. Катаев и др.). В конце XX и начале XXI в. стремление примирить противоречивые позиции и выявить наиболее вероятное прослеживается в работах И.А. Есаулова, А.С. Собенникова, вынесшего в название своей книги слова Чехова, которые якобы обозначают промежуточную позицию классика в этом вопросе: «Между “есть Бог” и “нет Бога”» (Иркутск, 1997). В XXI в. вопрос о наличии православного аспекта в картине мира, воплощенной в творчестве Чехова, остается актуальным. Для наиболее глубокого постижения авторской позиции особое значение имеет выявление функций различных аспектов формы, а также соотношение речи персонажей и повествователя. Анализ рассказа «Мечты» в этом отношении представляется показательным.

Жанр сценки обуславливает отсутствие в «Мечтах» развернутого действия (представлен один эпизод) и преобладание диалога. Соответствует жанру и пространственно-временная организация рассказа. Повествование в настоящем времени усиливает ощущение театральности. Пространство — небольшой клочок земли, по которому «путники давно идут, но никак не могут сойти», — ограничивается стеной дождя и тумана. Это характерная черта творчества писателя. Как отмечал Б. Эйхенбаум, «никогда, читая Чехова, не испытываешь чувства полноты реальности, а всегда видишь во всех подробностях... одну какую-нибудь деталь. Чувствуешь себя близоруким...» [4: с. 966]. Создается эффект достоверности описания и максимального жизнеподобия изображения, ощущение того, что выбор «сцены» обусловлен не столько волею повествователя, сколько специфическим сочетанием света и теней в данный момент. Место действия подчеркнуто ограничено, это «малое пространство», поданное крупным планом. Данный композиционный прием характерен для Чехова, в «малом пространстве» рассказов которого повышенную смысловую нагрузку несут все элементы образительности, здесь откровеннее и весомее звучат высказывания персонажей. Особое значение приобретают движения, жестикация, мимика, передающие душевное состояние, — одним словом, *поведение* персонажей, а также оценочные комментарии первичного субъекта речи.

Сюжет рассказа «Мечты» вполне мирского содержания, отражающий обыденную ситуацию: двое сотских сопровождают бродягу в уездный город. В пути слабый, щедушный «преступник» рассказывает о своей жизни, о судьбе матери, о каторге и побеге оттуда. Единственное, что он скрывает, — свое имя, так как за бродяжничество (отсутствие паспорта) грозит высылка в Сибирь, а назови он свое настоящее имя — будет возвращен на каторгу. В связи с этим в рассказе не единожды звучит определение «не помнящий родства». Существующее в русском языке до сих пор, это выражение имеет историческую основу. Уловку бродяги — утаивание имени с целью избежать сурового наказания — писатель использует как основу интриги рассказа. Этот литературный прием приобретет особую значимость, если вспомним о том, что имена и фамилии персонажей в произведениях Чехова выполняют важную смысловую (преимущественно характерологическую) функцию. В разговоре бродяги и конвойных содержатся разрозненные элементы богатой сюжетной схемы, где есть крестьянка, приближенная к барину, лелеющая своего сына, в котором течет «дворянская кровь», ее «огорчение» при появлении новой фаворитки, стакан, в который «заместо соды и кислоты мышьяку... всыпали», суд, каторга, к которой приговорен и малолетний сын как «пособник» преступления, участие в массовом побеге, бродяжничество и арест за это «занятие». Но не этот сюжет, знакомый читателям по произведениям русской и мировой литературы, привлекает внимание повествователя, а мечты бродяги о «поселении», где ему «дадут... землю и под пашню, и под огород, и под жилье...» [2: с. 12]. Мечтая о нормальной человеческой жизни («Поставлю сруб, братцы, образов накуплю... Бог даст, оженюсь, деточки у меня будут» [2: с. 13]), бродяга воодушевляется от «сладкого предчувствия счастья». Это кульминация рассказа, разрешением которой становится отрезвление и разочарование. Блаженство бродяги обрывает трезвый голос сопровождающего: «...не доберешься ты до привольных местов. Где тебе? Верст триста пройдешь и Богу душу отдашь. Вишь, ты какой дохлый!» [2: с. 15]. «Не помнящий родства» в широком смысле — тот, кто отрекается от традиций и обычаев родной стороны, человек без убеждений и традиций. Но чеховский герой как раз свято блюдет православные обычаи родной стороны: «Я не турок... И в церковь я хожу, и говею, и скоромного не кушаю, когда не велено. Леригию я исполняю в точности...» [2: с. 7], — это самое важное, а не имя человека, считает бродяга («а зови, как хочешь...»). Для речи бродяги и его провожатых характерны цитаты из Библии и книг церковного обихода («упокой, Господи, их душечку в Царствии Твоем, идеже праведные упокоются!», «Пошли ей, Господи, место злачно, место покойно... Научи, Господи, рабу твою Ксению, оправданием Твоим!» [2: с. 9] — из заупокойной службы). Стилизация церковнославянского языка используется как прием, вызывающий комический эффект («У другого какого человека только и есть удовольствия, что водка и *горлобесие*, а я, коли время есть, сяду в уголке и читаю книжечку. ...За иную книжечку пятачок дашь, а *плачешь и стенаешь* до чрезвычайности» [2: с. 9]). Церковнославянская ориентация, обусловленная стремлением автора

вести речь «в тоне и духе героев», свойственна и *речи повествователя*: фигура сотского напоминает ему «старообрядческих попов или тех воинов, каких пишут на старинных образах», а бродяга — «поповича-неудачника» или «фанатика — монастырского служку, шатающегося по русским монастырям», «упорно ищущего “жития мирна и безгрешна”» [2: с. 5, 6]. Последнее выражение выделено как цитата, взятая, возможно, из литургии верных: «Дне всего совершенна, свята, мирнаибезгрешна у Господа просим»¹. Несмотря на болезненный внешний вид и мытарства, перепады судьбы, преступление и каторжное прошлое, бродяга, «родства не помнящий», сохраняет веру в счастье и по-своему стройный духовный мир, основой которого стала православная традиция, в которой он воспитан: «Теперя, парень, о чем меня ни спроси, я все понимаю: и светское писание, и божественное, и всякие молитвы, и катихизиц. И живу по Писанию...» [2: с. 9]. Правда, православие воспринято бродягой своей обрядовой, внешней стороной, что сказывается в его речи и поведении. «Осенение себя крестом», «поклоны», «молитвы» — неотъемлемая часть облика и поведения чеховского бродяги («А за маменьку я сорок поклонов кладу утром и вечером» [2: с. 12]). Двое сотских являются фоном, на котором более выпукло предстает «благообразие» бродяги. «Сотские» наблюдали порядок в «сотнях», т. е. на определенных участках селений, в частности на торговых площадях, в церквях. Они же докладывали вышестоящему начальству о всяких происшествиях: о подкинутых детях, сумасшедших, бродягах и пр. Под влиянием светлых грез бродяги и суровые провожатые поддаются мечтам о местах лучших, чем то, в которое определила их судьба. Однако, укорененные в жизни, они быстро возвращаются к реальности сами и обращают мечтателя туда, где царят «судебная волокита, пересыльные и каторжные тюрьмы <...> студеные зимы, болезни, смерти товарищей...» [2: с. 16].

Конфликт, воплощенный в сюжете рассказа, можно сформулировать как извечное несоответствие внешних обстоятельств жизни мечтам о счастье. Он соткан из массы противоречий: бродяга и конвойные должны испытывать неприязнь, но они легко находят общий язык, их отношения скорее доверительные, чем враждебные. Их положение как бы предопределено судьбой и не зависит от личных качеств: у сотских нет служебного рвения, у бродяги — стремления избежать наказания. Еще больше противоречий в прошлом героя. Несоответствием представляется воспитание героя («Грамоте меня маменька обучили, страх Божий с измальства внушили... людей не забижаю...» [2: с. 8–9]) и невольное соучастие в преступлении с осуждением на каторгу; его представление о себе как «в естестве благородного господина» и бродяжничество. Главное, «не помнящий родства» не соответствует даже распространенным представлениям о каторжниках («А какой я каторжник? Я человек нежный...» [2: с. 12]) и бродягах. Эмоциональной вершиной рассказа становятся «картины вольной жизни», «блаженное предвкушение далекого счастья», резко контрастирующие с тяжелой, мучительной «реальностью» (положением

¹ URL: <https://www.molitvoslov.com/node/456>.

арестованного, болезненным видом, суровостью природы, вынуждающей с «тупым терпением» бороться «с осеннею невылазной грязью» [2: с. 6]). Душевное смятение, разочарование, которые отражаются на лице несчастного бродяги в минуту отрезвления, вызывают у читателей сочувствие и жалость. Все попытки изменить свою участь обречены на неудачу, — в этом глубинный смысл резких слов конвоиров, это понимает и сам бродяга. Напряжение рассказу и драматизм его окончанию придают не только циничные замечания сотских, но и общее ощущение противоречия между желаемым и действительностью, изначально осознаваемого повествователем, несмотря на все его стремление к максимально объективному повествованию (что проявляется в отсутствии прямых оценок, комментариев, в скудных описаниях персонажей, напоминающих ремарки в пьесе). Все свидетельствует об ограниченности человеческого понимания «реального» положения вещей: «Мечты о счастье не вяжутся с серым туманом и черно-бугой грязью» [2: с. 15], — констатирует повествователь. Течение жизни не меняется по прихоти людей, чье сознание способно постичь только небольшой, «видимый» фрагмент жизни. Персонажи рассказа не рассуждают на эту тему, но тон и смысл их разговора вызывает у читателей ощущение неуправляемости жизни, ее предопределенности.

Формальные особенности (композиция, художественная речь, предметный мир) рассказа «Мечты» воплощают специфическое художественное содержание, в самом общем виде которое можно сформулировать как констатация неизбежной ограниченности, относительности человеческого понимания жизни, очевидных на фоне более широкого взгляда на вещи. Мысль, по мнению Л. Шестова, характерная для писателя: «Всем существом своим Чехов чувствовал страшную зависимость живого человека от невидимых, но властных и явно бездушных законов природы... Ежедневный, ежечасный и даже ежеминутный опыт убеждает нас, что одинокий слабый человек, сталкиваясь с законами природы, постоянно должен приспособляться и уступать, уступать, уступать» [3: с. 207]. Иллюзия «реальности», создаваемая осенним унылым пейзажем (художественность которого была отмечена многими критиками — современниками Чехова), не затемняет условности изображаемого, его «театральности», подчеркивающей притчевый характер рассказа. Этому способствует соотнесение «малого» пространства с «большой» жизнью, с отсылкой к «большому Божьему миру»: «Сотские напрягают ум, чтобы обнять воображением то, что может вообразить себе разве один только Бог, а именно то страшное пространство, которое отделяет их от вольного края» [2: с. 16]. Обобщение слышится и в пейзажной зарисовке, передающей восприятие персонажей: «...суровый туман... *тюремной* стеною стоит перед глазами и свидетельствует человеку *об ограниченности* его воли» [2: с. 14] (курсив мой. — Г. Р.). История бродяги подтверждает стихийность, несчастливую предопределенность жизни «маленьких» людей. Изображенная ситуация вызывает и тягостное впечатление, и комический эффект, создавая настроение «смеха сквозь слезы», подводя читателей к мысли об ограниченности человеческого понимания жизни и относительности постигаемой истины.

Библиографический список*Источники*

1. *Мережковский Д.С.* Старый вопрос по поводу нового таланта // Северный вестник. 1888. № 11. С. 77–99.
2. *Чехов А.П.* В сумерках. Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986. 571 с. (Литературные памятники).

Литература

3. *Шестов Л.* Соч.: в 2 т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. 448 с.
4. *Эйхенбаум Б.* О Чехове // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): Антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 961–968.

References*Istochniki*

1. *Merezhkovskij D.S.* Stary'j vopros po povodu novogo talanta // Severny'j vestnik. 1888. № 11. S. 77–99.
2. *Chexov A.P.* V sumerках. Oчерki i rasskazy'. М.: Nauka, 1986. 571 s. (Literaturny'e pamyatniki).

Literatura

3. *Shestov L.* Soch.: v 2 t. T. 2. Tomsk: Vodolej, 1996. 448 s.
4. *E'jxenbaum B.* O Chexove // A.P. Chexov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chexova v russkoj my'sli koncza XIX – nachala XX v. (1887–1914): Antologiya. SPb.: RHGI, 2002. S. 961–968.

G.I. Romanova**An Image of the World in A. Chekhov's Short Story «The Dreams»**

The article analyses peculiarities of the world image as presented in A. Chekhov's short story «The Dreams». The limited space of the story depicts the character of a person who embraced an external ritual side of Orthodoxy. The narrator's Christian humanism is opposed to it and displays a human essence in the «worst» vagabond whose life confirms an unhappy predetermination of «unimportant» people.

Keywords: genre; chronotopos; plot; conflict; characters' speech.

Л.В. Евдокимова

Символ *Я* в эссе Ф. Сологуба «Человек человеку — дьявол»

В статье рассматривается структура символа *Я* в эссе Ф. Сологуба «Человек человеку — дьявол». Несмотря на эпатажное заглавие, в сологубовском эссе философские идеи В. Соловьева о Богочеловечестве выражаются посредством дискретной семиотической серии, каждый уровень которой представляет новое по содержанию *Я*, восходящее к одному из аспектов соловьевского учения о Софии (от тварного к тварно-нетварному). Особенности текстопостроения эссе предвосхищают приемы авангардной литературы начала XX в.

Ключевые слова: символ *Я* Ф. Сологуба; В. Соловьев; транссемиотика; авангардный текст.

Предполагаемые источники сологубовского символа *Я*, личностные характеристики которого балансируют на грани тварного духа и демиурга, были подробно рассмотрены в монографии В.А. Мескина [12]. Особое внимание исследователь уделяет смысловым связям символа *Я* в творчестве Ф. Сологуба с философским учением В. Соловьева о Всеединстве, изложенном в известном труде «Чтения о Богочеловечестве» (1881) [2]. Разделяя позицию В.А. Мескина, отметим, что назрела необходимость выявить, посредством каких литературных приемов философские идеи Всеединства Соловьева, определяющие содержание символа *Я*, воплощаются в художественном стиле эссе Сологуба 1904–1907 гг. Полагаем, наиболее показательным примером является эссе «Человек человеку — дьявол» (1907) [3], приемы построения которого предвосхищают авангардистские тексты. Связь специфики сологубовского символа с особенностями текстовой структуры обусловлена тем, что в символе Сологуба эмпирическая реальность и Единая Сущность одинаково символopodobны, а потому одноприродны, имеют текстовое выражение антитезы мнимого и подлинного, исторически данного и желаемого [7: с. 57–58].

Разработка поэтической лингвосемантики и графосемантики отдельных букв станет характерной чертой творчества русских футуристов (о роли местоимения «Я» в создании персонального мифа В. Каменским см.: [8]). Однако уже в произведениях Сологуба в строении многогранного символа *Я* просматриваются структуры, ассоциируемые с авангардистской поэтикой. Эссе «Человек человеку — дьявол» написано по принципу обращенного коммуникативного акта, т. е. предполагает дешифровку [11: с. 1]. Субъект повествования пытается, говоря современным языком, определить собственную референциальность: «Где же Я?» [3: с. 157], но в этом процессе устойчивая

связь означающего (Я) и означаемого разрывается. Подобно катахрестическому авангардному знаку [5], означающее пребывает в свободном состоянии, меняет смыслы. Каждый вариант рассматриваемой в эссе оппозиции *Я/не-Я* представляет разные *Я*, имеющие особый онтологический и семиотический статус [11: с. 8]. Текст эссе воспроизводит так называемую транссемиотическую лестницу, т. е. расслоенный многоуровневый знак, в котором любой уровень имеет промежуточный статус, так как определяет означаемое (звуковой комплекс) последующего уровня и семантику (концепт) предшествовавшего [11: с. 10–11, 24–27]. Аналогичную семиотическую трансформацию и обнаруживает *Я*, обозначающее разных субъектов повествования, смена которых не маркируется стилистически в тексте, созданном по принципу скрытой тиражности, незаметной на первый взгляд. Оригинальность текстопостроения эссе обусловлена тем, что дискретная семиотическая серия образовалась в результате «демонтажа» религиозно-философского учения В. Соловьева, изложенного в «Чтениях о Богочеловечестве». Как следствие, соловьевская концепция была воспроизведена в эпатажной форме, не соответствующей ожиданиям читателей символистской литературы (и современников поэта, и потомков).

В начале эссе *Я*-повествователь провозглашает, что Абсолют и его антипод — объективация противоположных качеств *Я* как единого и вечного Человека. Усматривая логические противоречия в библейских эпизодах и акцентируя изменение религиозных представлений в ходе исторического развития, солипсическое *Я* демонстрирует свой имморализм. *Я*, вечный Человек, «создавший все, пребывающий во всем» [3: с. 155], утверждает «единую природу» добра и зла как порождение человеческого сознания. Таким образом, в первой оппозиции *Я/не-Я* Человеку (*Я*) противопоставляется «демоническая сила, враждебная Мне, насколько она выдает себя за благую и потому требует себе поклонения, и помогающая Мне, когда она прельщает Меня и соблазняет меня соблазнами земных прельщений» [3: с. 156]. Между тем солипсическое мироощущение характеризуется Соловьевым как проявление зла: «<...> зло есть состояние его [индивидуального существа. — Л. Е.] воли, утверждающей исключительно себя и отрицающей все другое» [2: с. 123]. Эгоизм определяется философом как «стремление поставить свое исключительное я на место всего, или упразднить все собою» [2: с. 122]. Именно так представлено *Я* Человека в начале сологубовского эссе. Однако замена собой противоборствующих сил добра и зла, противопоставление себя Богу является лишь завязкой сюжета. По мысли философа, личность должна подчиниться божественному началу и стать «основанием» добра, предпосылкой для рождения духовного человека. Соловьев пишет: «<...> без силы самоутверждающейся личности, без силы эгоизма самое добро в человеке является бессильным и холодным, является только как отвлеченная идея» [2: с. 150].

Большая часть эссе Сологуба посвящена солипсическому мировосприятию, однако повествователь обнаруживает в солипсической картине мира

«неточность» и переходит к другому уровню противоположности *Я* и *не-Я*; теперь это «вечный Эрос и его вечная Психея» [3: с. 157]. Персонажи древнегреческого мифа в интерпретации Сологуба становятся символами соловьевских понятий Логоса и Мировой Души, которые проецируются на оппозицию *Я/не-Я* с оговоркой: «Но все и во всем только Я» [3: с. 157]. Действительно, далее в эссе *Я* обозначает и Логос, и Душу Мира.

Необычность сологубовской трактовки мифа глубоко мотивирована и объясняется отношением Соловьева к понятию Эрос в философии Платона как к одной из предпосылок его собственных философских построений. В работе «Жизненная драма Платона» (1898) Соловьев пишет о том, что в диалогах «Федр», «Пиршество» (вариант перевода «Пирры»), «Тимей», «Филеб» Платон объединил две различные концепции Эроса, сформировавшиеся в древнегреческой культуре. Первая представляет Эрос как индивидуальное влечение одного существа к другому, предполагающее чувство бесконечности и полное самопожертвование. Вторая концепция характеризует Эрос как ведущую животворящую силу космогонических и теогонических процессов. По мысли Соловьева, платоновский Эрос выступает как посредник, связующее начало между смертной природой и божественной. Это не только созерцательная, но и жизненно-творческая сила, источник прекрасного. Платон вплотную подошел к представлению об истинном предназначении Эроса, которое выражается в преображении обреченной на умирание природы, т. е. «обожении» человека. Однако, продолжает Соловьев, жизненная драма Платона заключалась в том, что Эрос для философа остался идеальным созерцанием истины, поскольку основные надежды были возложены на идеальное государство. Между тем человек не может преодолеть несовершенство своей природы умозрительно, эта цель осуществима божественным Всеединством и Богочеловечеством [1].

В «Чтениях о Богочеловечестве» функции платоновского Эроса одновременно экстраполированы на Логос и Душу Мира, и, возможно, это обстоятельство послужило для Сологуба логической основой для преодоления второй оппозиции в рассматриваемом эссе. Для Соловьева Логос, имеющий в самом себе божественную идею Всеединства, раскрываемую в идеальных образах, представляет активный, действующий элемент, источник развития. Мировая Душа «является силою пассивною, которая воспринимает идеальное начало и воспринятому сообщает материю для его развития, оболочку для его полного обнаружения» [2: с. 136]. Оба вектора мирового процесса (космогонический и теогонический) были осмыслены Соловьевым как обоюдное стремление Логоса и Мировой Души к воплощению Всеединства, т. е. обожествлению природного мира. Соединение Логоса и Души Мира впервые осуществляется в сознании человека — «чистой форме всеединства» [2: с. 139]. В земной реальности человек является вторым всеединным как образ и подобие Божье, поскольку, утверждал Соловьев, только он имеет способность познавать

всеобщую органическую связь и смысл творения. Как видим, критикуя Платона за умозрительность философии, Соловьев большие надежды возлагал на рациональное начало в человеке. Действительно, гносеологические взгляды Соловьева отличает синтез рационализма и мистицизма, философ допускал постижение взаимоотношений между трансцендентной сферой и тварным миром посредством органической логики, что разрушало границу между рациональным мышлением и мистическим озарением, поэтическим воображением и религиозным чувством [4: с. 46–49]. И, похоже, Соловьев опирался на философскую позицию Соловьева в своем отношении к религии как к процессу познания и творчества, что нашло отражение и в анализируемом эссе.

Согласно Соловьеву, мировое развитие проходит через этап отпадения Души от божественного Всеединства, которая в акте свободной воли пытается самоутвердиться как Бог вне Бога, подвергается испытанию злом и затем осознанно отказывается от зла [2: с. 132]. Воссоединение Души Мира с Божеством как итог всемирного развития ознаменует новый синтез духа и материи. В результате обособления Мировой Души человеческие существа как элементы софийного организма теряют общую связь, которую они имели в составе божественного Всеединства, обрекаются на разрозненное, враждебное по отношению друг к другу существование [2: с. 133]. Сознание отдельного человека утрачивает организующий источник внутреннего мира, становится хаотичным [2: с. 141].

В падшем состоянии пребывает мир, к которому обращается в соловьевском эссе *Я-Логос*, возвещающий о божественном Всеединстве, о грядущем осуществлении закона «Моего единения в тождестве совершенных противоположностей» [3: с. 157]. Преображение мира должно осуществиться в конце времен, на что указывают аллюзии к Откровению Иоанна Богослова: «Когда Человек прозреет, — когда Спящий проснется, — когда Мертвые восстанут, — когда новые небеса раскроются над новою землею...» [3: с. 157]. Возрождение тварного мира связано с трансформацией солипсического видения. *Я* в рамках второй оппозиции *Я/не-Я*, являясь концептуальным «дублем» обожествляемого *Я*, характеризуется как логосная идея, как ожидаемый «единый» Лик, «вечное лицо», которое скрывают земные «личины».

В эссе идеи Соловьева находят развитие и в третьей противоположности: «необходимое единство Мое — и злобное, случайное Мое разъединение» [3: с. 157]. Мировая Душа, отпав от божественного Всеединства, находится во власти материального хаоса, однако сохраняет потенциальную возможность нового соединения с Божеством и стремится к новому усвоению абсолютного содержания. По мысли Соловьева, путь Души Мира проходит и отдельное человеческое существо, которое в акте свободной воли должно преодолеть эгоизм и стать частью идеального человеческого организма, представленного в учении Соловьева как антропологический аспект Софии [2: с. 141; 6: с. 229–231]. Философ пишет: «Что же это за идеальный человек? Чтобы быть действительным, он должен быть единым и многим,

следовательно, это не есть только универсальная общая сущность всех человеческих особей, от них отвлеченная, а это есть универсальное и вместе с тем индивидуальное существо, заключающее в себе все эти особи действительно. Каждый из нас, каждое человеческое существо существенно и действительно коренится и участвует в универсальном или абсолютном человеке» [2: с. 118]. Каждый человек сохраняет свою индивидуальность в софийном организме как «вечное и особенное существо, необходимое и незаменимое звено в абсолютном целом» [2: с. 119].

Полагаем, в третьей оппозиции *Я* символически означает идеальный человеческий организм как антитезу *не-Я* — разрозненным человеческим существам, находящимся во власти дьявола, испытывающим по отношению друг к другу злобу, зависть и жестокость. Третье *Я* предстает как экспликация-трансформация предшествующих ипостасей: это одновременно и отдельный индивидуум, и идеальная (логосная) сущность всего человечества. Серия метаморфоз *Я* акцентирует амбивалентность антропологической Софии, соотносимую с противоречиями учения Соловьева (см.: [6: с. 229–231]). В отличие от второй противоположности, акцент сделан на состоянии саморазрушающегося социума. Агрессивная толпа издевается «над Моею верою, над Моим откровением, над Моим страстным зовом» [3: с. 158]. Учитывая контекст идей Соловьева, можно сказать, что *Я* призывает людей, каждое отдельное человеческое я к любви и познанию, к единению в Боге: «Поймите, что между Мною и тобою нет разницы, нет границы, нет разделения» [3: с. 157]. Мольба *Я* вызывает ассоциации с соловьевским учением о Боге как Всеединстве, «в котором каждый находит себя во всех и все в каждом» [2: с. 124].

В эссе Сологуба эпатажно заострена противоречивость антропологического аспекта соловьевской Софии. Эта София не только идеальное человечество, но и «божественное человечество Христа — тело Христово...» [2: с. 131], одновременно «вечное тело Божие и вечная душа мира» [2: с. 118–119]. Поэтому процесс воссоединения Мировой Души и Божества Соловьев назвал теогоническим в противовес космогоническому — творению природного мира: «Как космогонический процесс закончился порождением сознательного существа человеческого, так результатом процесса теогонического является самосознание человеческой души как начала духовного, свободного от власти природных богов, способного воспринимать божественное начало в себе самом, а не чрез <так!> посредством космических сил. Это освобождение человеческого самосознания и постепенное одухотворение человека чрез внутреннее усвоение и развитие божественного начала образует собственно исторический процесс человечества» [2: с. 145].

В развязке эссе ознаменован итог движения *Я* к абсолютному преображению. Согласно Соловьеву, восстановление божественного Всеединства осуществимо как сознательный и свободный акт человека [2: с. 142]. Тогда божественный Логос будет не только просвещать душу извне, а возродится в самой душе живой личной силой и преобразит ее [2: с. 148]. *Я*, символически представлявшее

во второй оппозиции *Я/не-Я* Логос как элемент Всеединого, в третьей — становящийся идеальный человеческий организм, в четвертой одновременно означает, если следовать логике учения Соловьева, одухотворенное человечество, т. е. Богочеловеческое *Я*, и тварно-нетварную Софию («тело Христово»). Действительно, в конце субъектом повествования также является символическое лицо — всеединое *Я*, которое характеризует себя через отсылки к евангельским событиям, знаменующим веки земной жизни Христа (Воскресение, Преображение, моление о чаше). Оппозиция Бога и дьявола, отрицаемая солипсическим *Я*, воспроизводится в финале в ортодоксальном ключе. Показательны рамочные элементы композиции эссе: заголовок указывает на исходное мироощущение, в котором пребывает тварный дух, находясь в несовершенном мире. Датировано эссе 6 января 1907 г. по старому стилю — днем, когда христианская церковь празднует Богоявление.

Как видим, в эссе наблюдается переход формального приема в план содержания. Транссемиотическая лестница выражает и трансформации *Я*, и неразрывную общность всех его метаморфоз, символизирующую Всеединство.

И все же у читателя могло возникнуть смущающее впечатление, что Сологуб пишет о самообожествлении тварного *Я*. Эпатажность эссе «Человек человеку — дьявол» обусловлена тем, что характеристики различных состояний элементов Всеединства сопрягают значительно удаленные друг от друга временные планы (настоящее и будущее), земное и небесное, вызывая ассоциации с художественными приемами В. Хлебникова. Как и в других авангардистских текстах, дешифровка сологубовского эссе нацелена на исходный универсальный первосмысл, приближаясь к которому *Я* обретает чистое бытие, что означает отождествление *Я* с «божественной мирогенной инстанцией» [11: с. 7]. Искомый смысл *Я*, эксплицируемый из предшествующих семиотических и онтологических уровней, как и у авангардистов, оказывается не только самым истинным, но и самым древним. По отношению к первичному референту, солипсическому *Я*, дешифровка предполагает выявление его сущностного субстрата [11: с. 8].

В символистских текстах минимальная степень материальной выраженности знака является показателем приближенности к Абсолюту [11: с. 23], и внимание Сологуба к смысловому потенциалу и мистическому подтексту местоимения *Я* отчасти обусловлено этим обстоятельством. Эссе «Человек человеку — дьявол» выделяется в творчестве Сологуба тем, что здесь высший онтологический уровень отличает и более высокая степень «материального» плана выражения, т. е. наиболее высокий семиотический ранг [11: с. 18]. Финальное *Я* предстает как результат ступенчатого развития сюжета, построенного по принципу «дифференцированного удвоения» [11: с. 25] исходного *Я*, которое на мотивном уровне преодолевает неодухотворенную телесность [11: с. 7], продвигаясь от тварного к тварно-нетварному аспекту Софии. Катахрестическое состояние *Я*, пребывающего в процессе становления как постижения своего смысла, образует «раздвоенное единство» [11: с. 25],

которое становится понятным благодаря привлечению религиозно-философского источника. Как это ни парадоксально, но последовательное усвоение Сологубом идей Соловьева об одухотворенной материи (Софии) обусловило сосуществование символистской и авангардистской концепций знака в эссе Сологуба «Человек человеку — дьявол».

Если в позднем символизме «техника рекомбинаций» выражала образ мира без развития [10: с. 158], то в рассматриваемом эссе Сологуба «транссемиотическая лестница» становится основой смысловой вертикали символа [9: с. 271], воспроизводящей различные состояния Всеединства: от отторжения и изоляции его софийных элементов до воссоединения их в Едином организме.

Библиографический список

Источники

1. Соловьев В. Жизненная драма Платона // Вестник Европы. 1898. Т. II. С. 334–356, 769–782.
2. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1985. С. 3–172.
3. Сологуб Ф. Человек человеку — дьявол // Сологуб Ф. Творимая легенда. М.: Худ. лит., 1992. Кн. 2. С. 153–159.

Литература

4. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс – Традиция, 2001. 472 с.
5. Дёринг-Смирнова И.Р., Смирнов И.П. «Исторический авангард» с точки зрения эволюции художественных систем // Russian Literature. Vol. VIII. P. 403–468.
6. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М.: Сов. писатель, 1990. 320 с.
7. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство – СПб, 2004. 480 с.
8. Павловец М.Г. Поэтика заглавий логогрифа «Я» и «Поэмии о соловье» Василия Каменского // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14) С. 24–31.
9. Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX – начала XX века (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века: межвуз. сб. / под ред. Г.П. Макогоненко. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. С. 265–284.
10. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛО, 1994. 351 с.
11. Faruno J. Дешифровка III: транссемиотическая лестница авангарда // Russian Literature. Vol. XXXII. 1992. P. 1–40.

Издания на электронных носителях

12. Мескин В.А. Грани русского символизма: В. Соловьев и Ф. Сологуб: монография. М.: Флинта, 2012. 480 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litres.ru/static/or4/view/or.html> (дата обращения: 27.01.2017).

References

Istochniki

1. *Solov'ev V.* Zhiznennaya drama Platona // Vestnik Evropy'. 1898. T. II. S. 334–356, 769–782.
2. *Solov'ev V.S.* Chteniya o Bogochelovechestve // Solov'ev V.S. Soch.: v 2 t. T. 2. M.: Pravda, 1985. S. 3–172.
3. *Sologub F.* Chelovek cheloveku — d'yavol // Sologub F. Tvorimaya legenda. M.: Xud. lit., 1992. Kn. 2. S. 153–159.

Literatura

4. *Gajdenko P.P.* Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka. M.: Progress – Tradiciya, 2001. 472 s.
5. *Dyoring-Smirnova I.R., Smirnov I.P.* «Istoricheskij avangard» s tochki zreniya e'volyucii xudozhestvenny'x sistem // Russian Literature. Vol. VIII. P. 403–468.
6. *Losev A.F.* Strast' k dialektike. M.: Sov. pisatel', 1990. 320 s.
7. *Mincz Z.G.* Poe'tika russkogo simvolizma. SPb.: Iskusstvo – SPB, 2004. 480 s.
8. *Pavlovecz M.G.* Poe'tika zaglavij logogrifa «Ya» i «Poe'mii o solov'e» Vasiliya Kamenskogo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14) S. 24–31.
9. *Silard L.* Poe'tika simvolistskogo romana koncza XIX – nachala XX veka (V. Bryusov, F. Sologub, A. Bely'j) // Problemy' poe'tiki russkogo realizma XIX veka: mezhvuz. sb. / pod red. G.P. Makogonenko. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1984. S. 265–284.
10. *Smirnov I.P.* Psixodiakronologika. Psixoistoriya russkoj literatury' ot romantizma do nashix dnejj. M.: NLO, 1994. 351 s.
11. *Faryno J.* Deshifrovka III: transemioticheskaya lestnicza avangarda // Russian Literature. Vol. XXXII. 1992. P. 1–40.

Izdaniya na e'lektronny'x nositelyax

12. *Meskin V.A.* Grani russkogo simvolizma: V. Solov'ev i F. Sologub: monografiya. M.: Flinta, 2012. 480 s. [E'lektronny'j resurs] URL: <http://www.litres.ru/static/or4/view/or.html> (data obrashheniya: 27.01.2017).

L.V. Evdokimova

The Symbol *Self* in F. Sologub's Essay «Man Is the Devil to Man»

The article deals with the structure of the symbol *Self* in F. Sologub's essay «Man is the Devil to Man». Despite the shocking title, the essay expresses V. Solovyov's philosophical ideas about Godmanhood (Bogochelovechestvo) by means of discrete semiotic series, each level of which represents a new-content *Self*, going back to one aspect of V. Solovyov's doctrine of Sophia (from the created to the created-uncreated). The constructional features of the essay anticipate the techniques of avant-garde literature of the early XX century.

Keywords: F. Sologub's symbol *Self*; V. Solovyov; trans-semiotics; avant-garde text.

Э.Ф. Шафранская

Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в.

В статье рассматривается один из паттернов локальных текстов, которые складывались в межкультурной коммуникации в городах-«вавилонях»: Омске, Ташкенте, Алма-Ате. Этот паттерн — реальные и одновременно легендарные личности, странные люди, городские сумасшедшие.

Ключевые слова: локальный текст; паттерны; Ташкент; Алма-Ата; Омск.

Локальные тексты культуры и литературы — исследуемая проблема в современном литературоведении (см.: [9, 10, 12, 14–16 и др.]). Локальный (именной, топонимический) текст — это совокупность растиражированных в культуре и словесности (устной и письменной) представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии, образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками — всего того, что с течением времени становится сводом стереотипов о месте, или локальным текстом. По мере накопления исследовательских материалов о локальных текстах шел поиск терминологии — «строительной» единицы локального текста: как называть тот типологический материал, посредством которого выстраиваются локальные тексты? После ряда описательных единиц, не совсем удачного слова «штамп» (несет многозначные смыслы), какое-то время исследователи пользовались «сигнатурой» (термин Т.В. Цивьян), однако к нынешнему времени небезуспешно прижился термин «паттерн».

Итак, *паттерн* — одно из слагаемых локального текста; паттерны, принадлежащие разным топонимическим текстам, типологичны; это могут быть культурные артефакты, особенности ландшафта, климата, архитектура, гастрономический ряд, специфическая городская ментальность, имена собственные как знаки-символы культурного и исторического пространства города, городские социальные институты и пр.

В ряде больших городов на определенных историко-культурных этапах среди горожан появляются неординарные личности, на глазах очевидцев становящиеся персонажами городского фольклора, мифологии, — «местные сумасшедшие». Они — мета хронотопа; их след в городской культуре настолько заметен, что не мог не отразиться в литературе, художественной и мемуарной, став, таким образом, паттерном локальных текстов.

Выбор городов, рассмотренных в статье, с одной стороны, случаен; с другой — закономерен для контекста XX в.: *Ташкент* вобрал в себя почти все

народы, проживавшие на территории СССР, и даже за ее пределами, — сначала в период колонизации Туркестана, а позже — во время эвакуации времен Второй мировой войны; *Алма-Ата* — город, заложенный русскими колонизаторами и ставший спасительным локусом времен той же войны; *Омск*, колчаковская столица, центр Сибири, резиденция Верховного правителя конца второго десятилетия XX в., наводненная беженцами. Это — города-«вавилонны», в которых на определенном историческом витке оказывается много пришлых, людей, привносящих в устойчивый узор городской культуры иные, «неместные» детали. Возможно, что при таком стечении обстоятельств энергия города провоцирует неординарное поведение, не вписывающееся в общепринятую норму.

Самый «ташкентский» из романов Д. Рубиной — «На солнечной стороне улицы» [4]. Рассказчица так и называет город — Вавилон, многонациональная, поликультурная, многоязычная колониальная столица, с карнавальными перевертышами и переодеваниями, травестиями и трансвеститами. Рассказчица не отстраненный наблюдатель, она участник карнавального действия: и зритель, и режиссер, и его координатор. В городе-карнавале не может не быть органичных ему фигур — юродивых, монстров, клоунов. Ими наполнен рубинский Ташкент: городские сумасшедшие, трансвестит Маруся, юродивый Роберто Фрунсо, стилига Хасик Коган, «дирижер», баскетболистка-великанша — их дороги, проложенные через все локусы города, так или иначе пересекаются в эпицентре карнавала, историческом месте — Сквере революции. Именно в нем, в Сквере, сконцентрирована карнавальная энергия города: его «одежды», яркие, монументальные, скидываются по-карнавальному быстро (нет времени на обдумывание деталей «костюма», главное — успеть влиться в праздник, озадачить метаморфозой), удивляя участников действия травестийными перевоплощениями (в романе речь идет о смене памятников, устанавливаемых на одном и том же месте в течение всего XX в.). Д. Рубина дважды упоминает имя художника Волкова¹, который «чудно» одевался, «как испанский гранд»: берет, короткие панталоны, короткий плащ, подкова на руке — от беспросветной бедности; сегодня же картины Волкова продаются на международных аукционах по баснословным ценам. О Волкове современники пишут как о дервише, пешком исходившем все тропы Средней Азии, своим внешним видом эпатировавшем «нормальную» советскую публику: с браслетами на руках и ногах, в черной накидке, с подкрашенными бровями. (Таким, как в романе Д. Рубиной, предстает Волков и в воспоминаниях художника В.И. Уфимцева, приехавшего в 1920 г. из Омска в Ташкент, см.: [8: с. 44–61].)

Ученик Волкова, художник Г.Н. Карлов, вспоминает, как впервые увидел маститого художника: крепкого сложения, с красивым лицом, с подведенными черными бровями (все, кто описывает Волкова, упоминают эти особенные брови). Как-то Волков, получив ответственный заказ — оформление Дома

¹ Александр Николаевич Волков (1886–1957) — художник и поэт.

Красной Армии, позвал на помощь ученика. Материалы готовы, не готов был Волков: нечего надеть. Художник оглядел свою мастерскую, увидел большую черную простыню, висевшую в виде фона для незаконченного натюрморта, хлопнул себя по лбу, снял эту простыню, один ее конец — за пояс, другой перекинул через плечо, на голову водрузил черный берет жены — и образ «черного рыцаря» был готов. При этом Александр Николаевич сказал, что если его эскизы одобряют, то он останется в этом костюме навсегда. Эскизы были приняты. Волков остался в памяти современников, своих и нынешних, именно таким: в «плаще», берете и с браслетом-подковой (см.: [3: с. 25–27]).

Художники 1920-х делились на две группы: правые, реалисты, и левые, авангардисты. За левые вкусы и настроения молодых художников не только прорабатывали, но и били. Одна из выставок Волкова проходила в здании университета. Обсуждение экспозиции закончилось потасовкой. Недоброжелатели Волкова пришли с наполненными карманами и палками и, по команде своего лидера, художника Горского, закидали волковцев фруктами и камнями. Так, в битве, рождалось новое искусство.

В анналах Волков остался народным художником Узбекистана. Его картины «Гранатовая чайхана», «Девушки с хлопком» — в Третьяковской галерее; немалая коллекция — в Музее искусства народов Востока.

Рубинская Алма-Ата в романе «Русская канарейка» тоже пестрит полурыженными, полусумасшедшими: «Встреча с безумцами всегда была — нечаянный театр. Две его знакомые чокнутые старушки ездили в троллейбусе номер девять — от проспекта Ленина до кинотеатра “Целинный”» [5: с. 35].

Однако певцом Алма-Аты, пионером в создании алма-атинского текста русской культуры был Юрий Домбровский. Его Алма-Ата тоже населена чудачками: «Здесь же печально бродит между ларьками некая туманная личность. Завсегдатаи знают, что это актер и поэт-новеллист. У него страшное, иссиня-белое, запойное лицо. Из театра его сократили, и вот он теперь ходит по рынку и гадает. Под мышкой у него толстый фолиант “Как закалялась сталь” — издание для слепых. Он кладет его на колени, распахивает и гадает» [2: с. 83]. Когда нестандартное поведение и облик этого чудачка вызывали неудовольствие соседей, его вызывали в милицию, где он подписывался как «Гений I ранга Земли и Галактики». Его облик напоминал ташкентского Волкова: «плоский и какой-то стремительный берет», «голубой плащ с финтифлюшками», «широкие брюки из мешковины». Имя этого чудачка — Сергей Калмыков². Картина Алма-Аты без этой фигуры сегодня непредставима. Множество работ Калмыкова экспонируется в Государственном музее искусств им. Абылхана Кастеева. Одна из них стала предтечей петрово-водкинського «Купания красного коня». «...Как хорошо, что на одного чудачка в Алма-Ате стало больше» [2: с. 92], — резюмирует рассказчик Домбровского. (В программе конференции учителей г. Алматы в 2015 г. демонстрировался фильм

² Сергей Иванович Калмыков (1891–1967) — художник, декоратор, писатель.

об Алма-Ате, снятый учениками старших классов: главным образом в сюжете фильма был одинокий бродяга, в виде тени, фигуры, уплывающей и расплывающейся на фоне городских достопримечательностей, сопровождавшей все кадры киноленты. Горожане-зрители без труда узнали эту «тень», а для гостей этот образ стал недостающим фрагментом в «пазле» алма-атинского текста.)

В Омск 1920-х в связи с катаклизмами, вызванными революцией и гражданской войной, хлынули беженцы. Среди них оказалось много художников и поэтов, бежавших из столиц империи. Всех притягивало место встречи. Главным островком культуры Омска стал дом Антона Сорокина³, «писательского короля», как он называл себя сам.

«Огромный оригинальный талант», «гонимый и непризнанный», «футуристическая глыба Великой Правды», — так отзывался о Сорокине тогдашний омич Давид Бурлюк [13: с. 7, 9].

Омский литератор Б.Д. Четвериков писал об Антоне Сорокине как о местной знаменитости, он выглядел хилым и безумным. Многим запомнился тем, как не раз в ходе чужого концерта вдруг появлялся на сцене и, установив зажженную свечу, начинал читать свои творения. Публика негодовала, свистя и крича. Не обращая ни на кого внимания, Сорокин продолжал свое выступление. После гасил свечу и кидал зрителям свои маленькие книжки (см.: [13: с. 34–35]). Это была одна из разновидностей *скандалов* Сорокина — жанр, с которым он вошел в историю литературы.

Омский очевидец перформансов Сорокина, В.И. Уфимцев вспоминает о «заборных» скандалах: на длинном сером заборе в центре города располагались творения Сорокина, самое выдающееся — нарисованная горящая свеча, с которой стекала надпись «Антон Сорокин», были также изображения поэта и художника в виде распятия на кресте, автопортреты с черепами, работы назывались «Рапсодии» и «Прелюдии», одни подолгу висели, другие, оторванные ветром, носились по улицам. Сам Сорокин описывает свои «заборные» скандалы так: «На заборах омских улиц, главным образом около гостиницы “Европа”, на самом бойком месте, мною вывешивалась ежедневно заборная газета, там я выкидывал цирковые антре. Сегодня в три часа здесь пройдет Антон Сорокин, мозг Сибири, и раздаст подарки. Ждала всякий раз толпа, которая получала портреты Антона Сорокина и всякий отброс, пуговицы, спички, папиросы, перья и прочую чепуху, ничего не стоящую. В тот день на заборе было двадцать портретов Антона Сорокина, печального, радостного, плачущего, смеющегося, показывающего нос и т. д. и надпись: жизнь писательского диктатора в портретах. Толпа невероятная, давка, смех и издевательство, портреты были сорваны, а я арестован» [6: с. 53–54]. Так, по словам омского писателя В.Г. Уткова, выражался трагический протест писателя против обывательщины и рутины [11: с. 22]. Сорокин называл себя «писательским Королем», «национальным сибирским писателем». К форме своего

³ Антон Семенович Сорокин (1884–1928) — художник и писатель.

творчества, самовыражения — скандалам и обструкции — он относился как к произведению искусства.

Объявив себя лауреатом Нобелевской премии, Сорокин зазывал в свой дом посмотреть на Асеева, Пастернака (которые там никогда не бывали). Гости с ходу включались в игру, вспоминает Л. Мартынов [11: с. 21]. В Сибири имя Сорокина было на устах: о нем складывались литературные анекдоты, предания, байки, слухи, которыми Сорокин сам режиссировал, а после описывал, хитроумно подсовывая свои статьи в сибирские издания, рождая очередной скандал.

О значении фигуры Сорокина в истории и о его месте в портрете Омска сказано очевидцем: «Он был такой же городской достопримечательностью, как каланча, как Любинский проспект, как купленный городским головой у бельгийцев железный мост через Омку или горделивая память о том, что Достоевский прошел через “мертвый дом” именно здесь» [11: с. 9–10], иными словами, фигура Сорокина в городской мифологии стала паттерном омского текста.

Сорокин в Омске был не единственным «фантазером». Мемуаристы предреволюционных лет вспоминают «футуриста жизни» Владимира Гольдшмидта, проповедовавшего «солнечные радости тела».

Сначала Гольдшмидт прославился в Москве 1920-х: он заказал скульптору В. Ватагину статую, изображающую его самого в полный рост. Статуя была готова, привезена в белом покрывале к Большому театру. Кроме друзей, собралась толпа зевак. «Снять шапки», — выкрикнул при открытии памятника себе Гольдшмидт. Публика была обескуражена, увидев обнаженную скульптурную фигуру, стала роптать и свистеть. «Памятник» простоял несколько часов, впоследствии его «арестовала» милиция и увезла на телеге (см.: [1]). Публичные перформансы футуриста Гольдшмидта перемежались кулуарными. Современники вспоминают: «Кабачок, где полуобнаженные женщины и девушки, с лицами, размалеванными, как вывески гостиниц, мешались с буржуазными любопытствующими дамами, пьяными солдатами и напудренными dandy. Гольдшмидт, ломающий о свою голову доску, одетый в красный муар, а иногда совсем обнаженный, выкрашенный в коричневую краску “под негра”, проповедует здесь “Радости тела”. Бурлюк, не отрывая лорнет от глаз, кричит: “Мне нравится беременный мужчина”» [7: с. 110].

В судьбах упомянутых нами фантазеров 1920-х случались «странные сближенья». Художник В.И. Уфимцев, совершив географический кульбит — из Омска в Среднюю Азию, пишет о том, как встречал Гольдшмидта сначала в Омске, еще до революции, «полуобнаженным», «как гладиатор на картинке», ему вслед шептали «футурист духа», а потом, после революции, в 1920-х, в Самарканде: здесь Гольдшмидт рассказывал, «как равный о равных», о Маяковском, Каменском. Позже Уфимцев встречался с Гольдшмидтом в Алма-Ате и Ташкенте, где «футурист духа» выступал с сеансами гипноза (см.: [8]).

Когда Гольдшмидт с «магнетическими» сеансами приехал в Ташкент, он вдруг собрался жениться. Свадьбу отпраздновали в доме А.Н. Волкова («странные» люди притягивали друг друга). Наутро невесту выкрали ее родители, решив, что за такого жениха можно пойти, только находясь под гипнозом. Волков и Гольдшмидт пошли отбивать невесту: выставили чужую дверь — приехала милиция, оба дебошира были арестованы, мальчишки кричали: «Футуристов ведут».

Владимир Гольдшмидт писал стихи, воспоминания, разрабатывал теорию йоги, однако после его смерти архив был утерян (см.: [1: с. 55]).

По каким-то метафизическим законам все названные в статье персонажи так или иначе пересекались — если не были знакомы лично, то ходили по одним тропам. Их объединяет неординарный талант, за который они были гонимы при жизни: не вписывались ни творчеством, ни поведением в принуждаемую властями матрицу. Атмосфера ушедшего времени городов-«вавилон» — Ташкента, Алма-Аты и Омска — без знакомства с этими фантазерами будет неполной. Их образы, упоминаемые в русской литературе, в пространстве локальных текстов становятся паттернами соответствующих топонимических пространств.

Библиографический список

Источники

1. Волков В.А. Мозаика воспоминаний // Мастер «Гранатовой чайханы»: Живопись. Поэзия. Друзья. М.: Ньюдиамед, 2007. С. 46–61.
2. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей: роман. М.: Новая газета, 2011. 720 с.
3. Карлов Г.Н. Товарищ жизнь: Воспоминания. Ташкент: Ёш гвардия, 1987. 93 с.
4. Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы: роман. М.: Эксмо, 2006. 432 с.
5. Рубина Д.И. Русская канарейка: роман: в 3 кн. Кн. 1: Желтухин. М.: Эксмо, 2014. 480 с.
6. Сорокин А. Тридцать три скандала Колчаку / подготов. текста, примеч. и предисл. И.Е. Лощилова, А.Г. Раппопорта. СПб.: Красный матрос, 2011. 148 с.
7. Толстая Е.Д. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГГУ, 2006. 685 с.
8. Уфимцев В.И. Говоря о себе: Воспоминания. М.: Сов. художник, 1973. 172 с.

Литература

9. Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г.): в 2 т. / под ред. П.В. Алексева. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016.
10. Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008. 495 с.
11. Лощилов И.Е., Раппопорт А.Г. «Это не литература, это вне литературы. Тем хуже для нее...» // А. Сорокин. Тридцать три скандала Колчаку. СПб.: Красный матрос, 2011. С. 7–27.

12. *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
13. Омские озорники. Графика 1910-х – 1920-х годов из собрания Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля: по материалам выставки к 100-летию со дня рождения поэта Л. Мартынова (май, 2005 г.) / авторы-сост.: И.Г. Девятъярова, Т.В. Еременко; науч. ред. Ф.М. Буреева. Омск: Омскбланкиздат, 2010. 114 с.
14. *Соболева О.В.* Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиции // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 5 (11). С. 184–188.
15. *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
16. *Шафранская Э.Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.

References

Istochniki

1. *Volkov V.A.* Mozaika vospominanij // Master «Granatovoj chajxany»: Zhivopis. Poe'ziya. Druz'ya. M.: N'yudiamed, 2007. S. 46–61.
2. *Dombrovskij Y.O.* Fakultet nenuzhny'x veshhej: roman. M.: Novaya gazeta, 2011. 720 s.
3. *Karlov G.N.* Tovarishh zhizn': Vospominaniya. Tashkent: Yosh gvardiya, 1987. 93 s.
4. *Rubina D.I.* Na solnechnoj storone ulicy': roman. M.: E'ksmo, 2006. 432 s.
5. *Rubina D.I.* Russkaya kanarejka: roman: v 3 kn. Kn. 1: Zheltuxin. M.: E'ksmo, 2014. 480 s.
6. *Sorokin A.* Tridcat' tri skandala Kolchaku / podgotov. teksta, primech. i predisl. I.E. Loshhilova, A.G. Rappoport. SPb.: Krasny'j matros, 2011. 148 s.
7. *Tolstaya E.D.* «Degot' ili myod»: Aleksej N. Tolstoy kak neizvestny'j pisatel' (1917–1923). M.: RGGU, 2006. 685 s.
8. *Ufimczev V.I.* Govorya o sebe: Vospominaniya. M.: Sov. xudozhnik, 1973. 172 s.

Literatura

9. Dialog kul'tur: poe'tika lokal'nogo teksta: materialy' V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Gorno-Altajsk, 26–29 sentyabrya 2016 g.) / pod red. P.V. Alekseeva: v 2 t. Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2016.
10. *Abashev V.V.* Perm' kak tekst: Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka. Perm', 2008. 495 s.
11. *Loshhilov I.E., Rappoport A.G.* «E'to ne literatura, e'to vne literatury'. Tem xuzhe dlya neyo» // A. Sorokin. Tridcat' tri skandala Kolchaku. SPb.: Krasny'j matros, 2011. S. 7–27.
12. *Lyusy'j A.P.* Kry'mskij tekst v russkoj literature. SPb.: Aleteyja, 2003. 314 s.
13. Омские озорники. Графика 1910–1920-х годов из собрания Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля: по материалам выставки к 100-летию со дня рождения поэта Л. Мартынова (май, 2005 г.) / авторы-сост.: И.Г. Девятъярова, Т.В. Еременко; науч. ред. Ф.М. Буреева. Омск: Омскбланкиздат, 2010. 114 с.
14. *Соболева О.В.* Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиции // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 5 (11). С. 184–188.

15. *Toporov V.N.* Peterburgskij tekst. M.: Nauka, 2009. 820 s.
16. *Shafranskaya E.F.* Tashkentskij tekst v ruskoj kul'ture. M.: Art Xaus media, 2010. 304 s.

E.F. Shafranskaya

Liars and Fantasizers as a Pattern of the XX Century Local Texts

The article deals with one of the local text patterns formed in the process of intercultural communication in such Babylon-type cities as Omsk, Tashkent, or Alma-Ata. The pattern concurrently represents real-world and legendary persons, eccentrics, and local idiots.

Keywords: local text; patterns; Tashkent; Alma-Ata; Omsk.

А.Л. Ястребов

Семиотика вдохновения: актер между заурядностью и фаустианством

В статье анализируется влияние темы творчества и поиска вдохновения в литературе на постижение природы искусства актером.

Ключевые слова: эстетика русской и зарубежной литературы; театральное искусство; семиотика вдохновения.

Как известно, К.С. Станиславский признавал, что «ремесло заедает творчество»; а если, рассуждал режиссер, «отдаваться ремеслу, то пусть ремесло актера будет доведено до большого совершенства» [6: т. 1, с. 336]. В адрес же русского актера звучат упреки в неорганизованности, в отсутствии «сознания своего долга» [5: т. 1, с. 337] и энергии, в нежелании играть без вдохновения.

Станиславский иронизировал по поводу отечественной манеры подражать западным образцам даже в страсти к алкоголю: «Актеры пьянствуют потому, что хотят походить на Кина, но это был недостаток Кина или его несчастье <...> достоинств же его провинциальные актеры не имеют, значит, они не Кины, а пьяницы» [6: т. 1, с. 126].

Режиссер отвергает утверждения, что водка вызывает вдохновенный прилив творческих сил и снимает сценическое напряжение. Причины подобных поступков русских актеров объясняются с помощью критики распространенных мифов: «Актер русский избрал для себя несколько отговорок: русская свобода (а не немецкая педантичность), русское вдохновение (а не иностранная выучка). И с помощью этих отговорок он распускается до того, что является пьяным перед публикой» [5: т. 1, с. 336].

Объясняется все это воспитанной литературой традицией оправдывать зло в эстетике казуистических допущений и «варварских отговорок распущенности» [5: т. 1, с. 412]. К.С. Станиславский, распутывая клубок накопившихся проблем актера, приходит к выводу, что все разговоры о «ремесленничестве», «вдохновении», «национальной мифологии свободного духа» [5: т. 1, с. 410] вторичны. Основной причиной актерской «распущенности» признается неумение и нежелание служителя сцены трудиться: «...пианист и скрипач каждый день в определенное время делают сольфеджио. Почему же актер может играть только тогда, когда ему хочется?» [6: т. 1, с. 247].

«Записная книжка, 1845–1846» Н.В. Гоголя хранит запись: «50 раз должно ездить на одну и ту же пиэсу», и тут же — его признание: «многие пиэсы не заывают во второй раз, потому что дурно соображены, не вникнуты

совсем, во всех частях, не оглянуты со всех сторон. Потому что для этого не две, не три наскоро состряпанные репетиции, но репетиций 10, 20 полных, главных репетиций. Вон и суфлера с коробкой! Пусть он проживет в своей роли» [2: т. 8, с. 138]. Несомненно, писателя смущает безответственное отношение актеров, играющих «по вдохновению», без черновигов, набело, не признающих законов творческого ремесла, которым обязаны подчиняться все без исключения представители искусства.

Литература и театральная критика без устали иронизируют над желанием артистов подражать в творчестве и образе жизни кумирам прошлого. Фигуры корифеев сцены, созданные фантазией многочисленных мемуаристов, представляются титаническими во всех своих проявлениях — духовных и телесных. Современное состояние театра неизменно пугает своей пошлостью. Ностальгическая тема — «ведь были же богатыри!» — звучит в каждом без исключения воспоминании.

В.Г. Белинский в статье «Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким... Книжки 1 и 2, за генварь и февраль... Пантеон русского и всех европейских театров. Часть I» [1: т. 3, с. 209] с сарказмом отзывается о «Театральных воспоминаниях моей юности» Ф. Булгарина, который ушедшее в прошлое театральное искусство представляет сквозь магическое увеличительное стекло.

Пройдет немного времени, и новые мемуаристы начнут вспоминать, что их времена были заселены прекрасными и не подверженными влиянию алкоголя артистическими натурами. В результате укореняется чрезвычайно порочное мнение, что многим актерам для того, чтобы достичь вдохновения, необходима рюмка водки. Подобная уверенность основывается на бесконечных театральных апокрифах, многочисленных рассказах о выдающейся игре находящихся в легком подпитии актеров. Источники происхождения данного аспекта «питейной» мифологии, несомненно, уходят в глубь веков и связаны с образами чудодейственных напитков, придающих силы в жизни и любви. Литературу привлекают магические свойства всевозможных взваров, любовных напитков, усиливающих желания, отворотных средств, которые побеждают пагубные страсти. Необходимо отметить, что вплоть до культуры Нового времени алкоголь в искусстве никогда не рассматривался как средство, вызывающее творческий порыв.

Единение мотивов алкоголя и вдохновения берет начало в любовном сюжете; романтическое чувство, пытаясь найти способы впечатляющего проявления, соотносит страсть с опьянением. Волшебный эффект от легкого вина становится метафорическим знаком описания психологического состояния персонажей. Влюбленный ассоциируется с опьяневшим, он весел и безрассуден, сверхчувствителен и наделен талантом идеального читателя — он способен расшифровывать мысли и чувства предмета своих возвышенных устремлений. Опьянение чувством вызывает к жизни тему раскрепощения таланта, извлечения из глубины души потаенных до времени богатств, дремавших в ожидании счастья.

В литературе, воспевающей жизнь полусвета, формируется культ легкого опьянения. Вино воспринимается как центральная составляющая модели

интимных отношений. В тех случаях, когда эротическое развитие темы перестает интересовать авторов, то вино начинает играть роль убедительного стимула творчества, что приводит к созданию романтической формулы: вино – любовь – вдохновение. Каждый из этих элементов может вступать в равные отношения с другим, создавать автономные пары: вино – вдохновение, вдохновение – любовь... Многие десятки аналогичных по теме произведений разрабатывают бесконечные варианты сходных фабульных сочленений.

Следует сказать о моде на алкоголь, которая прививалась богемным образом жизни. В романе «Сцены из жизни богемы» (1851) А. Мюрже не допускает мысли о тлетворном влиянии спиртного на творческую природу. Вино есть продолжение красивой жизни, терпкой и изменчивой, объединяющей людей, бескорыстно отдающих себя искусству, окруженных прекрасными цветочницами и актрисами. Ни одна встреча не обходится без вина, которое придает участникам скромных и веселых застолий элегантную остроту мысли, легкость в общении и дарует забвение жизненных проблем.

Вино органично входит в систему отношений, предстает как синоним праздника, радостного ежевечернего времяпрепровождения, торжества веселья и остроумия.

Литература стремится изучить все возможности сюжетного движения, предоставляемые образом вина, пребывает в поиске наиболее сильных стимулов развития художественного мира, что приводит к открытию словесностью водки, которая очаровала, загипнотизировала своей разрушительностью и губительностью не одного литературного героя.

Тема вдохновения получает прописку в литературе романтизма. Культура подробно расписывает это феноменальное откровение природы и души, когда человек из состояния обыденности или приуготовленности к чуду переходит в ранг творящего начало мира. Вдохновение при этом не отличается от любви и ненависти — страстей, разрушающих покойность духа.

Любовь и ненависть опьяняют, но эти типы опьянения, как показывает литература, отличны по качеству и по характеру протекания процесса. Любовь вызывает эйфорию, напоминающую легкое возбуждение от вин и шипучих напитков. Ненависть же рождает исключительно крепкий алкоголь, заставляющий руки трястись от гнева, глаза наливаются кровью, а члены холодеть или гореть нестерпимым огнем.

Увлечение философией и музыкальной эстетикой побуждает Э.Т.А. Гофмана и Новалиса воспевать творческие профессии, связанные прежде всего с созданием звуков, абстракций, а драматические актеры оказываются на периферии внимания, они еще не обрели самоценного статуса. Не случайной в связи с этим видится приводимая Гофманом комическая сценка, в которой исполнителей привязывают за ноги веревочками, чтобы директор мог контролировать все перемещения актеров по сцене, сообразно собственному мнению о драматургии спектакля. Писатель иронизирует над некоторыми

представлениями о специфике сценического ремесла и над словесностью, которая не определилась в выборе сюжетов, способных показать актеров как полноправных творцов и соавторов высокого искусства.

Все же тема вдохновения обнаруживает свою привлекательность для литературы прежде всего тем, что позволяет рассказать о кульминационных моментах самовыражения творческого человека. Любовь может испытывать любой персонаж независимо от того, создает ли он уникальные шедевры или душою и телом отдается возделыванию целины; никому из героев не запрещено также предаваться бражным занятиям; что же касается вдохновения, то оно посещает исключительные натуры, мучающиеся в ожидании непостоянной музыки. Вдохновение, таким образом, обобщает наиболее эффектные элементы известных сюжетов и характеризует уникальные порывы души, которым романтики дали название «высокая болезнь». Не нужно искать средства излечения от нее, более важным представляется определить и описать симптомы «заболевания», т. е. переход от обычного самочувствия в состояние безумствующей, взрывающейся гениальности.

Опьянение любовью и алкогольное опьянение, даже после всех попыток романтиков развести их по разным сюжетам, принимаются соперничать. И литература перестает различать эти ранее оппозиционные мотивы. Начинается новый период проб и ошибок. Искусство идет по пути усиления каждого из них, и обнаруживается, что в сюжете, связанном с творчеством, алкогольное возбуждение демонстрирует свое превосходство над любовным опьянением, так как музыкант, актер ориентированы на создание абстрактных ценностей, и эта тема не может быть исчерпана рассказом о победе над конкретной женщиной. При всей выразительности любовно-эротического торжества оно все же слишком тривиально в сравнении с созданием музыкального произведения, рождением роли. К тому же сюжет художественных исканий не выдерживает более одного главного героя, дверь в вечность открывается только для исключительных натур, прошедших испытание одиночеством, а любовная фабула предполагает обязательно наличие как минимум двух героев.

Раскрывая тему творчества, литература отказывается от мотивировок любовного конфликта и предпочитает анализировать «солные» страдания личности. Разрабатывается фаустианский мотив — любовь земная представляется слишком заурядным занятием, персонаж жаждет возвыситься над рутинной, вступить в диалог с дьяволом. Это потом он покается, но сейчас ему необходимо мобилизовать все силы, чтобы проникнуть за амальгаму зеркала жизни.

Романтики настойчиво заполняют тему любовных переживаний персонажей элементами сюжета творческого поиска. Переосмысливаются философские значения переходных времен года. Весна или осень во многих сюжетах уже не связаны с темой любви; начинается новая история, повествующая о мучительных поисках вдохновения. Ч. Ломброзо в своем труде «Гениальность и помешательство» задается целью найти точное определение понятия «вдохновенный порыв».

Результаты исследования свидетельствуют: на гениальных людей особое воздействие оказывают времена года, особенно весна и осень (из 1867 великих произведений 539 создавались весной и 485 — осенью) [3: с. 41].

Актер, как и любой другой человек искусства, подвержен природному ритму и не меньше поэта или художника предрасположен к душевным мукам, жгучим страстям. Сама суть ремесла — представление мира через переживание, общение с фиктивным текстом — приучает актера инстинктивно доверяться всему искусственному, поверять природу средствами культуры, воспитывать в себе способность становиться частью условного пространства, настойчивого в желании заменить реальное бытие. Представления о природной норме у него размыты. Эта предрасположенность к парадоксальному восприятию мира звучит в признании Ж.-Ж. Руссо: «Голова моя так устроена, что я не умею находить прелесть в действительно существующих хороших вещах, а только в воображаемых. Чтобы я красиво описал весну, мне необходимо, чтобы на дворе была зима» [3: с. 64].

Актер, воспитанный на эстетике театра переживания, обладает схожим типом самочувствия; он творит идеальное из материала ничтожной повседневности, заставляет себя находиться в реальности зимы, чтобы пробиваться из ее холода к пробуждающей любви и красоте весне. Без горячительных напитков здесь не обходится.

Драма поиска вдохновения заключается во влиянии на актера романтической эстетики, которая учит искать вдохновение в любви и вине. И сколько бы гневных слов ни было произнесено в адрес «бездельничающих» актеров, слоняющихся, как неприкаянные, по жизни и ресторанам, литература неизменно утверждает: чтобы извлечь из себя искусство и создать образ на сцене, полюби или выпей. И сколько бы ни ругали актера, сколько бы упреков в адрес раба сцены ни прозвучало, он продолжает извлекать из себя искусство проверенным дурным способом. Несомненно, большая доля ответственности за нездоровые симпатии к алкоголю лежит на актере. И все же нельзя списывать вину только на него, он и готов выполнять требования режиссера, но настроения романтических текстов, которые ему приходится играть, неизменно настаивают на своем: полюби или выпей. Романтические произведения исследуют стихию чистой звуковой чувственности. Музыка и острота наслаждения, ею рождаемая, в идеалистической эстетике получает определения, которыми привычно описываются ощущения от вина. Музыка подбираются «винные эпитеты» — «сладкое», «искристое». Вино, как и музыка, награждает «энтузиаста» и актера, его представляющего, способностью проникать зрением и слухом в бесформенные глубины, праязык материального и духовного миров.

Актер постигает природу искусства, рожденного «винно-музыкальным» мышлением, он пропитывается вакхической образностью, бессознательно приучается к дионисийскому безумию. Текст разрушает психику актера. Многие в стремлении добиться натуралистического правдоподобия роли

становятся, по словам М. Чехова, «фотографами природы», они преследуют цель «давать своему зрителю ряд “сильных ощущений”, способных вызвать нервное потрясение ценою патологических эффектов» [5: т. 1, с. 406]. На сцене появляются, развивает далее свою мысль М. Чехов, «картины жутких видов смерти, физических мучений, кровавых убийств, раздирающих душу катастроф, патологических душевных расстройств, сумасшествий, животных криков, воплей и выстрелов. Все это будет вершиной достижения натуралистического “искусства”, но и концом его» [7: т. 1, с. 56]. Подобное вживание в роль и представление актером «жизненной правды» связано с большой затратой душевных и физических сил, когда для восстановления растроченных вдохновения и здоровья требуется алкоголь. Просматривается обратная сторона искусства вживания в роль: оно оказывается губительным для исполнителя.

Литература относит актера к одному из настойчивых выразителей романтической стилистики искреннего восприятия и переживания мира, представляет его последовательным выразителем «синдрома Стендаля» — впечатлительности от картин и событий. Культура ориентирует актера на роль страдательного начала.

Об актере-человеке рассуждал Вс. Мейерхольд, предостерегая от увлечения «романтической» театральной эстетикой, предлагающей актеру не очень широкий ассортимент средств для достижения вдохновения. В одном из выступлений Вс. Мейерхольд по памяти процитировал академика И.П. Павлова, заявившего незадолго до своей смерти: «Я проник уже к мозгу собаки, теперь я перехожу к умалишенным. Но для того, чтобы перейти к изучению нормального человека, нам придется сначала изучить актера» [4: т. 1, с. 356]. Реприза вызвала «смех, аплодисменты». Проповедник здорового актерского образа жизни комментирует мысль, сравнивает художника Серова, который «был здоровым человеком», с «больным Врубелем». Режиссер признает, что «и тот и другой давали замечательные произведения», и выражает убежденность: «...если бы Врубель был здоровым человеком, он одарил бы нас произведениями искусства гораздо более значительными» [4: т. 1, с. 356].

В стороне от внимания Мейерхольда остаются банальные аспекты, связанные с практикой восприятия спектакля публикой. Декларируется, что сознание зрителя обязано соответствовать грандиозности исторического момента, должно улавливать дух эпохи, радоваться структурной логике режиссерской мысли.

Игнорируется тривиальный факт — зритель слишком интимен, чтобы неизменно восхищаться «овнешненными» формами этой интимности, он раб своих и чужих слез, поклонник громких, выстраданных криков, мучающейся души и стихийного выражения чувств безумного, пьяного или влюбленного героя. Как пишет И.И. Мурзак, «драма ориентирована на требования сцены, поэтому ее жизнь в театре всегда изменчива, она отражает то время, то общество, в рамках которого воплощается. Текст сценический намного шире текста драматического: он включает в себя знаковые смыслы декораций, музыкального оформления, костюма, пластики актера. В восприятии спектакля

важную роль выполняют все компоненты текста театра, именно они рожают эффект соучастия и сопереживания» [5: с. 34].

Зритель понимает сценическое переживание ровно настолько, насколько его душе созвучны приемы представления страсти и драмы. Иногда темные круги под глазами страдающего от вчерашних возлияний актера говорят о Гамлете-человеке куда больше, чем рассчитанная с помощью логарифмической линейки биомеханическая реплика.

Библиографический список

Источники

1. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 3: Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. М.: Худ. лит., 1976. 614 с.
2. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М.: Рус. книга, 1994. 375 с.

Литература

3. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. М.: Республика, 1996. 398 с.
4. *Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 644 с.
5. *Мурзак И.И.* Феноменология драматического текста // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1. С. 33–37.
6. *Станиславский К.С.* Из записных книжек: в 2 т. Т. 1. М.: ВТО, 1986. 608 с.
7. *Чехов М.* Воспоминания. Письма: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1995. 542 с.

References

Istochniki

1. *Belinskij V.G.* Sobr. soch.: v 9 t. T. 3: Stat'i, recenzii i zametki. Fevral' 1840 – fevral' 1841. M.: Xud. lit., 1976. 614 s.
2. *Gogol' N.V.* Sobr. soch.: v 9 t. T. 8. M.: Rus. kniga, 1994. 375 s.

Literatura

3. *Lombroso Ch.* Genial'nost' i pomeshatel'stvo. M.: Respublika, 1996. 398 s.
4. *Mejerxol'd V.E.* Stat'i, pis'ma, rechi, besedy': v 2 t. T. 1. M.: Iskusstvo, 1968. 644 s.
5. *Murzak I.I.* Fenomenologiya dramaticheskogo teksta // Vestnik MPGU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1. S. 33–37.
6. *Stanislavskij K.S.* Iz zapisny'x knizhek: v 2 t. T. 1. M.: VTO, 1986. 608 s.
7. *Chexov M.* Vospominaniya. Pis'ma: v 2 t. T. 1. M.: Iskusstvo, 1995. 542 s.

A.L. Yastrebov

Semiotics of Inspiration: the Actor between Mediocrity and Phenomenon of Faust

The article is devoted to the impact made in literature by the themes of creativity and inspiration on comprehension of actor's mastery.

Keywords: Russian and Foreign literature aesthetics; histrionic art; semiotics of inspiration.

И.И. Мурзак

Современный зритель: интерпретатор или потребитель?

Статья посвящена современным проблемам восприятия драматургического текста. Категория зрителя рассматривается в двух аспектах: интерпретация классического литературного произведения и потребление продукта сценического искусства.

Ключевые слова: феноменология категории *зритель*; классическое произведение; современный театр.

Сцена всегда современна зрителю, она всегда отражает ту сторону жизни, которую хочет видеть партнер.

А.И. Герцен

Современный театр занимает существенную эстетическую нишу культурной жизни социума, но уже не являет собой единственной сферы массового искусства. Произошла переакцентировка социального и культурного отношения к визуальному тексту. С конца XIX в. и на протяжении XX в. смена художественных направлений и стилей происходила стремительно. Новыми явлениями, во многом изменившими отношение к театру в социуме, стали кинематограф и телевидение. И все же, несмотря на существенное изменение зрелищных форм, театр по своей природе всегда остается особым видом творчества. Поэтому, на наш взгляд, следует рассмотреть значение категории зрителя в двух аспектах оценивания сценического действия: как интерпретацию классического литературного произведения и как потребление продукта сценического искусства. Публика вступает в диалог с режиссером, который по-своему прочитал классику, она ценит в спектакле зрелище, продукт визуального искусства.

Театр живет только в настоящем. Один и тот же спектакль невозможно сыграть одинаково дважды. Успех зависит не только от талантливости драматурга и режиссера, мастерства актеров, но и рецепции зрителя. Осмысление художественного произведения — это акт познания и переживания, причем творческое осмысление его режиссером и восприятие зрителем во многом схожи, но сам текст в обеих вариациях теряет тождественность.

Просмотр спектакля — результат постижения той формы действительности, которую увидел и отобразил автор спектакля. Воплощением этого мира текста в разных знаковых системах становится личностная интерпретация. Безусловно, интерпретация рождается не только в процессе чтения или просмотра спектакля, но и как результат анализа, направленного на уточнение, корректировку

и углубление восприятия. Эту особенность отношения к известному произведению литературы, разыгранному на сцене, можно наблюдать в современном театральном мире на примере постановки романов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М. Шишкина. Так, в спектакле театра Фоменко «Самое важное» каждый зритель, исходя из опыта прочтения романа М. Шишкина «Вернерин волос» и увиденного на сцене, ищет ответ на главный вопрос, заявленный в названии пьесы. Каждый зритель опирается на свой опыт, как отмечает современный исследователь эпических форм Г.И. Романова: «...восприятие вещей соотносится с реальностью или с литературной традицией. Удачно изобретенный мотив той или иной вещи бытует в литературной традиции, приобретая все новые оттенки смысла» [3: с. 241].

В современной театральной ситуации зритель — главный субъект творческого действия. Именно его оценка и участие определяют успех спектакля. В театре постмодерна зритель — важная эстетическая категория. Сильные и слабые стороны зрительской вовлеченности в современную коммуникативную сферу позволяют выявить роль театрального искусства в жизни общества.

В постмодернистской эстетике в театральной парадигме многое изменилось: родились новые жанры, изменились формы общения с публикой, способы оформления спектакля. Театр освоил все то, что выходило за рамки классической инсценировки: танец, часто даже балет, расширение возможности сценографии, включение в спектакль элементов нового цирка, его эксцентрики, документальные формы, перформанс, кинематограф, мюзикл и т. д. Как пишет П. Руднев в критическом обзоре «Ломка инструментария», «недалекие режиссеры только копировали формы, умные — насыщали современными локальными смыслами. Синтез новых технологий и психологической русской актерской школы завоевал новых зрителей, прежде всего молодежь, — в театр сегодня вернулась умная, интеллектуальная публика, рассматривающая сцену не только как развлечение и досуг, но и как важную часть социальной работы, коммуникативную технологию» [5: с. 175].

Примечательно, что в новом театральном формате практически невозможны дидактический пафос, отсутствие визуализации. Режиссеры активно используют серийность, инсталляции, музыкальные шоу. Предельная серьезность проблематики, драматическое напряжение, желание говорить на сложные темы передаются в форме игры со зрителем. Яркой иллюстрацией может послужить новый спектакль Театра Наций «Идиот» в постановке М. Диденко, где многим покажется странным уже то, что князя Мышкина исполняет женщина (Ингеборга Дапкунайте). Вторая странность — эксцентричные образы, почти клоуны, всего четыре актера, и все они трагести-образы. Деревянные лошадки — персонификация родины, а родной дом — гробовые крышки. Но эпатажная форма спектакля не уничтожает серьезности проблематики, ирония выражает философию Ф. Достоевского, а личная трагедия героев пьесы воплощает кризисное состояние мира. Роман писателя зазвучал ярко,

трогательно, просмотр спектакля проходит в состоянии натянутой струны (соответствующие эмоции вызывает музыкальное сопровождение, наполненное инфернальным содержанием).

Еще сложнее обстоит дело с современными постановками «непредсказуемого» У. Шекспира. Как оценить каноническую пьесу, когда в ней только один актер, исполняющий все роли, а все действие помещено в куб (Р. Лепаж «Гамлет. Коллаж»)? Зритель остается в недоумении от увиденного. У публики уровни восприятия и понимания часто далеки друг от друга. «В наши дни вопрос о ренессансно-гуманистических истоках шекспировской драматургии, — пишет Т.Г. Чеснокова, — к сожалению, попал в разряд прописных истин, имеющих прикладное значение устойчивой историко-литературной схемы» [6: с. 47]. Зритель оказывается в ситуации культурного шока, когда видит не то, что помнит со школьной скамьи. Поэтому, справедливо замечает М.Г. Анищенко, «абсурд не выходит за пределы реальности, существование героя пребывает в пределах вербального означивания бессмысленного мира» [1: с. 41]. Для всестороннего оценивания драматического произведения зрителю надо постичь творческие решения режиссера, понять, какими средствами создавался спектакль, как реализуется замысел в работе, начиная от актеров и кончая осветителями и звукооператорами. Каждый спектакль — это рождение нового произведения при участии зрителей, это полисемантическое пространство, предполагающее многозначную логику восприятия.

В монографии Ж. Рансьера «Эмансипированный зритель», посвященной проблеме восприятия визуальных произведений, отмечается, что современный зритель часто выступает в роли потребителя [2]. Хотя отношение к этому социально-культурному институту еще сохраняется в традициях высокой риторики, где театр — храм искусства. Но публика в театрах разная, и зрители воспринимают спектакли, исходя из своего опыта. Особенно это заметно в тех сферах публичного досуга, где сопряжены мода и медийность. Например, хорошим тоном считается бывать на премьерах в Театре Наций, где известный актер Евгений Миронов является главным режиссером. Это и обусловило театральную моду на спектакли, получающие престижные награды в сфере театрального искусства. Премьеры таких пьес сопровождаются активным обсуждением в средствах массовой информации. Но если посмотреть отзывы, например, на популярном сайте «Афиша», то может показаться, что этот театр представляет зрелища самого эпатажного свойства. Спектакль К. Богомолова по роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» получил признание в режиссерском сообществе, но не вызвал адекватного отклика у зрителя. Авторы этих отзывов судят о зрелище как потребители, по той простой причине, что не читали роман, не знакомы с работой М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», не знают законов постмодернистского дискурса.

Многие новаторские решения получают полярную оценку публики. Тот, кто знаком с приемами постмодернистского театра, с эстетикой «нового театра»,

тот получает истинное наслаждение от спектакля, где уже нет ни действия, ни актеров, ни конфликта, где режиссерская работа не основывается на привычном инструментарии и именно зритель определяет содержание сценического текста. Например, уже поставлен спектакль, которого нет: открывается занавес, и зритель весь вечер смотрит на пустую сцену — ничего не начинается, не происходит и ничем не заканчивается. Как в знаменитой музыкальной пьесе Джона Кейджа «4'33» («Четыре минуты тридцать три секунды»). Молчание — и главный герой, и содержание, и смысл. Этот прием «нулевой степени письма» уже использовался в режиссерских версиях, например, в постановке чеховской «Чайки». Монолог Мировой души в спектакле Треплева не читается героиней, а отмечен молчанием, которое длится ровно 4 минуты и 33 секунды.

Необходимо пересмотреть отношение театра к презентации спектакля в такой его коммуникативной части, как образ спектакля.

Изучением психологии зрителя занимаются социологи и культурологи. Заместитель директора Института искусствознания А. Рубенштейн в одном из интервью так представил культурологический портрет современного зрителя: «Публика — это всегда отдельные люди с присущими им вкусами и предпочтениями, которые в силу личностных особенностей проявляют различное отношение даже к одним и тем же спектаклям. Для одной группы зрителей с предельно неразвитым художественным вкусом весь продукт театрального рынка, создаваемый различными театрами, различными творческими индивидуальностями, является цепью товаров-субститутов. Они и в театре оказались достаточно случайно» [4]. Печально читать отклики на спектакль, в которых доминирует вкусовщина, просматривается необразованность и отсутствие такта.

Знаменитая сентенция Р. Барта о смерти автора привела культуру к смысловому экстремизму. Многие зрители решили, что у текста, воспроизведенного на сцене, нет точно определенного и зафиксированного смысла и он находится в плену рецепции читателя или зрителя.

Экспериментальные театры в поисках новых игровых форм общения со зрителем придумали новые жанровые формы: спектакли-квесты, нуар-мюзиклы, пьесы-перформансы. Центр имени Вс. Мейерхольда подобные эксперименты проводит регулярно. Спектакли-квесты стали частью жанра променад-театра, предполагающего не спокойное сидение в зрительном зале, а непосредственное участие в самом театральном действии. Сюжет рождается на глазах у зрителя, трансформируется в зависимости от эмоционального настроения аудитории. За основу берется любое известное произведение, которое получает неожиданную интерпретацию тем и образов исходного литературного текста. В эпоху диктата медийного пространства такие проекты очень востребованы. И если рецепция зрителя — это принятие, усвоение новых форм, то феноменология зрителя — опыт познания. Знаменитый тезис Гуссерля «Назад, к самим вещам!» позволяет современной публике освоить школу понимания и прийти к коммуникативному консенсусу с культурой.

Библиографический список*Литература*

1. Анищенко М.Г. Драма абсурда. М.: Рос. ун-т театрального искусства – ГИТИС, 2011. 312 с.
2. Рансьер Ж. Эмансипированный зритель. (Le spectateur émancipé. La fabrique éditions. 2008). М.: Красная ласточка, 2008. 144 р.
3. Романова Г.И. Практика анализа литературного произведения. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
4. Рубинштейн А. Интервью // Современная драматургия. 2002. № 2. URL: http://www.smotr.ru/prensa/sd/sd_2_2002_rub.htm (дата обращения: 15.01.2017).
5. Руднев П. Ломка инструментария. Как меняется современный русский театр // Октябрь. 2015. № 8. С. 174–182.
6. Чеснокова Т.Г. Шекспир и «конец Ренессанса»: к проблеме мировоззренческих основ шекспировского метода (к 450-летию со дня рождения У. Шекспира) // Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки». 2015. № 1 (13). С. 47–59.

References*Literatura*

1. Anishhenko M.G. Drama absurda. M.: Ros. un-t teatral'nogo iskusstva. GITIS, 2011. 312 s.
2. Rans'er Zh. Emansipirovannyj zritel'. (Le spectateur émancipé. La fabrique éditions. 2008). M.: Krasnaya lastochka, 2008. 144 p.
3. Romanova G.I. Praktika analiza literaturnogo proizvedeniya. 3-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2012. 256 s.
4. Rubinshtejn A. Interv'yuy [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.smotr.ru/prensa/sd/sd_2_2002_rub.htm (data obrashheniya: 15/01/2017).
5. Rudnev P. Lomka instrumentariya. Kak menyaetsya sovremenny'j russkij teatr // Oktyabr'. 2015. № 8. S. 174–182.
6. Chesnokova T.G. Shekspir i «konecz Renessansa»: k probleme mirovozzrencheskix osnov shekspirovskogo metoda (K 450-letiyu so dnya rozhdeniya U. Shekspira) // Vestnik MGPU. Ser. «Filolosofskie nauki». 2009. № 1 (13). S. 47–59.

I.I. Murzak**The Modern Viewer:
an Exegete or a Consumer?**

The article explores modern problems of drama text perception. The category of viewer is considered in terms of interpretation of classical literary works and consumption of stage art product.

Keywords: phenomenology of the viewer-category; classical work; modern theatre.

О.А. Дубнякова,
Т.А. Кашина

Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника

Статья посвящена изучению коммуникативно-прагматических особенностей личного дневника и его сопоставлению с рядом сходных автобиографических жанров — ретроспективных и неретроспективных. Рассматривается проблема типологизации личных дневников в зависимости от их объекта и адресата.

Ключевые слова: личный дневник; ретроспективность и неретроспективность; автобиографический пакт; типологизация дневников.

Автобиографическое письмо, к которому относится форма личного дневника (*фр.* — *journal intime*), представляет собой самостоятельный и уникальный жанр, который неизменно привлекает внимание литературоведов, лингвистов и культурологов в последние годы. Исследователь Е.Б. Савельева называет такой жанр «эго-документы» и объясняет интерес ученых к нему тем, что «в личности **связывается воедино** биологическое и психологическое, индивидуальное и социальное, общечеловеческое и этноспецифическое, интеллектуальное и эмоциональное, стереотипное и новаторское, объективное и субъективное» [10: с. 85] (выделено нами. — О. Д., Т. К.). Однако при всем этом некоторые коммуникативно-прагматические особенности личного нехудожественного дневника до сих пор нельзя считать достаточно изученными. Особый интерес являют собой проблемы определения объекта и адресата данного типа литературы.

Появление личного нехудожественного дневника относят к концу XVII в. и связывают это со значительными изменениями в общественном мировоззрении, произошедшими в эпоху Просвещения, а именно, ростом интереса к светской стороне *внутренней жизни* человека, — именно в этот период дневники впервые начинают описывать повседневные мысли и чувства субъекта [8]. Ф. Лежен, один из основоположников изучения автобиографии, ввел в научный обиход понятие «автобиографический пакт» (*фр.* — *pacte autobiographique*), который, согласно исследователю, состоит в том, что, во-первых, автор текста является одновременно его *повествователем* и *главным героем*, а во-вторых, излагаемые в тексте события являются достоверными. Подобная достоверность в дневнике в первую очередь проявляется в *наличии имени автора* [12: с. 17].

Рассмотрим жанровые особенности личного дневника в целях выявления его уникальности по сравнению с некоторыми сходными с ним литературными жанрами. В поиске ответа обратимся к существующим определениям

дневника. Так, С.В. Жожикашвили определяет дневник как «периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи» (выделено нами. — *О. Д., Т. К.*) [6: с. 232]. Французская исследовательница Ф. Симоне-Тенан считает также, что дневник имеет форму фрагментированного высказывания, которое одновременно сочетается с календарным порядком построения [14: р. 19]. Итак, дневник представляет собой последовательность в той или иной форме датированных записей, фиксирующих *факты прошлого*.

Отметим важное отличие дневника от самых близких к нему по форме автобиографических жанров. Во-первых, это — *ежедневник* (*фр.* — agenda). Нередко подобную форму ведения записи не отличают от дневниковой: в ежедневник записываются не только запланированные на будущее дела, но и дела, уже сделанные, прошлые. Однако в дневнике мы обычно наблюдаем *аналитическое развитие мысли*, тогда как содержание агенды исчерпывается сухими перечнями, списками.

Другой сходный жанр — *школьный дневник* (*фр.* — agenda scolaire) — также можно отнести к форме ежедневника. Французские исследователи, занимающиеся проблемой эго-письма, констатируют, что дневники современных французских школьников перестают терять функцию исключительно фиксации «того, что нужно сделать», а превращаются в *средство общения* между подростками: на их страницах появляются записи (часто личного характера), рисунки. Французский школьный дневник все больше начинает напоминать дружеский альбом (*фр.* — album d'amis). Подобные альбомы были в моде, в частности, среди французских дам высшего общества во времена Июльской монархии, туда записывались сны и цитаты, автографы и послания друзей. Исследователи отмечают, что и сегодня для некоторых дневниковедов их личный дневник играет роль, некогда принадлежавшую дружеским альбомам [10].

Еще один смежный с дневниковым жанр — *тетрадь писателя* (*фр.* — carnet), фиксирующая развитие творческой мысли. В теоретическом плане разница между дневником и тетрадью довольно ясна: второе является прежде всего инструментом писательской работы. Однако на практике эти два понятия могут смешиваться. Так, в качестве примера можно привести «Дневник» Ф. Кафки, где жизненные происшествия и душевные терзания автора перемежаются с писательскими зарисовками, фразами и кусками романов. Бельгийские исследователи дневников писателей М. Дельмот и М. Сержье видят в дневниках писателей не только площадку работы над художественным произведением, но и возможность создания «гибридных» жанров, возможности смешения традиционных форм [13; 3: с. 186].

Другая важная задача — отграничить дневник от несколько менее сходных с ним автобиографических жанров: *автобиография* (*фр.* — autobiographie) и *мемуары* (*фр.* — mémoires). При этом принципиально важно указать на то, что дневник реализует свою *ретроспективность* несколько иначе, чем указанные жанры. По мнению исследователей, от дневника, по крайней мере потенциально, ожидается наличие одновременности между переживаемым

событием и дискурсом. Поскольку на практике такая одновременность неосуществима, нормой можно назвать *существование крайне небольшого временного разрыва* между ними. Именно это отличает дневник от вышеперечисленных жанров. Как отмечает Р.И. Телешова, чаще всего мемуары представляют собой масштабное ретроспективное повествование, построенное по четкому целостному плану [11]. В то время как дневник включает в себя записи, периодически повторяющиеся, иногда неуверенные или бессвязные, преисполненные скорее вопросов, чем ответов, направленные в пока еще неизвестное будущее [3: с. 189].

Именно из этой особенности проистекает второе значительное различие между автобиографией и дневником. Так, дневник по своей природе неразрывно связан с настоящим и отсутствием знаний о будущем, он создается, как правило, *не ради того, чтобы быть опубликованным*. Это не означает того, что публикация дневников принципиально невозможна.

Показательным является французское название личного дневника — «*journal intime*». Ф. Симоне-Тенан пишет о том, что французское слово «*journal*» появляется в Средние века, причем сначала как прилагательное — «*livre journal*» («книга дней»). В ту эпоху этим термином обозначался журнал, куда торговец ежедневно заносил свои счета. Только в XIV в. данное прилагательное субстантивизируется. Что касается определения «*intime*», исследователь считает этот термин применительно к личному дневнику неудовлетворительным, поскольку не все дневники обязательно «интимны». Таким образом, словосочетание «*journal personnel*» представляется исследовательнице удачным, так как если каждая строка написанного — будучи опубликованной — становится **доступной** для прочтения абсолютно каждому. В этом смысле русскоязычный термин «личный дневник» представляется более подходящим, чем французский. Однако, продолжает исследовательница, дневник определяется прежде всего не по форме (как, например, датированность отрывка), содержанию (события — внутренние или внешние, интроспекция или взгляд на внешний мир) или функции (языковыми средствами сохранить или забыть определенные моменты жизни), а исключительно по единственности своего физического существования: даже машинописный личный дневник должен существовать *лишь в единственном экземпляре*. Любое копирование или размножение приводят к утрате его первоначального статуса [14: р. 13].

Отметим, что даже опубликованный и принадлежащий перу известного писателя личный дневник значительно отличается от художественного произведения. Кроме редуцированного, по сравнению с романом жанром, объекта, автобиографическая литература отлична своим адресатом, так как не всегда создается для прочтения массовым читателем [12]. Наиболее распространенным случаем *адресата личного дневника* выступает исключительно сам создатель текста.

Безусловная связь дневников с темпераментом авторской личности позволяет такому ученому, как О.Г. Егоров, разделить дневники на основании

психологического критерия на два крайних типа: (1) *экстравертивный* и (2) *интровертивный*, и третьим основным типом признать промежуточный, совмещающий в себе свойства вышеуказанных — (3) *осциллирующий* тип дневника [5: с. 135–141].

Согласно О.Г. Егорову, если в дневниках *экстравертивных* авторское «я» отображается на общественно-политическом фоне, на фоне явлений социальной жизни, а основной целью ведения записей в этом случае является попытка автора зафиксировать важные, на его взгляд, события окружающей действительности, для того чтобы их впоследствии осмыслить и проанализировать, то *интровертивные* дневники ориентированы на «внутренний мир личности, психологический самоанализ, субъективное переживание фактов духовной жизни» [Там же: с. 144]. *Осциллирующий* тип имеет своей основой динамику перехода авторского взгляда с внешней стороны бытия на внутреннюю. Данный тип дневника отражает, с одной стороны, душевный ритм автора, а с другой — сложность его социальной жизни.

Шаткость границы между данными типами дневников неизбежна: автор может колебаться между ними на протяжении долгого времени. Например, знаменитый французский поэт, драматург и дипломат Поль Клодель в первые годы ведения личного дневника будет противником любой интроспекции на его страницах. Писатель считал, что вглядываться в себя — это самый верный способ, чтобы изменить себя до неузнаваемости, так как в конце концов это приведет к принятию какой-нибудь *позы* (*фр.* — *une pose*) [1: р. 218].

Если интровертивный дневник подразумевает некоторое присутствие *самолюбования* в авторе, то П. Клодель кажется подлинным противником записей подобного рода. Напротив, для автора дневника самым верным средством самопознания было бы, скорее, «забудь себя», чтобы быть поглощенным зрелищем, которое разворачивается перед тобой и которое ему бесконечно более интересно [Там же: р. 198]. Однако исследователи личного дневника П. Клоделя отмечают, что со временем интровертивная составляющая в записях писателя появится, хотя никогда не станет в них доминирующей. Как человек религиозный, он непрерывно анализирует свой личный духовный путь, и потому будет порой оставлять замечания о том, что он, например, слушает мессу без внимания или невнимательно относится к собственной семье [4].

Кроме перечисленных выше особенностей, С.В. Жожикашвили отмечает неоднозначность объекта личного дневника: когда автор пишет его, он не должен постоянно **уточнять** и **развивать** тему с пером в руке, иначе можно стать неискренним. Искренность дневника подразумевает «непродуманность». В этом и полезность дневника — он служит **memento**, представляет наряду с мыслями **историю мыслей** [6] (выделено нами. — О. Д., Т. К.). В этой возможности проследить историю мыслей заключается *возможность перечитывать* написанное.

Интересным представляется исследовать, *кто* именно, согласно намерению автора дневника, имеет право на этот акт «перечитывания». Для этого

рассмотрим типологию дневников с точки зрения их открытости согласно авторскому замыслу. Так, исследователь М.Ю. Михеев делит дневники на несколько групп: предназначенные *для одного себя* (впоследствии иногда уничтожаемые или специально зашифрованные), на дневники, которые ведутся *для ограниченного количества лиц* (для супруги/супруга, родителей, близких друзей), и на дневники, заведомо рассчитанные *на привлечение максимально широкого круга читателей*. Наиболее распространенным образцом личного дневника является тот, что ведется исключительно для прочтения самим автором [7]. Однако, согласно исследователю, в этом смысле крайне показательным является замечание, сделанное М. Башкирцевой в ее франкоязычном дневнике (в данной записи она пытается проанализировать причины ведения дневника и определить, чем он для нее, как автора, является): ее дневник — это «жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время *со страстным желанием, чтобы оно было прочитано*» [Цит. по: 13]. В этом случае затрагивается важнейший *коммуникативный парадокс дневника* — текста, с одной стороны, не предназначенного к прочтению, однако, с другой стороны, в той или иной мере к этому прочтению тяготеющего. Это безусловно согласуется с приведенным выше рассуждением о том, что дневниковый текст полезен именно своей возможностью быть перечитанным.

Порой мысль о возможной будущей публикации сопутствует ведению дневниковых записей, даже если она не является самоцелью для автора и дневник сохраняет при этом все черты подлинно личного. Так, одна из записей, сделанных П. Клоделем в 1911 г., говорит о том, что публикация дневника в будущем представляется автору вполне возможной *посмертно* [1: р. 238]. Комментируя эти размышления, Ж. Пети [Там же: р. LXII] замечает, что эта фраза вовсе не обусловлена тем, что Клодель предвидит свою литературную славу и рассчитывает на публикацию всякого своего личного документа, просто писатель со временем убеждается в первостепенной важности своих тетрадей и понимает, что они могут представлять ценность не только для него, но и *для окружающих*. Несмотря на это убеждение, дневник писателя сохраняет сугубо интимный характер — об этом свидетельствует наличие таких записей, которых, вероятно, никто другой, кроме автора, не мог бы понять: даты, отмеченные крестиком или другим значком, пометки, сокращения, слова, значение которых остается неясным.

Отметим, что подобные способы *шифровки* можно вообще назвать одним из ключевых признаков личного дневника: поскольку автор и читатель-интерпретатор дневника — одно и то же лицо, им нет необходимости записывать текст развернуто. Именно это свойство отличает дневник от других автобиографических жанров. Будущая интерпретация автобиографических записей предполагается тем не менее безболезненной, поскольку сумма фоновых знаний у обоих участников коммуникации — автора и интерпретатора — равна.

Интересно, однако, отметить, что на самом деле, поскольку между актом написания и актом прочтения записи обязательно существует более или менее значительный *временной разрыв*, человек перечитывающий чаще всего оказывается в иной, значительно более выгодной, по сравнению с человеком пишущим, позиции, так как владеет большим объемом информации. Как пишет С.А. Герасимова, «главной задачей адресанта в [любом] процессе коммуникации становится **воздействие на адресата** (изменение состояния его психики, менталитета, физических ощущений). При общении идет поиск общего языка, общих информационных кодов» (выделено нами. — *О. Д., Т. К.*) [2: с. 99].

Кроме имплицитности передачи информации, для дневниковых записей часто характерно отсутствие литературной обработки или применения фигур и тропов, использование простых и неполных предложений, иногда письменная попытка передачи разговорного языка. С точки зрения содержательной личный дневник часто характеризуется крайней субъективностью и порой неаргументированностью выражаемого автором мнения — как отмечают Л.П. Рыжова и Е.Б. Савельева, «автобиографический дискурс/текст является отображением через языковые средства **процесса ориентирования человека в универсуме своих ценностей**» (выделено нами. — *О. Д., Т. К.*) [9: с. 72].

Таким образом, можно сделать вывод, что дневнику свойственны такие черты, как достоверность, отсутствие вымысла и художественного стиля, наличие подлинной авторской подписи (автор и рассказчик суть один и тот же человек, лицо невымышленное). Дневник отличается также ретроспективной подачей материала, однако дневниковая ретроспективность реализуется необычно: неразрывная связь с настоящим и отсутствие знаний о будущем обуславливают присутствие в нем спонтанной личностной интерпретации описываемых событий. В зависимости от психологического типа автора дневника, приоритетным объектом записей могут становиться как окружающая реальность, так и собственный внутренний мир. В зависимости от авторской установки дневник может быть открыт разному количеству читателей, однако чаще всего адресатом является сам автор, а автокоммуникативная ситуация, реализуемая в текстах дневника, определяет его ведущие языковые особенности: субъективность и неполноту повествования.

Библиографический список

Источники

1. *Claudel P. Journal I (1904–1932)*. Paris: Gallimard, 1995. 1508 p.

Литература

2. *Герасимова С.А.* Антропоцентрический подход к языку // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 96–100.
3. *Дубнякова О.А.* Дневниковые произведения Ф. Мориака как форма самопрезентации в диалоге с обществом // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социокультурных практик: материалы Первой междунар. конф. (Москва,

14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 185–189.

4. Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Концепт *foi* в христианской лингвокультуре // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной с международным участием. М.: МГПУ; Языки народов мира; Тезаурус, 2015. С. 134–140.

5. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование. М.: Флинта: Наука, 2003. 280 с.

6. Жожикашвили С.В. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. С. 232.

7. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX века — эго-текст, или пред-текст. [Электронный ресурс]. URL: <http://uni-persona.srcs.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (дата обращения: 15.01.2017).

8. Ромашина М.В. Дневник: эволюция жанра. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-evolyutsiya-zhanra> (дата обращения: 15.01.2017).

9. Рыжова Л.П., Савельева Е.Б. Контекстуальный дейксис как средство моделирования пространства и времени в автобиографической прозе Андре Жида // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2014. № 2 (14). С. 72–81.

10. Савельева Е.Б. Мир автора-коммуниканта в эго-произведении (на примере жанра автобиографии) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3–4 (45). С. 85–87.

11. Телешова Р.И. Romans autobiographiques d'Henry Troyat // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2007. С. 99–105.

12. Lejeune Ph. Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris: Éditions du Mauconduit, 2015. 128 p.

13. Sergier M., Watthee-Delmotte M. Le journal décrivain, un énoncé de la survivance // Interférences littéraires / M. Sergier, M. Watthee-Delmotte. [Электронный ресурс]. URL: <http://interferenceslitteraires.be/sites/drupal.arts.kuleuven.be.interferences/files/illi10completeissue.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).

14. Simonet-Tenant F. Le Journal intime. Genre littéraire et écriture ordinaire; avant-propos de Ph. Lejeune. Paris: Téraèdre, 2004. 192 p.

References

Istochniki

1. Claudel P. Journal I (1904-1932). Paris: Gallimard, 1995. 1508 p.

Literatura

2. Gerasimova S.A. Antropocentricheskij podxod k yazy'ku // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 96–100.

3. Dubnyakova O.A. Dnevnikovy'e proizvedeniya F. Moriaka kak forma samoprezentacii v dialoge s obshhestvom // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj megdunar. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 185–189.

4. *Dubnyakova O.A., Kashina T.A.* Koncept *foi* v xristianskoj lingvokul'ture // *Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem.* M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; Tezaurus, 2015. S. 134–140.

5. *Egorov O.G.* Russkij literaturny'j dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra: Issledovanie. M.: Flinta: Nauka, 2003. 280 s.

6. *Zhozhikashvili S.V.* Dnevnik // *Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij* (gl. red. A.N. Nikolyukin). M.: Intelvak, 2003. S. 232.

7. *Mixeev M.Yu.* Dnevnik v Rossii XIX–XX veka — e'go-tekst, ili pred-tekst. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://uni-persona.src.ms.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (data obrashheniya: 15.01.2017).

8. *Romashkina M.V.* Dnevnik: e'voluciya zhanra // *Sovremenny'e problemy' nauki i obrazovaniya.* 2014. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-evolyutsiya-zhanra> (rezhim dostupa svobodny'j).

9. *Ry'zhova L.P., Savel'eva E.B.* Kontekstual'ny'j dejksis kak sredstvo modelirovaniya prostranstva i vremeni v avtobiograficheskoj proze Andre Zhida // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*, 2014. № 2 (14). S. 72–81.

10. *Savel'eva E.B.* Mir avtora-kommunikanta v e'go-proizvedenii (na primere zhanra avtobiografii) // *Mezhdunarodny'j nauchno-issledovatel'skij zhurnal.* 2016. № 3–4 (45). S. 85–87.

11. *Teleshova R.I.* Romans autobiographiques d'Henry Troyat // *Aktual'ny'e problemy' filologii i metodiki prepodavaniya inostranny'x yazy'kov: materialy' Mezhdunar. nauchno-prakt. Internet-konf. Novosibirsk: Novosibirskij gos. ped. un-t.* 2007. S. 99–105.

12. *Lejeune Ph.* *Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique.* Paris: Éditions du Mauconduit, 2015, 128 p.

13. *Sergier M., Watthee-Delmotte M.* Le journal décrivain, un énoncé de la survivance // *Interférences littéraires / M. Sergier, M. Watthee-Delmotte.* [Электронный ресурс]. URL: <http://interferenceslitteraires.be/sites/drupal.arts.kuleuven.be.interferences/files/illi10completeissue.pdf> (data obrashheniya: 15.01.2017).

14. *Simonet-Tenant F.* *Le Journal intime. Genre littéraire et écriture ordinaire; avant-propos de Ph. Lejeune.* Paris: Téraèdre, 2004. 192 p.

O.A. Dubnyakova,

T.A. Kashina

Communicative and Pragmatic Particularities of Personal Diary

The article describes particular communicative and pragmatic qualities of the personal diary and compares it with a number of similar autobiographical retrospective and non-retrospective genres. It touches upon the problem of diaries classification according to their subject-matter and recipient.

Keywords: personal diary; retrospectivity and non-retrospectivity; autobiographical pact; classification of diaries.

Л.И. Богданова

Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц

В статье рассматривается, каким образом в языке отражаются культурные ценности: в семантике слов с субъективным компонентом значения, в пословицах, поговорках. Особое внимание уделяется изучению проблемы конфликта ценностей в межкультурной коммуникации. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и ее схемами восприятия.

Ключевые слова: культурные ценности; оценка; наивная этика; контакт культур; код культуры.

На современном этапе развития науки ценности рассматриваются не только как системный компонент культуры, но и как выражение потребности человека в оценке и оценивании, как духовная сущность личности. Лексические значения, создающие языковую картину мира, составляют интерпретацию действительности в ее измерениях физических, психологических, социальных, духовных, ценностных [5: с. 32]. Именно поэтому глубокое изучение лексической семантики предполагает, кроме собственно лингвистического аспекта, широкий спектр исследований другого плана, включая географический, социальный, политический, философский, психологический, ценностный аспекты. Ценностный аспект представлен в исследованиях по когнитивной семантике (Ю.Д. Апресян, Е. Бартминьский, А. Вежицкая, Е.В. Урысон и др.), в работах Н.Д. Арутюновой, в исследованиях по лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.), этнопсихолингвистике (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.) и др. Учеными получены важные результаты, связанные с изучением русской ментальности, с экспликацией национальной системы ценностей. Однако интерес к изучению ценностей продолжает расти на фоне укрепления позиций коммуникативного подхода к языку, который предполагает «исследование языковых объектов

в потоке речевой деятельности и, как следствие, учет прагматических составляющих речевого акта...» [13: с. 54]. Именно в коммуникации, особенно в межкультурном общении, раскрываются ценностные компоненты значений слов, о чем свидетельствуют, в частности, работы Т.В. Лариной [8]. При таком подходе культура осмысливается как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица.

В эпоху глобализации и одновременного поиска национальной идентичности требуется осмысление культурной и когнитивной роли русского языка как орудия постижения окружающего мира, носителя русской ментальности и культурных ценностей. В задачу данной работы входит выявление и конкретизация национально-культурной специфики русских ценностей, обнаруживающих себя в ситуациях контакта культур. Предпосылкой для такого подхода является идея о том, что общечеловеческие ценностные концепты по-разному группируются и вербализуются в языках в зависимости от различных факторов и, следовательно, фиксируются в разных значениях, что приводит к несоответствиям между языками.

Язык является инструментом оценивания, т. е. служит для выражения оценки, содержит средства для обозначения ценностей. Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций, что и обеспечивает трансляцию ценностей. При этом следует отметить, что отношения между познавательным и оценочным компонентами значения слова находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Активной стороной в конфликте являются оценочно-аксиологические компоненты, а компоненты познавательные легко утрачиваются, особенно это заметно в сфере политики, идеологии (ср.: *буржуазный, капиталистический, коммунистический, бизнесмен* и др.).

В современной науке принято выделять особое культурное пространство на глубинном уровне, которое нередко называют кодами культуры. Код культуры понимается по-разному. В философии [11: с. 63–65] культура в целом рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт. Коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют генетические коды (ДНК). Аналогом генетических кодов в обществе, представляющем собой социальный организм, выступает культура.

Культурный код, объясняемый как ключ к пониманию данного типа культуры, понимается как совокупность знаков (символов) и смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека. Код культуры может рассматриваться и как культурное бессознательное: то, что скрыто, но проявляется в поведении.

Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле понимается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [9: с. 3].

Какие же ценности формируют русский культурный код? Рассмотрим некоторые из них.

Ценности в первую очередь декодируются из значений лексики с положительным оценочным компонентом, который, однако, не всегда фиксируется словарями. Например, русская *широта натуры* расценивается как положительное качество, но это выясняется только из контекстов употребления: в одном из переносных значений *широкий* толкуется в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой как ‘не стесненный в проявлении, в обнаружении чего-н., с размахом’. Приведенные в качестве примеров словосочетания *широкий образ жизни*, *широкая натура* дают представление о том, что говорится о щедром, не стесняющемся в тратах или открытом и общительном человеке [15: с. 897]. В словаре В.И. Даля объясняется, что *жить широко* — это жить ‘богато, таровато, хлебосольно’, а понятие *ширь* связывается с *простором*, что также оценивается положительно [14: т. 4, с. 634].

Удаль воспринимается как качество, присущее русским (ср. *русская удаль*), и определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество. Ср. толкования данного слова в словаре С.И. Ожегова: *удаль* — ‘безудержная, лихая смелость’: *удаль молодецкая; промчатся с удалью по селу; любить кого-л. за удаль* [15: с. 825]. Ср. также: мал, да удал. (Поговорка). Смелость без участия рассудка, разума далеко не всеми культурными сообществами оценивается положительно. Неслучайно Н.С. Трубецкой отмечал, что *удаль*, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам.

Такие качества, как *русская прямота* (в отличие от прямолинейности) и *откровенность*, в рамках русской культуры также ценятся высоко. В словарях прямой толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’. Однако с позиций иной культуры эти качества могут быть не всегда привлекательными. Так, английский журналист был удивлен прямыми и честными ответами российского нападающего: «Этот Аршавин — неисправимый русский!» (Футбол // «Daily Mail», 2009).

Еще более сложная ситуация с лексикографическим представлением такой русской ценности, как *кротость*. В словаре С.И. Ожегова *кроткий* — ‘незловбивый, покорный, смиренный’ [15: с. 308]. Однако *покорность* (*покорный*), как подчинение чужой воле, далеко не положительное качество. В.И. Даль определяет прилагательное *кроткий* через ряд синонимов с положительной оценкой: ‘тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый’ [14: т. 2, с. 199]. В словаре даются следующие примеры употребления слова: «*Кроткое обращение*, ровное и доброжелательное. Кроткое слово гнев побеждает. Не ищи мудрости, ищи кротости» [Там же.] «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Ев. от Матфея) [3].

Ценностную составляющую русского понятия *кротость* подтверждают литературные примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]:

«Он был добрый, кроткий человек, я любил его...» (А.П. Чехов. Крыжовник, 1898). «Перевод я сделал, как мог: не хотелось огорчать Якова Мироновича — он был такой милый, кроткий и весь светлый, голубоглазый, с еще не седевшим, совсем светлым пушком волос на висках» (И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний, 1995).

Своего рода амбивалентную ценность представляет собой слово *скромный*. *Скромность* как человеческое качество, пожалуй, даже и в современном мире оценивается положительно, но *скромное жилье, скромная зарплата, скромные интеллектуальные возможности* вряд ли можно оценить позитивно. Толковый словарь С.И. Ожегова так определяет прилагательное скромный: «1. Сдержанный в обнаружении своих достоинств, заслуг, нехвастливый. 2. Сдержанный, умеренный простой и пристойный. *Скромное поведение. Скромная внешность. Скромно одеваться. Скромная квартира.* 3 перен. Небольшой, ограниченный, едва достаточный. *Скромный заработок. Весьма скромный результат*» [15: с. 726].

В словаре В.И. Даля *скромный* представлен более позитивно: ‘умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный; не ставящий личность свою наперед; приличный, тихий в обращении’: *Скромность всякому к лицу*. В словаре приводятся антонимы к слову *скромный*: самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый; гордый, заносчивый, наглый, нахальный [14: т. 4, с. 210].

Ср. пример из НКРЯ [1]:

«Ленивый, зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности» (Токарева В. Своя правда // «Новый Мир», 2002).

Значения слов, отражая ценности, могут содержать субъективный оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [4: с. 351]. Так, например, слова типа *доносчик, ябеда, фискал, стукач* не только сообщают о том, что реально делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых культурах стран Западной Европы передавать информацию о нарушениях закона и порядка в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно. Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться, льстить, сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслушивать, подсматривать, любопытствовать*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать, насмехаться, глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижаться, пресмыкаться, угодничать*) [4: с. 351]. Исходя из этих правил, можно декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (человеческое достоинство, уважение к людям и др.) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство. По сравнению с англосаксонской

культурой в русском ценностном универсуме «личное пространство не так высоко ценится, слово *privacy* (зона личной неприкосновенности) отсутствует в лексиконе» [7: с. 23].

В русской культуре высоко ценится умение быть собой, не притворяться, не выдавать себя за другого, отсюда и негативная оценка таких действий, как *скромничать* — ‘быть сознательно, намеренно скромным и нередко для виду’ [14: т. 4, с. 210], *умничать* — ‘стараться выказать свой ум’ [15: с. 833].

Национально-специфический ценностный компонент особенно ярко обнаруживает себя при анализе ассоциативного ореола слов. Например, образ *болота* для русского человека связан с гниением, неприятным запахом, нечистой силой, застоем, косностью, что подтверждают словари русского языка. Так, в Словаре В.И. Даля отмечается, что *болото* — «не просыхающая грязь от родников или от натека по рыхлой почве..., на юге лужу и грязь зовут *болотом*»; В.И. Даль приводит пословицы и поговорки: *В тихом болоте (омуте) черти водятся. Не ходи при болоте: черт уши обколотит* и др. [14: т. 1, с. 110–111].

Словарь С.И. Ожегова дает такое определение этому слову: «*Болото* — 1. Избыточно увлажненный участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями. *Завязнуть в болоте*. 2. *перен.* Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины*. 3. *ед.* В старых народных представлениях: топь, трясина как место обитания нечистой силы. *Было бы болото, а черти найдутся* (посл.). *Иди ты в болото!* (грубое требование уйти). *Ну тебя в болото!* (прост.) — выражение пренебрежения, нежелания видеть, считаться, иметь дело с кем-н. *Черти болотные*» [15: с. 55].

Литературные источники подтверждают наблюдения лексикографов. Приведем примеры из НКРЯ [1]:

«Он искал последней [мудрости] и у древних, и у новых мудрецов, но признал отчасти истинным только учение Эпикура и занял мудрость не в гряде книг: одна книжная мудрость что *смадное болото*; оно испаряется теориями и умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом — скукою; там ум как *стоячая вода*; из этого болота почерпается только мертвая вода, а для прозрения ума нужно впрыскивать его еще живой водой» (И.А. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете, 1841).

«Ведь я увел науку в *болото* талмудической *абстракции*, оторвал ее от практики» (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 1960).

«Вон, какие люди были, а как скатились в *болото оппозиции*, как пошли не той дорожкой, то вон к чему и пришли!» (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978).

«Слово за слово — и все, видимость спокойствия исчезает, и социальный базис, который хоть как-то скрепляет людей, превращается в *бесформенную жижу* — *болото*, в котором каждый тонет — или выплывает — как может» (Е. Гусятинский. С кем ты хочешь быть, 2011).

Как видим, и данные словарей, и литературные примеры выявляют в русском слове *болото* исключительно негативные коннотации. Вместе с тем известно, что финский ученый Л. Хакулинен сравнивал финский язык с *болотом*, в котором, подобно попавшим в болото сучьям деревьев, веками сохраняются древние заимствования, т. е. болото для финнов не место тления, а место сохранения, «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык [10: с. 128]. Учет в межкультурном общении различий в коннотативной семантике слов трудно переоценить. Однако, как показал анализ словарных толкований, словари далеко не всегда включают в толкование компоненты значения, отражающие национально-культурную семантику ценностной направленности.

Национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте культур, когда «оценочный знак ценности меняется в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность — взгляд изнутри или взгляд извне» [6: с. 207]. Важно отметить, что некоторые ценности, являющиеся, казалось бы, общечеловеческими, универсальными, могут выявить разную степень значимости для разных культур только при их столкновении. Например, любовь и уважение детей к родителям кажется естественной ценностью и нравственным императивом для подавляющего большинства культур. Так, в русском языке есть много пословиц, доказывающих ценность семьи («Земля без воды мертва, человек без семьи — пустоцвет», «Дерево держится корнями, а человек семьей» и др.), пословиц, призывающих ценить, любить, уважать и почитать родителей («Жалей отца с матерью, других не найдешь»; «Родную мать никем не заменишь» и др.) [2]. Казалось бы, трудно представить ситуацию культурного сбоя, связанного с неоднозначным пониманием любви детей к родителям. Однако, как показали специальные исследования, в корейской и китайской культурах семейные ценности стоят выше в ценностной иерархии, чем в русской культуре.

Итак, структура представлений об одном и том же явлении может различительно не совпадать у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [12: с. 37]. Сложность и противоречивость культурно-ценностного универсума не отменяет изучения феномена культурных ценностей в межкультурном аспекте и его реализации в практике преподавания языков и культур. Феномен культурных ценностей востребует личностно ориентированное содержание образования, способствующее самопознанию и самоопределению личности.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: www.rus-corpora.ru (дата обращения: 15.01.2017).
2. Русские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: www.poslovitzza.ru/russkie/html (дата обращения: 10.01.2017).

3. Православная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/evangelie/67.html> (дата обращения: 10.01.2017).

Литература

4. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: избр. тр.: в 2 т. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

5. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск.; сост. и отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 528 с.

6. Богданова Л.И. Русские культурные ценности в аспекте преподавания русского языка как неродного // Русский язык как неродной: новое в теории и методике: сб. науч. тр. Чебоксары – Москва: Интерактив плюс, 2015. Вып. 4. С. 204–209.

7. Богданова Л.И. Русский императив в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015, № 2 (18). С. 21–28.

8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

9. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.

10. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2015. 528 с.

11. Степин В.С. Культура // Вопр. философии. 1999. № 8. С. 61–71.

12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

13. Ярыгина Е.С. Еще раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3. С. 52–62.

Справочные и информационные издания

14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 1999.

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: www.ruscorpora.ru (data obrashheniya: 15.01.2017).

2. Russkie poslovitzzy' i pogovorki. [E'lektronny'j resurs]. URL: www.poslovitza.ru/russkie/html (data obrashheniya: 10.01.2017).

3. Pravoslavnaya biblioteka. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/evangelie/67.html> (data obrashheniya: 10.01.2017).

Literatura

4. Апресян Ю.Д. Integral'noe opisanie yazy'ka i sistemnaya leksikografiya: izbr. tr.: v 2 t. Т. 2. М.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1995. 767 s.

5. Bartmin'skij E. Yazy'kovoj obraz mira: ocherki po e'tnolingvistike / per. s pol'sk.; sost. i отв. red. S.M. Tolstaya. М.: Indrik, 2005. 528 s.

6. *Bogdanova L.I.* Russkie kul'turny'e cennosti v aspekte prepodavaniya russkogo yazy'ka kak nerodnogo // Russkij yazy'k kak nerodnoj: novoe v teorii i metodike: sb. nauch. tr. Cheboksary' – Moskva: Interaktiv pl'us, 2015. Vy'p. 4. S. 204–209.

7. *Bogdanova L.I.* Russkij imperativ v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 2. S. 21–28.

8. *Larina T.V.* Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. 512 s.

9. *Maslova V.A., Pimenova M.V.* Kody' lingvokul'tury'. M.: Flinta: Nauka, 2016. 180 s.

10. *Sabitova Z.K.* Lingvokul'turologiya. M.: Flinta: Nauka, 2015. 528 s.

11. *Stepin V.S.* Kul'tura // Vopr. filosofii. 1999. № 8. S. 61–71.

12. *Fuko M.* Slovaiveshi. Arxeologiya gumanitarny'x nauk. SPb.: A-cad, 1994. 408 s.

13. *Yary'gina E.S.* Eshhyo raz o «kommunikativnom podhode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo e'ksperimenta) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3. S. 52–62.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t. M.: Rus. jazy'k, 1999.

15. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.

L.I. Bogdanova

Value Aspect in Description of Language Unit Semantics

The paper considers ways of cultural values reflection in language: in the semantics of words with a subjective-meaning compound, in the meanings of proverbs and folk sayings. Special attention is turned to the research of the problem of value conflict in cross-cultural communication. The conceptual structure of the same phenomenon may not correspond in different cultural communities. This confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes which operate its language and perception schemes.

Keywords: cultural values; evaluation; naive ethics; culture contact; culture code.

**Н.А. Степанова,
А.В. Юнг**

Иноязычные заимствования в русском языке в начале XXI в.: причины появления и трудности использования

Статья посвящена исследованию агрессивного влияния английского языка на словарный состав современного русского языка. Акцент сделан на необходимости принятия ограничительных мер с целью остановить массовый процесс американизации русского языка.

Ключевые слова: американизм; ксенизм; языковая политика.

Начиная со второй половины XVII в. русский литературный язык испытывает на себе «попытки создания новых форм национального русского выражения, сближенных с западноевропейскими языками, свидетельствующих о более широком влиянии европейской культуры и цивилизации» [16: с. 56]. Многочисленные заимствования, отразившие политехнизацию языка периода правления Петра I, были обусловлены государственными реформами. В целом, описывая процесс заимствования того периода, академик В.В. Виноградов не видит ничего угрожающего в европеизации русского языка, хотя и указывает, что употребление заимствований было неоправданным, лишь в угоду новым веяниям того времени: «Западнические тенденции Петровской эпохи выражаются не только в заимствовании множества слов для обозначения новых предметов, процессов, понятий в сфере государственной жизни, быта и техники, но и сказываются в разрушении внешних форм церковнокнижного и общественно-бытового языка такими варваризмами, в которых не было прямой нужды. Западноевропейские слова привлекали как мода. На них лежал особый стилистический отпечаток новшества» [16: с. 67].

Европеизация общественного быта Петровской эпохи внесла новые слова и новые представления, новые формы экспрессии в систему бытовой речи высших классов соответственно менявшимся нормам светского этикета. Процесс заимствования на современном этапе развития русского языка затрагивает абсолютно все слои населения, порой преграждая путь к пониманию смысла высказывания. Так, по словам гендиректора ВЦИОМа В. Федорова, «четверть россиян готовы принять участие в праймериз “Единой России”. Правда, 89 % опрошенных так и не смогли объяснить, что это такое» [10].

Являясь филологами, мы, безусловно, понимаем неизбежность заимствований, обусловленных внутренними и внешними факторами развития языковой системы. Однако, как справедливо отмечает отечественный лингвист М. Кронгауз, «рассматривая процесс заимствования, не следует смешивать такие роли, как роль “просвещенного лингвиста” и конкретного человека, для которого русский язык является родным. “Просвещенный лингвист”, безусловно, поймет, что процесс заимствования вполне естественный для языка, в то время как простой обыватель может не понять смысл иноязычного слова и смысла всего высказывания в целом» [20: с. 6].

На сегодняшний день рядовой носитель русского языка практически каждый день слышит или читает иноязычные заимствования — англицизмы и американизмы, часть из которых можно рассматривать как ксенизмы, или неассимилированные заимствования, «употребление которых сопровождается металингвистическим знаком, как то дескриптивной парафразой или сноской внизу страницы» [14: с. 21]. Например, в предложении: «Ограничение можно обойти за счет создания новых юрлиц или *spin-off* — дочерних компаний золотодобытчиков, но это осложнит подготовку аукциона» (здесь и далее курсив наш. — *Н. С., А. Ю.*) [4: с. 1], — лексическая единица *spin-off* представляет собой ксенизм, значение которого расшифровывается последующим словосочетанием. Пояснение иноязычных слов является метаязыковым комментарием, который выступает в качестве «метатекстовых нитей», проясняющих семантический узор основного текста [15: с. 421]. В настоящее время исследователи уже обосновывают необходимость выделения метаконтактологии как особого раздела металингвистики [25: с. 85].

Можно встретить большое количество контекстов, где английские слова или сочетания сохраняют свое исходное графическое изображение (например: *on-line, Bank of America, SWIFT, all inclusive, Blue tooth, e-mail, High Tech, startup* и др.): «*Blockchain* усилит защиту транзакций Сбербанка, а также снизит его зависимость от международной системы *SWIFT*» [5: с. 1]; «Представители китайских *IT-компаний* рассказали премьер-министру РФ Дмитрию Медведеву о готовности участвовать в российских проектах» [8: с. 10]. По нашему мнению, такой способ изложения материала ограничивает полный информационный доступ к статье достаточно большому количеству читателей, а именно тем людям, которые не владеют иностранным языком в полной мере.

Процесс заимствования является актуальным предметом исследования. Из года в год увеличивается как объем заимствованной лексики, так и количество научных работ, описывающих данный процесс. Авторы представляют классификации заимствований [13; 14; 21], а также факторы, обуславливающие этот процесс, к числу которых относят глобализацию, ведущую роль США в мировой экономике, политике и науке, появление новых коммуникационных технологий, большую открытость России ко всем нововведениям [13; 14; 19; 23; 27]. Ведущим аспектом, безусловно, выступает глобализация,

следствием которой является процесс американизации мира в целом и русскоязычной культуры в частности. Оба процесса оказали влияние на языковую картину мира русскоязычного социума. Американизмы наблюдаются в тех сферах, которые сами были новыми для российского общества.

Одной из таких областей является массовая культура, которая включает в себя киноиндустрию, популярную музыку и т. д. Западная культура, а именно: американская и британская популярная музыка и кинематографическая продукция Голливуда — занимает важное место в жизни молодежи. Образцы этой культуры формируют моду на подражание Западу и влекут за собой массовое заимствование англоязычных слов. Такая лексика используется, в частности, в контекстах на кинематографическую тематику: «“Фильм “Звездные войны: Пробуждение силы” установил новый рекорд по кассе за премьерный уикенд, собрав на старте 877 млн руб.”», — сообщил *дистрибьютер* WDSSPR» [2: с. 15]; «Международный *релиз* киноленты состоялся 14 декабря» [2: с. 15]. Заимствования, употребляющиеся в данной сфере, представлены следующими лексическими единицами: *блокбастер*, *сиквел*, *трек*, *триллер*, *саспенс*, *хоррор*, *трейлер*, *формат-машап* и др.

Массовое развитие информационных технологий явилось причиной появления большого числа неологизмов в языке-доноре (английском), а распространение технологических новинок обусловило быстрое проникновение новых единиц в язык-реципиент (русский): *база данных*, *браузер*, *девайс*, *диджитайзер*, *джойстик*, *драйвер*, *гаджет*, *геймер* и др.

Едва появившись в языке, новые слова сразу проникли в СМИ, а оттуда — в активную речь: «Роскомсвобода обжаловала решение Мосгорсуда о пожизненной блокировке самого популярного в России *файлообменника* Rutracker. <...> По мнению юристов организации, попытки закрыть *торрент-трекер* нарушают конституционные права пользователей» [7: с. 10]; «Речь идет об адаптации приложений, сервисов и контентов этих компаний для второго экрана *смартфона* YotaPhone» [8: с. 10].

«Вину» за неоправданно многочисленное использование заимствований на страницах СМИ отечественный лингвист М. Кронгауз возлагает на журналистов, которым, по его мнению, «нравится быть умнее читателя, и обилие незнакомых слов укрепляет его (журналиста) превосходство. Любопытно, что его не слишком волнует проблема понимания его собственного текста. <...> Лень или самоуверенность журналистов становятся фактически “ленью языка”, который почти утрачивает внутренние механизмы перевода» [20: с. 52–53].

Распространение моды на быстрое питание повлекло за собой появление в России сети популярных брендов (McDonald's, Burger King), а вместе с ними и лексики, которая именуется атрибуты этой сферы питания: *фастфуд*, *бигмак*, *чизбургер*, *наггетсы*.

Политическая сфера российского общества также претерпела некоторые изменения на уровне ее лексического оформления. Сегодня можно услышать

слова: *вице-президент, импичмент, консьюмеризм, конфронтация, мультикультурализм, омбудсмен, праймериз, толерантность, сейшн* и т. д. Кроме того, в язык вошли заимствованные словосочетания: миротворческие силы, принуждение к миру, — а также слова-биномы: *паблик рилейшенз (пиар), пресс-релиз, пресс-секретарь* и т. д. Открытость экономических границ, ведение международного бизнеса также обусловили проникновение в русский язык большого числа заимствований: *аутсорсинг, бренд, волатильность, девелопер, дизайнер, дистрибьютер, инжиниринг, клиринг, листинг, лоббисты*: «При присоединении к Всемирной торговой организации (ВТО) в 2012 году лоббисты российского агросектора уверенно предъявили список возможных краткосрочных потерь» [1: с. 15]; «Многие *инжиниринговые* компании прекращают существование или находятся на грани банкротства» [3: с. 10]; «Переходя на *аутсорсинг* техподдержки, компании таким образом могут сэкономить 30–40 %» [1: с. 15]; «Банк России сообщил о регистрации новых правил *листинга* Московской биржи» [9: с. 10].

Именно эти сферы человеческой деятельности являются наиболее быстро развивающимися и популярными. Средний возраст людей, работающих в этих отраслях, достаточно молодой. Данный контингент лояльно относится ко всевозможным заимствованиям и активно использует новую лексику в своей речи.

Другой причиной активного употребления иноязычной лексики выступает краткость вербализации новых для российской действительности или сложных понятий. Например, вместо одного заимствования «лоббист» нам пришлось бы употреблять целую конструкцию: «человек, профессиональными услугами которого пользуются для воздействия на членов законодательного органа в своих интересах, или человек, рекомендующий клиентам, как им следует это делать самим» [12]. Безусловно, более краткая единица гораздо привлекательнее и экономически выгоднее в печатном тексте.

Не является исключением и научная сфера, одна из максимально закрытых в отношении нововведений. Так, открытие нового класса аллотропной модификации углерода привело к включению в словарный запас русского языка слова «фуллерен», впервые появившегося в английском языке — *fullerene*.

Итак, лексические заимствования проникают в активный словарь во всех сферах жизни: от бытовой (*селфи*) до научной (концепт, фрейм, инсайт), а также политической (*праймериз*) и экономической (*девелопер*). Активное употребление заимствованной лексики становится современной реальностью функционирования русского языка.

Количество заимствований (часто представленных без каких-либо пояснений), которые массово заполнили современные СМИ, заставляют нас выступить в защиту обывателя, интересы которого порой полностью игнорируются. Считаю необходимым поставить вопрос о национальном самосознании, о введении «языковых запретов», нацеленных на устранение из русского языка тех заимствованных лексических единиц, замену которым вполне

можно обеспечить за счет словарного состава родного языка. Однако необходимо подчеркнуть, что речь идет не о «языковом пуризме» [17: с. 73].

Как известно, во многих европейских странах существует языковая политика, цель которой — защита интересов национального языка. Так во Франции в СМИ запрещено употребление заимствованной лексики, которая имеет аналоги во французском языке [20: с. 15].

Языковая практика показывает, что у государственного регулирования (даже французского) есть определенные границы: предписания языковой политики иногда нарушаются, но есть и определенное влияние со стороны лингвистов и внимание граждан к языку нации. В других европейских языках, например в немецком, ситуация еще более драматичная. Существует даже такое понятие, как *Denglish* (*Deutsch* + *English*), — примечательно, что от наименования немецкого языка осталась лишь начальная буква. Безусловно, налицо процессы глобализации и повсеместной европейской либерализации, последствия которых могут быть весьма плачевны.

Что касается русского языка, то в России, по словам С. Богданова (руководителя Центра русского языка и славистики Российской академии образования (РАО), председателя наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) и проректора СПбГУ), «четкой концепции государственной языковой политики все еще нет» [22: с. 15]. Результатом такого игнорирования языка со стороны государства стала «массовая американизация русского языка, который просто не успевает переваривать новые слова и выражения» [18: с. 15]. У рядового носителя русского языка складывается мнение, что данный процесс никем и ничем не регулируется.

Печатный текст, содержащий заимствования без метаязыкового комментария, невольно формирует две противопоставленные группы читателей: те, которые свободно владеют английским языком (не ниже среднего уровня), и те, которые не имеют ни малейшего представления о языке или владеют им в недостаточной степени. Образуются два лагеря: «свой» (владеющий языком) и «чужой» (не владеющий языком). Читатели, входящие в первую группу, рассматриваются СМИ как элитарный, образованный слой населения, тогда как адресаты, не способные без обращения к словарю понять полный смысл высказывания, негласно причисляются к менее образованной группе. Сегодня существует мода на использование англоязычных заимствований; речь, содержащая данные элементы, маркируется как престижная: «оказывается, что “хорошим тоном” стало, напротив, употребление как можно большего количества незнакомых слов без каких-либо комментариев, что должно свидетельствовать о профессионализме (или особой посвященности) автора» [20: с. 36].

Название многих профессий заменяется иноязычными заимствованиями с целью придать слову более положительную коннотацию, например, слово «уборщица» заменяется словосочетанием «менеджер по клинингу», словосочетание «человек, выкладывающий товар на полки в магазине» имеет эквивалент

«мерчендайзер», налицо «своеобразная конкуренция слов» [20: с. 36], в результате чего «для случайного человека большинство объявлений о работе оказываются филькиной грамотой, написанной на иностранном языке» [20: с. 41].

В свое время лидер ЛДПР РФ В.В. Жириновский и депутаты его партии внесли в Госдуму проект Федерального закона «О защите русского языка» (февраль 2013 г.). Его цель — обеспечить защиту русского языка как государственного и избавить его от «неоправданных» иностранных слов. Представители ЛДПР предлагали заменить заимствованные слова на исконно русские: «сейшен» на «встречу», «заседание»; «дилер» на «посредник»; «бутик» на слово «лавка», «менеджер» на «управляющий» и т. д. По-нашему мнению, предложенные варианты имеют архаичную окраску и вряд ли будут с легкостью приняты и использованы современным поколением. Достаточно вспомнить о незавидной судьбе предложения использовать в качестве обращения слова «сударь» и «сударыня» [11].

С другой стороны, существует мнение, высказанное известным лингвистом и политологом Д. Петровым, о том, что «русский язык сильный, и не первый раз он сталкивается с внедрением большого массива иностранных слов. В XIX веке было заимствовано большое количество слов из французского языка, и русский язык успешно справился с “французским нашествием”» [6]. Однако следует подчеркнуть, что во времена французских заимствований изменения затрагивали язык знати, а сегмент массовой прессы и рекламы, в силу своего отсутствия, не оказывал столь сильного влияния на языковую картину мира рядового носителя русского языка.

Процесс нецелесообразных заимствований нельзя оставлять без внимания, его необходимо тщательно отслеживать и корректировать. Пришло время задуматься о введении ограничительных мер в отношении уличной рекламы и перегруженности СМИ иностранными заимствованиями без достаточных на то оснований, следует говорить об усилении роли русского языка в образовательном процессе. Мы поддерживаем слова М. Кронгауза о том, что «мы защищаем именно интересы простых обывателей, которые не понимают значения большинства заимствованных слов» [20: с. 3].

Если в период правления Петра I, по мнению академика В.В. Виноградова, «“европеизация” русского языка носила ярко выраженный отпечаток правительственного режима» [16: с. 58], то до недавнего времени Российское государство было как никогда далеко от дел сугубо языковых. Ситуация, возможно, изменится в связи с тем, что на это обратил внимание Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, высказав мнение, что «использование некоторых иностранных, в частности, английских слов в языке нелогично и неоправданно» [26]. Президент РФ В. Путин назвал сбережение русского языка вопросом национальной безопасности [26], поскольку именно сегодня как никогда ощутим «привкус чужезычности» [24: с. 226].

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в данной статье речь идет не о новом проявлении пуризма или «языковой ксенофобии», а о разумном

использовании в русском языке заимствований, а именно англицизмов, обусловленных насущной необходимостью (для наименования новых реалий, пришедших из страны языка-донора, с целью доступности для понимания информации носителями русского языка / русскоговорящим населением).

Библиографический список

Источники

1. Анастасьева М. Аутсорсинг переходит на личности // Коммерсантъ. 2015. 21 октября. С. 15.
2. Афанасьева А. Россияне ввязались в «Звездные войны» // Коммерсантъ. 2015. 22 декабря. С. 15.
3. Бабяк В. Сохраняя Российский инжиниринг // Коммерсантъ. 2015. 17 декабря. С. 10.
4. Джумайло А. Золото без примесей // Коммерсантъ. 2015. 17 декабря. С. 1.
5. Коломыченко М. Сбербанк ставит blockchain // Коммерсантъ. 2015. 10 декабря. С. 1.
6. Программа радио Вести FM «Искусство познавать». 2016. 7 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://radiovesti.ru/> (дата обращения: 07.02.2016).
7. Рожков Р. Ruttracker не отпускают в вечность // Коммерсантъ. 2015. 9 декабря. С. 10.
8. Рожков Р. Дмитрию Медведеву сделали IT-предложение // Коммерсантъ. 2015. 17 декабря. С. 10.
9. Сарычева М. Инновации категории «Прайм» // Коммерсантъ. 2015. 9 октября. С. 10.

Справочные и информационные издания

10. ВЦИОМ: Россияне не очень понимают, что такое праймериз. Информационное агентство «Regnum». [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2125654> (дата обращения: 05.05.2016).
11. Жириновский предложил запретить иностранные аналоги русских слов [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/01/22/words/> (дата обращения: 11.04.2016).
12. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 18.06.2016).

Литература

13. Багана Ж., Тарасова М.В. Английские заимствования в русском и немецком языках в условиях глобализации. М.: Инфра-М, 2014. 120 с.
14. Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм. М.: Флинта: Наука. 2010. 128 с.
15. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–424.
16. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
17. Костева В.М. К вопросу о языковом пуризме в тоталитарных государствах // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 1 (5). 2010. С. 73–79.

18. *Костомаров В.Г.* Русский язык сдал свои позиции, но вовсе не сдался [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiimir.ru/publications/87895/> (дата обращения: 20.06.2016).
19. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. Сер. «Язык и время». СПб.: Златоуст, 1999. Вып. 1. 330 с.
20. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 234 с.
21. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 120 с.
22. *Кудрин К.* Стандарты языка: зачем нужна Концепция государственной языковой политики? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiimir.ru/publications/210361/> (дата обращения: 01.07.2016).
23. *Лекант П.А.* Язык и речь в дискурсивных практиках современного социума: стереотип и творчество // Уральский филологический вестник. Сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2012. № 2. С. 6–12.
24. *Мечковская Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Флинта, Наука, 2009. 584 с.
25. *Ривлина А.А.* Языковой контакт в «наивном» метаязыковом отражении (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 4 (32). С. 85–90.
26. *Рустамова Ф.* Патриарх Кирилл назвал плохим признаком использование английских слов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/05/2016/5746d68f9a7947fd2e527071> (дата обращения: 15.06.2016).
27. *Тарасова М.В.* Семантические изменения английских заимствований в русском и немецком языках в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 19 с.

References

Istochniki

1. *Anastas'eva M.* Outsorsing perexodit na lichnosti // Kommersant". 2015. 21 oktyabrya. S. 15.
2. *Afnas'eva A.* Rossiyanе vvyazalis' v «Zvezdny'e vojny» // Kommersant". 2015. 22 dekabrya. S. 15.
3. *Babyak V.* Soxranyaya Rossiiskij inzhiniring // Kommersant". 2015. 17 dekabrya. S. 10.
4. *Dzhumajlo A.* Zoloto bez primesej // Kommersant". 2015. 17 dekabrya. S. 1.
5. *Kolomy'chenko M.* Sberbank stavit blokchain // Kommersant". 2015. 10 dekabrya. S. 1.
6. Programma radio Vesti FM «Iskusstvo poznavat'». 2016. 7 fevralya. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://radiovesti.ru/> (data obrashheniya: 07.02.2016).
7. *Rozhkov P.* Rutracker ne otpuskayut v vechnost' // Kommersant". 2015. 9 dekabrya. S. 10.
8. *Rozhkov P.* Dmitriyu Medvedevu sdelali IT-predlozhenie // Kommersant". 2015. 17 dekabrya. S. 10.
9. *Sary'cheva M.* Innovacii kategorii «Prajm» // Kommersant". 2015. 9 oktyabrya. S. 10.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. VCIOM: Rossiyanе ne ochen' ponimayut, chto takoe prajmeriz. Informacionnoe agentstvo «Regnum». [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2125654> (data obrashheniya: 05.05.2016).
11. Zhirinovskij predlozhl zapretit' inostranny'e analogi russkix slov. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/01/22/words/> (data obrashheniya: 11.04.2016).
12. Komlev N.G. Slovar' inostranny'x slov russkogo yazy'ka. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dic.academic.ru> (data obrashheniya: 18.06.2016).

Literatura

13. Bagana Zh., Tarasova M.V. Anglijskie zaimstvovaniya v russkom i nemeckom yazy'kax v usloviyax globalizacii. M.: Infra-M, 2014. 120 s.
14. Bagana Zh., Xapilina E.V. Kontaktnaya lingvistika: vzaimodejstvie yazy'kov i bilingvizm. M.: Flinta: Nauka. 2010. 128 s.
15. Vezhbiczskaya A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy'p. 8. Lingvistika teksta. M.: Progress, 1978. S. 402–424.
16. Vinogradov V.V. Oчерки по истории русского литературного языка XVII–XIX vv.: учебник. 3-е изд. M.: Vy'ssh. shk., 1982. 528 s.
17. Kosteva V.M. K voprosu o yazy'kovom purizme v totalitarny'x gosudarstvax // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 73–79.
18. Kostomarov V.G. Russkij yazy'k sdal svoi pozicii, no vovse ne sdalcyа. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.russkiymir.ru/publications/87895/> (data obrashheniya: 20.06.2016).
19. Kostomarov V.G. Yazy'kovoј vkus e'poxi: iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media. 3-е изд., ispr. i dop. Ser. «Yazy'k i vremya». SPb.: Zlatoust, 1999. Vy'p. 1. 330 s.
20. Krongauz M. Russkij yazy'k na grani nervnogo sry'va. M.: Yazy'ki slavyanskoј kul'tury'. 234 s.
21. Kry'sin L.P. Inoyazy'chny'e slova v sovremennom russkom yazy'ke. M.: Prosveshhenie, 1968. 120 s.
22. Kudrin K. Standarty' yazy'ka: zachem nuzhna Konceptiya gosudarstvennoј yazy'kovoј politiki? [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.russkiymir.ru/publications/210361/> (data obrashheniya: 01.07.2016).
23. Lekant P.A. Yazy'k i rech' v diskursivny'x praktikax sovremennogo sociuma: stereotip i tvorchestvo // Ural'skij filologicheskij vestnik. Ser. «Yazy'k. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa». 2012. S. 6–12.
24. Mechkovskaya N.B. Istoriya yazy'ka i istoriya kommunikacii: ot klinopisi do Interneta. M.: Flinta, Nauka, 2009. 584 s.
25. Rivlina A.A. Yazy'kovoј kontakt v «naivnom» metayazy'kovom otrazhenii (na materiale vzaimodejstviya sovremennogo russkogo yazy'ka s anglijskim) // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke. 2011. № 4 (32). S. 85–90.
26. Rustamova F. Patriarx Kirill nazval ploxim priznakom ispol'zovanie anglijskix slov. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/05/2016/5746d-68f9a7947fd2e527071> (data obrashheniya: 15.06.2016).
27. Tarasova M.V. Semanticheskie izmeneniya anglijskix zaimstvovaniј v russkom i nemeckom yazy'kax v usloviyax globalizacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2009. 19 s.

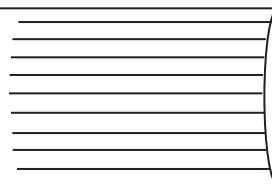
**N.A. Stepanova,
A.V. Yung**

**Foreign Borrowings in the Russian Language at the Beginning of the XXI Century:
Reasons of Emerging and Difficulties of Use**

The article is devoted to the investigation of the English language aggressive influence on the present-day Russian language. The focus is given on the necessity of taking up the restrictive measures to stop the ongoing process of the Russian language americanization.

Keywords: americanism; xenism; language policy.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**



УДК 81'276.6

С.В. Гринев

**Сопоставительное терминоведение:
современное состояние**

Рассматриваются статус и проблематика сопоставительного терминоведения. Анализируются принципы системного сопоставления разноязычных терминологий. В качестве средства проверки степени эквивалентности разноязычных терминов в словарях предлагается метод обратимости перевода термина.

Ключевые слова: сопоставительное терминоведение; эквивалентность терминов; метод обратимости; двуязычные словари.

Во второй половине XX в. в нашей стране наблюдалось бурное развитие терминологических исследований, что привело в 1980-х гг. к формированию терминоведения как самостоятельной комплексной научной дисциплины. Последующие годы ознаменовались появлением уже на базе терминоведения ряда самостоятельных терминоведческих дисциплин, что свидетельствует о постепенном превращении терминоведения из комплексной науки в комплекс взаимосвязанных научных дисциплин.

Одним из первых на базе соответствующего направления терминологических исследований (к концу 1990-х гг. свыше 50 диссертационных работ, сегодня — свыше 250) сформировалось сопоставительное терминоведение — в 1988 г. защищена докторская диссертация, в которой формулируются теоретические основы новой дисциплины, определяются ее объект и предмет изучения, направления исследований и набор применяемых методов. В том же году издается учебник «Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения)». Сопоставительное терминоведение определяется как наука о переводе и межъязыковых соответствиях исходного языка и языка перевода [7: с. 38].

В первое время существовали определенные разногласия относительно проблематики сопоставительного терминоведения, которая, по мнению некоторых исследователей, может быть значительно расширена за счет включения в нее вопросов сопоставительного рассмотрения в одном языке терминов и терминологий двух и более областей знания, двух и более теорий одной области знания, а также заимствования и перевода терминов (см., например: [5: с. 6]).

Однако большее распространение нашла точка зрения, согласно которой сопоставительное терминоведение занимается сравнительным исследованием общих свойств и особенностей (различий) специальной лексики разных языков, например русского и английского [2: с. 15]. С этим совпадает определение, приводимое в Энциклопедическом словаре по общему терминоведению: «Отрасль современного терминоведения, в задачу которой входит выявление различий между терминосистемами сравниваемых языков и установление релевантных для определенных целей исследования терминологических несоответствий» [6: с. 184].

При этом сопоставительное изучение терминологий разных областей знания в пределах одного языка в целях установления общих свойств и классификации терминологий должно проводиться в рамках также выделившегося как самостоятельная дисциплина типологического терминоведения, которое «занимается сравнительным исследованием особенностей отдельных терминологий с целью установления общих свойств терминологий и особенностей отдельных терминологий, обусловленных характером отражаемых ими областей знания» [2: с. 15].

Что же касается предмета сопоставительного терминоведения, то, учитывая его прагматическую направленность и ценность для теории и практики перевода, целесообразно ограничить его сравнительным изучением национальных терминологий разных языков, принадлежащих одной и той же понятийной области или ее фрагменту. При этом сопоставительное терминоведение будет являться теоретической основой гармонизации (международного упорядочения) разноязычных терминологий и перевода терминов [2: с. 83; 4: с. 78].

В первом (и, к сожалению, пока единственном) учебнике по сопоставительному терминоведению сформулированы методы и принципы проведения исследований. В нем предлагаются два типа методик исследования — компаративные и коррелятивные. «При использовании компаративной методики проводятся исследования (или производятся измерения) в каждой из исследуемых терминосистем независимо, а затем сравниваются результаты. Так, можно измерить среднюю длину термина-словосочетания в каждой из терминосистем, а затем сравнить полученные данные, т. е. здесь сравниваются глобальные характеристики терминосистем. Это — традиционная процедура сопоставительного анализа. При использовании коррелятивной методики сравниваются последовательно параметры всех пар конфронтруемых терминологических элементов системы, после чего выясняется, есть ли связь между данными параметрами. Например, можно исследовать вопрос о том, зависит ли длина переводного термина-словосочетания от длины его конфронта в ИЯ¹ (т. е. сравниваются параметры конфронтруемых терминов перебором всех англо-русских пар терминосистемы)» [7: с. 42].

Большое внимание в учебнике уделено принципам системного сопоставления разноязычных терминологий. При этом справедливо утверждается, что

¹ ИЯ — исходный язык.

сопоставительный анализ терминологий должен быть обязательно системным. Далее следует перечень этих принципов.

1. Принцип системности объекта. Сопоставлению подвергаются только системы терминов как целостные образования и термины как члены системы.

2. Принцип комплексности. Установление отношений систем должно быть многоаспектным, комплексным, проведенным на лексическом, семантическом и грамматическом уровнях.

3. Принцип сопоставительной системности. Конечной целью должно быть представление отношений между терминосистемами ИЯ и ПЯ² как системы сходств и различий на всех исследуемых уровнях. <...>

4. Принцип классификационности. Системность сходств и различий должна быть показана их классификацией.

5. Принцип оппозиций. Системное исследование сходств и различий должно обнаружить такие пары теоретико-системных различий, как симметрия — асимметрия, упорядоченность — неупорядоченность, алломорфизм — изоморфизм и др.

6. Принцип параметризации. Выбор параметров сравнимости терминосистем в каждом конкретном случае определяется задачами и материалом исследования, а также потребностями практики.

7. Принцип текстовости. Материал исследования необходимо набирать из сферы функционирования (текстов ИЯ и ПЯ), а не из сферы фиксации (словари и пр.). <...> Поскольку сопоставительное терминоведение предполагает определенные обобщения, установление нормы перевода, оно изучает регулярно повторяющиеся явления, соотносящиеся с системами изучаемых подязыков или являющиеся частью этих систем.

8. Принцип полноты. Сопоставлению должны быть подвергнуты все термины, употребляемые в сплошной текстовой выборке, как те, которые находятся в ядре/периферии специальных терминосистем, так и термины общенаучные: все они уже по своему вхождению в тексты данной информационной области имеют отношение к специальной лексике и, вследствие динамичности и открытости терминосистем, могут со временем стать их полноправными членами. Но, главное, дистилляция терминологии принципиально противоречит ориентации сопоставительного терминоведения на перевод, на потребителя-переводчика специальных текстов, создание терминологических банков, адекватно отражающих языковую реальность данной информационной области.

9. Принцип совмещения качественных и количественных методик. Виды соотношений изучаемых параметров терминосистем должны быть подвергнуты не только качественному, сугубо лингвистическому, но и количественному анализу [7: с. 39–41].

Большинство перечисленных принципов не вызывает возражений, однако здесь нельзя обойтись без критических замечаний. Во-первых, непонятно,

² ПЯ — язык перевода.

почему исключается материал словарей (принцип текстовости), которые также являются текстами, тем более содержащими именно «регулярно повторяющиеся явления, соотносящиеся с системами изучаемых подязыков или являющиеся частью этих систем». Фактически в изложении этого принципа окончание противоречит началу.

Во-вторых, неудачно сформулирован принцип полноты. В переводные словари включается не только лексика данной предметной области, но и лексика смежных областей, наиболее часто встречающаяся в переводимых текстах, но системные сопоставления предполагают ограничение рамками конкретной предметной области.

Наибольшим недостатком первых исследований является то, что в них в первую очередь рассматривались только формальные аспекты. Вместе с тем некоторые семантические аспекты системного сопоставления терминологий с учетом гипонимических (родовидовых), синонимических и полисемических отношений, с привлечением данных диахронического анализа, остались сравнительно слабо изученными [4: с. 120]. Однако исследование именно этих аспектов позволяет выявить современное состояние национальных терминологий, не ограничиваясь сравнением их формальных характеристик, и определить возможности установления между ними отношений эквивалентности.

Оптимальным решением было бы установление гипонимической структуры терминологий определенной области в двух языках и затем их сопоставление с установлением степени их эквивалентности. Такие работы проводились в отрасли строительства и архитектуры в 1970–1980-е гг. при разработке информационных тезаурусов и многоязычных словарей. Но эти работы трудоемки, и более простым способом сопоставления национальных терминологий является анализ обратимости перевода терминов в переводных словарях.

Такое, предлагаемое нами, исследование проводится путем сопоставления информации словарей одного объема, но разной направленности, например англо-русского и русско-английского. Существуют такие словари [10; 12; 13], составленные одними и теми же авторами, что упрощает сравнение, например:

1. Англо-русский и русско-английский архитектурно-строительный словарь. Киев, 1959.

2. Harrap's praktisches Wörterbuch: engl.-dt., dt.-engl. / ed. by Robin Sawers. Munchen: Hueber; London: Harrap, 1983.

3. Wörterbuch des Technik. Essen: Girardet. Deutsch-English, 1979.

4. Wörterbuch des Technik. Essen: Girardet. English-Deutsch, 1979.

Такое исследование позволит сформулировать научно обоснованные рекомендации по упорядочению национальных терминологий и установлению эквивалентности между их терминами. Кроме того, оно дает возможность получить важные результаты для целого ряда направлений терминоведческих, лексикографических, информационных и когнитивных исследований, среди которых в первую очередь следует упомянуть:

- выявление систем семантических (полисемических, синонимических, гипонимических) связей терминов, обуславливающих специфику национальных терминологий;
- определение существующих возможностей повышения обратимости (т. е. взаимно однозначного соответствия) перевода терминов в словарях и тексте, что позволяет значительно улучшить качество научно-технического перевода;
- выявление наиболее типичных ошибок, допускаемых авторами современных переводных словарей;
- создание дополнительных предпосылок промышленной реализации систем машинного перевода;
- выявление национальных особенностей развития специальной лексики, что будет способствовать изучению особенностей национальной психологии и развитию знаний в области научного познания и их моделированию в системах искусственного интеллекта [3: с. 28].

Сопоставление информации, даваемой переводными словарями, позволяет установить степень обратимости терминов, т. е. эквивалентности разноязычных терминов, обуславливающей возможность их точного перевода. Например, если к термину *стул* приводится только один вариант перевода на английский язык — *chair*, а к термину *chair* — тоже только один вариант перевода на русский язык — *стул*, то это свидетельствует о полной обратимости и существенно облегчает задачу переводчика. Однако во многих случаях такого взаимно однозначного соответствия терминов двух языков не существует.

Наличие даже двух вариантов перевода существенно усложняет задачу переводчика. Эти варианты могут быть либо разными терминами, соответствующими разным значениям переводимого термина, как в случае: *Abwasser* — *sewage; effluent* [10], либо синонимами: *Porzellan* — *porcelain, china* [11]; вариантами написания: *capital* — *Kapital, Kapitell* [11], словообразовательными вариантами: *agitator* — *Ruhrwerk, Ruhrer; park* — *Park, Parkanlage* [11]; *abbreviation* — *Abkürzung, Kurzung, Kurzzeichen* [12], или ареальными вариантами: *Mais* — *maize (Br) / corn (USA)* [10]. В тех случаях, когда язык перевода родной для переводчика, ему легче разобраться в ситуации, но если язык перевода для него неродной, это становится трудным. Так, для англоязычного переводчика не всегда ясно, какой из трех вариантов перевода слова *linguistics* — языкознание, лингвистика или языковедение является предпочтительным.

Ситуация усложняется с ростом числа возможных эквивалентов сопоставляемого (переводимого) термина, в ситуации с тремя возможными эквивалентами:

- abacus* — *Abakus, Kapitellplatte, Saulendeckplatte;*
- alcove* — *Alkoven, Nebengemach, Laube;*
- arcade* — *Arkade, Bogengang, Passage (Gebäude);*
- Zugang* — *entrance, approach, access;*
- Zuritt* — *entrance, approach, access* [11];

четырьмя эквивалентами:

Stiel — *stand, post, standard, upright member; ventilation* — *Ventilation, Luftung, Beluftung, Heiberluftung* [11];

или большим числом предполагаемых эквивалентов:

Saule — *column, pillar, support, post, upright member;*

stud — *Bundständer, Ständer, Bundstiel, Stiel, Bundsaule;*

post — *Ständer, Mast, Saule, Stiel, Stutze, Pfosten;*

stay — *Pfosten, Stutze, Ständer, Strebe, Trager; Verspannung, Bindeblech;*

standard — *norm, standard; Stutze, Pfosten, Pfahl, Stiel, Ständer, Trager* [11].

Существование нескольких иноязычных эквивалентов, называемых также лексическими параллелями [1: с. 97], может объясняться различиями национальных лексических систем, обусловленными разницей социокультурных условий их формирования; во многих случаях между терминами разных языков нет полной эквивалентности. Тем не менее даже поверхностный анализ показывает наличие в современных словарях излишних эквивалентов вследствие небрежного или окказионального использования терминов в специальной речи, что приводит к трудностям в работе переводчика. Рассмотрим примеры предлагаемых в вышеуказанном отраслевом словаре эквивалентов:

1) *additive* (добавки) — *Zusatzstoff* (добавочные вещества), *Zusatzmittel* (добавочные средства); *Betonzusatz* (добавки к бетону);

2) *corridor* (коридор) — *Korridor* (коридор), *Flur* (коридор, прихожая, холл), *Gang* (проход);

3) *condensate* (конденсат) — *Kondensat* (конденсат); *Kondensatwasser* (водный конденсат); *Schwitzwasser* (конденсат), *Tauwasser* (талая вода);

4) *attic* — *Dachgeschoss* (чердак, мансардный этаж), *Dachboden* (чердак); *Speicher* (амбар, склад); *Bühne* (сцена);

5) *cornice* (карниз) — *Gesims* (карниз), *Sims* (карниз), *Kranzgesims* (главный, венчающий карниз), *Gurtgesims* (междуэтажный карниз) (см. также: [8; 9]).

В первом из этих примеров последний эквивалент имеет более узкое значение (добавки могут быть к строительным растворам) и фактически является видовым к сопоставляемому термину. В следующем примере третий эквивалент имеет более широкое значение, а второй вызывает сомнения. В третьем примере последний эквивалент связан с таянием, а не конденсацией. В четвертом примере последние два предлагаемых эквивалента явно таковыми не являются. В пятом случае мы опять встречаемся с предлагаемыми в качестве эквивалентов более узкими терминами, называющими виды карнизов.

Становится очевидным, что количество предлагаемых в словарях эквивалентов и качество подбора эквивалентов (степень эквивалентности предлагаемых терминов перевода) неразрывно связаны. Даже поверхностный анализ современных словарей показывает, что оба этих фактора — установление точной эквивалентности между терминами национальных терминологий различных языков и уменьшение числа предлагаемых в словарях эквивалентов далеки от разрешения.

Таким образом, в настоящее время на стыке сопоставительного языкознания и терминоведения сформировалось сопоставительное терминоведение с собственными материалом, объектом и предметом изучения, проблематикой, принципами и методами сопоставительного анализа, которое можно рассматривать и как часть терминоведения и сопоставительного языкознания.

Одним из перспективных методов сопоставительного исследования на материале словарей является анализ обратимости перевода терминов в двуязычных словарях. Этот метод, который может быть использован и в словарях общепотребительной лексики, позволяет выявить степень эквивалентности сопоставляемых терминов и типичные ошибки составителей двуязычных словарей и найти их причины, а также сформулировать принципы установления эквивалентности в двуязычных словарях.

Библиографический список

Литература

1. *Весманова Е.В.* Терминологические параллели в лексическом минимуме по русскому языку как иностранному: на примере англо-русских лингвистических терминов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4 (20). С. 96–102.

2. *Гринев С.В.* Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.

3. *Гринев С.В.* Сопоставительное терминоведение — основа международной унификации и стандартизации терминологий // Научно-техническая терминология. 1997. Вып. 2. С. 28–34.

4. *Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.

5. *Лейчик В.М.* Основные положения сопоставительного терминоведения // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж, 1988. С. 3–10.

6. *Татаринов В.А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. 528 с.

7. *Циткина Ф.А.* Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения). Львов, 1988. 158 с.

Справочные и информационные издания

8. *Амбургер П.Г.* Англо-русский словарь по строительству и архитектуре. М.: Стройиздат, 1961. 599 с.

9. *Корчемкин С.Н.* и др. Строительный словарь (англо-немецко-французско-нидерландско-русский): ок. 14 000 терминов. М.: Рус. язык, 1985. 936 с.

10. *Harrap's praktisches Wörterbuch: engl.-dt., dt.-engl.* / ed. by Robin Sawers. München: Hueber. London: Harrap, 1983. 551 p.

11. *Junge H.-D., Lukhaup D.* Civil Engineering and Architecture: English-German; Deutsch-Englisch. Bauwesen und Architektur. Berlin: Ernst, 1991. 467 p. (Terminus: Special Purpose Dictionary).

12. *Wörterbuch des Technik.* Essen: Girardet. Deutsch-Englisch. 1979. 1046 S.

13. *Wörterbuch des Technik.* Essen: Girardet. Englisch-Deutsch. 1979. 1248 S.

References

Literatura

1. *Vesmanova E.V.* Terminologicheskie paralleli v leksicheskom minimume po russkomu yazy'ku kak inostrannomu na primere anglo-russkix lingvisticheskix terminov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 4 (20). S. 96–102.
2. *Grinev S.V.* Vvedenie v terminovedenie. M.: Moskovskij licej, 1993. 309 s.
3. *Grinev S.V.* Sopostavitel'noe terminovedenie — osnova mezhdunarodnoj unifikacii i standartizacii terminologij // Nauchno-texnicheskaya terminologiya. 1997. Vy'p. 2. S. 28–34.
4. *Grinev-Grinevich S.V.* Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij. M.: Akademiya, 2008. 304 s.
5. *Lejchik V.M.* Osnovny'e polozheniya sopostavitel'nogo terminovedeniya // Otrasleyaya terminologiya i ee strukturno-tipologicheskoe opisanie. Voronezh, 1988. S. 3–10.
6. *Tatarinov V.A.* Obshee terminovedenie: e'ncyklopedicheskij slovar'. M.: Moskovskij licej, 2006. 528 s.
7. *Citkina F.A.* Terminologiya i perevod (k osnovam sopostavitel'nogo terminovedeniya). L'vov, 1988. 158 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. *Amburger P.G.* Anglo-russkij slovar po stroitel'stvu i arxitekture. M.: Strojizdat, 1961. 599 s.
9. *Korchemkin S.N.* i dr. Stroitelny'j slovar' (anglo-nemeczko-francuzsko-niderlandsko-russkij): ok. 14 000 terminov. M.: Rus. yazy'k, 1985. 936 s.
10. Harrap's praktisches Wörterbuch: engl.-dt., dt.-engl. / ed. by Robin Sawers. Munchen: Hueber. London: Harrap, 1983. 551 p.
11. *Junge H.-D., Lukhaup D.* Civil Engineering and Architecture: English-German; Deutch-Englisch. Bauwesen und Architektur. Berlin: Ernst, 1991. 467 p. (Terminus: Special Purpose Dictionary).
12. Wörterbuch des Technik. Essen: Girardet. Deutch-Englisch. 1979. 1046 S.
13. Wörterbuch des Technik. Essen: Girardet. Englisch-Deutch. 1979. 1248 S.

S.V. Grinev

Comparative Terminology Science: the State of the Art

The status and current problems of comparative terminology science are considered. The principles of systemic comparison of heterolingual terminologies are discussed. A method of reversibility of term translation is suggested as a means of checking the level of equivalency of terms in bilingual dictionaries.

Keywords: comparative terminology science; term equivalency; method of reversibility; bilingual dictionaries.

В.И. Карасик

Выбор как сюжетный мотив: ценностные характеристики

Рассматриваются ценностные признаки сюжетного мотива «выбор», понимаемого как узловой компонент повествования, семантическим компонентом которого являются его концептуальные характеристики, а в качестве прагматического компонента выступают позиции субъектов нарратива. Выделяются три основные позиции таких субъектов — Деятель (участник события), Наблюдатель, оценивающий результативность усилий Деятели, и Рассказчик, дающий оценку всей ситуации. Главные ценностные характеристики Деятели — способность взвешенно и быстро сделать выбор, Наблюдатель критически оценивает усилия этого персонажа, Рассказчик выбирает тональность повествования.

Ключевые слова: сюжетный мотив; ценность; концепт; повествование; позиция субъекта.

Ситуация выбора — взятия нужного из наличного — характеризует поведение людей и предполагает ответственность за принятие решения. В философском плане выбор — это проявление свободы воли, характеризующей осмысленное поведение человека. Выбор касается как обиходных действий, так и поступков, от которых зависит судьба. Соответственно ситуация выбора является одним из сюжетных мотивов в развитии событий.

Сюжетный мотив как единица повествования трактуется в филологии неоднозначно [15, 37, 34, 26, 35, 29]. Исследователи солидарны в том, что мотив представляет собой яркую и запоминающуюся единицу нарратива, укорененную в национальной культуре, но расходятся во мнениях относительно подходов к пониманию мотива и выделению его типов. С позиций структурного моделирования нарратива подчеркивается, что сюжетный мотив — это его минимальная единица, своеобразный атом; с позиций культурной обусловленности мотив соотносится с исходными сюжетами, выступающими в качестве пресуппозиций, известных участникам общения; с позиций логики сюжетопостроения на первый план выходит генеративный потенциал того или иного мотива; с позиций семиотического объяснения мотива выделяются его семантические, прагматические и синтактические признаки, т. е. мотив трактуется как сложный нарративный знак.

Предполагается, что прагматика сюжетного мотива, его целесообразность в повествовании, обусловлена несколькими базовыми нарративными позициями: 1) протокольная фиксация событий, обычно следующих друг за другом, — акцентируется ответственность актантов за принятие решения; 2) скептическая

фиксация поступков действующего лица, демонстрация того, что события развиваются по своей логике, учесть которую смертным не дано, — в фокусе находится тщетность попыток повлиять на судьбу; 3) эстетическая фиксация событий, оцениваемых по признаку их презентационной значимости, — на первый план выступает яркость и зрелищность того или иного элемента повествования. Каждая из этих позиций изложения тех или иных действий, составляющих сюжетный мотив, соотносится с определенными ценностями.

Для понимания семантического состава ситуации выбора необходимо построить модель такой ситуации и соотнести ее с номинативными единицами, выработанными коммуникативной практикой. Отметим, что под выбором понимается осознанное или почти осознанное действие, контролируемое тем, кто этот выбор делает. Имперсональные поведенческие акты в рассматриваемый класс не попадают (кто-либо проснулся, упал в обморок, испытал озарение, влюбился и т. д.). Вместе с тем этические нормы в определенных ситуациях требуют совершения моментальных действий без размышлений (кто-то бросился на помощь утопающему, отверг соучастие в преступлении или любом социально осуждаемом действии, кивнул в знак приветствия).

Проблема выбора традиционно рассматривается в единстве с его обусловленностью обстоятельствами. Конструктом этой проблемы является условная шкала такой обусловленности, на одном полюсе которой имеется полная свобода выбора, на другом — его абсолютная обусловленность ситуацией. Полная свобода выбора иллюзорна, полная детерминированность поведения внешними факторами снимает с человека ответственность за свои поступки. Фактически всегда речь идет о степени свободы выбора в тех или иных обстоятельствах, эта степень свободы обусловлена ситуацией и типом личности субъекта. Такая обусловленность может осмысливаться как судьба, предопределение, подчинение культурным императивам и т. д. Литература, посвященная различным морально-этическим аспектам выбора, безгранична, поскольку она охватывает все содержание этики. По Аристотелю, выбор: 1) сознателен; 2) противоположен влечению и желанию; 3) направлен на то, что зависит от человека; 4) осуществляется относительно того, что известно человеку; 5) сориентирован на соблюдение должного; 6) характеризуется неопределенностью результата [13: с. 466].

Выбор может быть легким и трудным. Легкий выбор не предполагает раскрытия характера героя и поэтому в сюжетном построении не используется. Трудный выбор включает в себя сомнения по поводу правильности принимаемого решения и вероятность ошибочного предпочтения, за которым последуют неприятности или бедствия. Обратим внимание на внутреннюю форму слова *mistake* — *ошибка* в английском языке, буквально «неправильно взять». Модель ситуации выбора включает в себя следующие компоненты: 1) субъект, который должен принять решение; 2) наличие нескольких вариантов действия (включая бездействие); 3) последствия выбора (положительные в случае правильного решения и отрицательные в случае неправильного).

Ценностные характеристики выбора осмысливаются в концепте, представляющем собой квант переживаемого знания о ситуациях, которые иллюстрируют этот поступок. Концепт выбор является многомерным ментальным образованием, различные типы которого описаны в лингвистической литературе [14; 17–25; 27; 28; 30–36]. Ценностные ориентиры поступка проявляются в дискурсе [16].

В пословицах и поговорках выражены советы, которые адресованы субъекту выбора. Выбор часто бывает болезненным: *Тот, кто делает выбор, испытывает мучения (нем.). Трудно делать выбор, когда все варианты плохи: Когда яблоки гнилые, выбор невелик (англ.); Трудно сделать выбор между двумя слепыми псами (ирл.).* Следует принимать обдуманное решение: *Семь раз отмерь, один отрежь (рус.); Дважды подумай, прежде чем прыгать (англ.).* Очевидное преимущество может быть обманчивым: *О выборе, который сделан быстро, часто жалеют (англ.).* В то же время не следует слишком долго взвешивать варианты, в большинстве речений приветствуется решительность: *Решительность — спутник настоящего мужчины (татарск.); Уныние — море: утонешь безвозвратно; решимость — лодка: сядешь и переплывешь (казахск.); Нерешительному не знать удачи (башк.); Нерешительная лиса от голода умрет (киргизск.).* Особенно важно сохранять решительность в безысходном положении: *Когда нет выбора, проявляй смелость (евр.),* т. е. бездействие хуже любого действия. Отсутствие выбора унижительно: *У раба нет выбора (нигер.)* [8; 7].

В афоризмах подчеркивается право свободного человека на выбор: *Нет насилия, которое могло бы лишить нас свободы выбора* (Эпиктет). В этих речениях осмысливаются противоречивые характеристики сомнений, присущих выбору и принятию решения. Отмечается болезненность сомнений: *Как несчастен тот, кто сомневается!* (Ф. Бэкон). Сомнения парализуют волю: *Наши сомнения — предатели, заставляют нас лишиться многого, чего мы могли бы достичь, из-за страха попытаться это сделать* (У. Шекспир). Сомнения мешают действиям: *Всегда избегай сомнений: они помеха в делах; где можно добиться успеха, добивайся, отбросив сомнения* (Хитопадеша). Впрочем, отметим ценность тех сомнений, которые свойственны наблюдателю. Такие сомнения благотворны для поиска истины и укрепления характера: *Сомнение есть первый подступ к разуму* (Публилий Сир); *Преклоняйтесь перед духом сомнения* (Л. Пастер). *Сомненье — лучший антисептик от загнивания ума* (И. Губерман). Переход к действию, стартовым моментом которого является принятие решения, придает человеку силы: *До тех пор пока ты не принял окончательное решение, тебя будут мучить сомнения, ты будешь все время помнить о том, что есть шанс повернуть назад, и это не даст тебе работать эффективно. Но в тот момент, когда ты решишься полностью посвятить себя своему делу, провидение оказывается на твоей стороне. Начинают происходить такие вещи, которые не могли бы случиться при иных обстоятельствах... На что бы ты ни был способен, о чем бы ты ни мечтал, начни осуществлять это. Смелость придает человеку силу и даже магическую власть. Решайся!* (И.-В. Гёте) [12; 2].

Подчеркивается важность действия: *В минуту нерешительности действуй быстро и старайся сделать первый шаг, хотя бы и лишней* (Л.Н. Толстой). В афористике мы сталкиваемся с ироничным отношением к принятию решения: *Слабый человек сомневается перед тем, как принять решение; сильный — после* (К. Краус). Действительно, слабые люди пытаются себя убедить, что принятое ими решение было верным. Афористы менее категоричны в осуждении нерешительности, чем творцы пословиц: *Трудно сказать, чего больше заслуживает нерешительность — жалости или презрения, и неизвестно, что опаснее — принять ошибочное решение или не принимать никакого* (Ж. де Лабрюйер). Выбор всегда зависит от обстоятельств: *Из десяти политических решений, которые должен принять человек, на каком бы месте он ни находился, девять будут ему всегда предписаны обстоятельствами. И чем выше его пост, тем ограниченнее его свобода выбора* (Л. Фейхтвангер) [12; 2].

Интересны психологические объяснения решительности и нерешительности: *Нерешительные люди бывают особенно упорны в исполнении своих намерений, и таковы они по причине самой своей нерешительности: ведь отказавшись от того, что они уже рассудили сделать, они должны будут еще раз принять решение* (Дж. Леопарди). В афористике обращают на себя внимание контрастные шуточные высказывания: *Решительность: настойчивость в достижении цели, которую вы одобряете. Упрямство: настойчивость в достижении цели, которую вы не одобряете* (А. Бирс). Умный человек понимает ограниченность своих возможностей, но реагирует на это с юмором: *Юмор неотделим от способности выбора* (Ж. Делез) [12, 2].

Ситуация выбора иллюстрируется образом витязя на распутье: надпись на камне говорит герою, что каждая из дорог может привести путника к плохому результату. Альтернатива может быть и хорошей, но в таком случае в фокусе оказывается способность субъекта сделать выбор: тот, кто слишком медлит, рискует повторить судьбу буриданова осла (перед животным были поставлены на равном расстоянии две корзины с сеном, и осел умер от голода, так и не решив, какую из них предпочесть). Решительность как способность быстро и смело действовать в ситуации неопределенности иллюстрируется известным поступком Юлия Цезаря, который разрубил гордиев узел вместо того, чтобы долго его распутывать.

В качестве хрестоматийного примера трудного выбора выступает поведение Гамлета после того, как он узнал об убийстве своего отца. В программном монологе «Быть или не быть» формулируется основная дилемма того, кто делает выбор: действие или бездействие:

Hamlet. To be, or not to be, that is the Question:
Whether 'tis Nobler in the mind to suffer
The Slings and Arrows of outrageous Fortune,
Or to take Arms against a Sea of troubles,
And by opposing end them [10: c. 68].

Быть иль не быть, вот в чем вопрос.

Достойно ль

Смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление

И в смертной схватке с целым морем бед

Покончить с ними? (Перевод Б. Пастернака) [10: с. 497].

Выбор между смирением и борьбой сформулирован с акцентом на этической значимости этого поступка: герой Шекспира не случайно говорит *Nobler* — *благороднее*, и в переводе найден точный эквивалент этой оценки — «достойно». Гамлет понимает, что в борьбе с судьбой он неизбежно потерпит поражение, но вместе с тем одержит победу над «целым морем бед». И поэтому выбор «быть иль не быть» раздваивается: в обиходном смысле «быть» значит выжить, сохраниться, но в героическом плане «быть» означает проявить верность себе даже ценой гибели. И соответственно, в качестве альтернативы выступает смерть в ее вещественном воплощении либо потеря смысла существования в случае унижительного смирения. В системе утилитарных ценностей физическое небытие отвергается. Неужели древний мудрец, который изрек сентенцию «Живой пес лучше мертвого льва», не понимал значимости подвига? Вероятно, простой ответ вряд ли здесь возможен.

Протокольное изложение событий в трагедии Шекспира «Гамлет» — это развернутая иллюстрация сюжета мести. С позиций скептика перед нами — иллюстрация неподвластной людям силы судьбы, которая уравнивает поступки героев, наказывая всех, кто выходит на авансцену. В эстетическом плане в этом произведении показаны характеры действующих лиц, реализующих мотивы раскрытия тайны, выбора, испытания, предательства, разоблачения, наказания.

Поведение всех героев в этой трагедии Шекспира определяется их главным выбором. Клавдий убивает брата-короля и без колебаний готовит убийство принца, классический злодей руководствуется только соображениями выгоды, для него значима только корона. Королева Гертруда становится женой Клавдия, но она не знает о том, от чего умер ее муж (принц Гамлет упрекает ее лишь в том, что она выходит замуж слишком поспешно после смерти короля). Офелия сходит с ума после того, как Гамлет убивает ее отца. Лаэрт, ее брат, стремится отомстить Гамлету за убийство отца, Гильденстерн и Розенкранц, друзья Гамлета, предают его. Обратим внимание на сюжетное дублирование в трагедии: месть Гамлета — месть Лаэрта, убийство короля — инсценировка этого убийства актерами, имитация безумия Гамлетом — безумие Офелии, замечание Полония, что в студенчестве он играл в пьесе роль Юлия Цезаря и был заколот — смерть Полония от кинжала Гамлета. Финальный бой на рапирах между Лаэртом и Гамлетом так же является множественным символом: на поверхности — это состязание между фехтовальщиками, и победитель получает приз от короля, на втором плане — это месть Лаэрта убийце свое-

го отца и виновнику смерти сестры, на третьем плане — это предумышленное убийство Гамлета, который не знает, что клинок его соперника отравлен. Но происходит множественная рокировка: Гамлет и Лаэрт меняются рапирами в ходе поединка, оба ранят друг друга и погибают от яда на клинке, королева пьет отравленное вино, предназначенное для Гамлета, и умирает, и Гамлет убивает Клавдия, который организовал этот поединок и бросил яд в кубок с вином. Свершается возмездие, и по логике трагедии все его герои погибают. В живых остается Горацио, верный друг Гамлета, выступающий одновременно в качестве участника событий и героя-повествователя. Его выбор — помощь другу.

Выбор героя поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» — побег:

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад! [4: с. 600].

Похищенный из горного аула мальчик передан в монастырь, где его приютили и готовили стать монахом, но он мечтал вырваться на волю и увидеть тот мир, в котором был рожден. Этот выбор не был мучительным, наоборот, беглец сумел реализовать свою давнюю мечту и испытать счастье от ощущения полной свободы. И хотя этот побег закончился неудачей (юноша, блуждая по лесу в горах и получив смертельные раны в схватке с барсом, вернулся к своему монастырю, потерял там сознание и был найден монахами), три дня на воле дали герою ощущение подлинности бытия. Поэт показывает нам выбор, который является предельным выражением воли к свободе, и такой выбор вызывает уважение. Поступок Мцыри по-разному может оцениваться: с точки зрения протокольного развития сюжета, это было бесполезное трагическое и глупое действие, которое монахи, несомненно, осудили бы, с точки зрения Наблюдателя-скептика, это еще одно доказательство непременности судьбы, с которой бессмысленно бороться, но с позиций повествователя это пример прекрасного порыва к свободе, дающего человеку истинное счастье.

Примером осуждаемого выбора является поведение пушкинского Сальери, который сознательно идет на убийство своего кумира — Моцарта (в данном случае нас интересует художественный сюжет, а не историческая реальность событий):

Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,

Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше [9: с. 446].

Сознательный выбор Сальери — уничтожение гения. В известной мере завистник сводит счеты не с Моцартом, «безумцем, гулякой праздным», а с Создателем, который, по мнению Сальери, поступил несправедливо, вручив божественный дар недостойному. Перед нами вечная антитеза рассудка и чувства, при этом рассудочный выбор оказывается порочным. Видна параллель между Сальери и Каином: и тот, и другой в трудах и напряжении выполняли свой долг, и при этом их усилия оказались напрасными по сравнению с теми, кому несправедливо повезло. Именно поэтому возникает необходимость дополнить антитезу рассудка и чувства противопоставлением разума и рассудка, т. е. способности целостного мировосприятия, невозможного без чувственного живого отношения к жизни, с одной стороны, и аналитической рассудочной деятельности, построенной на использовании формул и уравнений, с другой стороны. В тексте данной трагедии финальная фраза остается за Моцартом: гений и злодейство — две вещи несовместные. Сальери повторяет эти слова и тем самым признается в своей принадлежности к тем, кто лишен божественного озарения. И значит, его служение великому искусству оказывается напрасным.

Особый тип выбора — принятие решения в условиях дефицита времени. Такие ситуации имеют место в условиях войны, острого конфликта, вероятной потери лица и т. д. Герой идет на самопожертвование, отказывается от спасения либо неожиданно выбирает новую возможность для самореализации. Например, в романе У. Сомерсета Моэма «Луна и грош» [6] глава 50 — нарративное отступление от основного сюжета — повествует о судьбе молодого преуспевающего английского хирурга, который работал в престижном госпитале, но внезапно принял решение сесть на отплывающий в Африку корабль и стать простым судовым врачом. Все были удивлены и шокированы таким его поступком. Через некоторое время стало известно, что этот человек живет в Египте, женился на местной женщине, и у него появилось несколько детей. Собеседник говорит рассказчику, что их молодому коллеге не хватило характера сделать медицинскую карьеру в Британии. Рассказчик же констатирует, что подобные решения свидетельствуют об очень сильном характере.

Остроумный ответ иллюстрирует подобную ситуацию. Парикмахер рекламирует своему клиенту имеющийся в их заведении лосьон от выпадения волос. В этот момент в зал входит хозяин парикмахерской, голова которого похожа на бильярдный шар. Ни секунды не теряя, парикмахер говорит, что хозяин избегает пользоваться этим средством, чтобы всем показать, что произойдет с теми, кто пренебрегает таким лосьоном. На аналогичных приемах строятся многие комедии ситуаций.

Скептическое отношение к выбору мы находим в известной метафоре Экклезиаста: «суета сует и ловля ветра». Непостижимая судьба сводит на нет все усилия и достижения людей, и, следовательно, любой выбор ведет к небытию. Приведем замечательный перевод фрагмента этого текста, сделанный Наумом Басовским:

Что с того, что ум возводит все надежно и красиво,
мудрый видит все на свете, а глупец бредет во мгле?
Свет, конечно, лучше мрака и пустыни лучше — нива,
но исход один и тот же ждет любого на земле.
Снова род пройдет за родом, и придут иные люди,
но и этих, вновь живущих, та же участь ждет в конце,
и о мудром, жившем раньше, так же памяти не будет,
как не будет о безумце, как не будет о глупце.
Так зачем я был под солнцем столь прилежным и премудрым?
Утруждал я ум и сердце, собирал добро, и вот —
то, чем нас заботил вечер, все равно забудут утром
те, которым наша доля по наследству перейдет

(Н. Басовский. Книга Экклезиаст) [1].

Позиция скептика неуязвима в определенных границах: действительно, многие усилия мы затрачиваем напрасно, результат от них не зависит, и в итоге всех ждет забвение. Но в извечном противостоянии Деятеля и Наблюдателя коллективный разум человечества оказывается в целом на стороне Деятеля. Последовательный отказ от действия есть самоуничтожение. Позиция Наблюдателя-скептика состоит в фиксации альтернатив, которые отрицают друг друга. Такой взгляд на мир трагичен. Обратим внимание на интересный художественный прием совмещения альтернатив в поведении героя в стихотворении Наума Басовского «Баллада о сожженной книге»:

Остался в памяти с давних лет нехитрый один сюжет:
он был ученый, тот человек, а в другом варианте — поэт.
Он был обычен и был велик, и писал он книгу из книг,
в которой каждый житель земли услышал бы свой язык
(а в другом варианте он в книге той объяснял, как вылечить рак).
А еще у героя был лучший друг, а в другом варианте — враг.
Лучший друг (или враг) надоумил семью, которой трудно жилось,
как помочь герою на ноги стать, от пустых избавившись грез.
И в один прекрасный весенний день книга была сожжена,
и сделала это родная дочь, а в другом варианте — жена.

Он в одном варианте застал огонь, а в другом — остывающий жар,
он в одном варианте покончил с собой, а в другом пережил удар,
и не умер, и даже счастлив порой тот ученый (или поэт), —
но в любом варианте финал один: книги этой на свете нет [1].

Перед нами нарратив, в котором иллюстрируется концепт *эквивифинальность* — каким бы путем ни развивался сюжет, его результат одинаков. Выбор поэта (или ученого) — дать человечеству нечто великое, ради чего можно пойти на любые жертвы. Но часто бывает так, что близким эта ноша оказывается не по силам. Их типичный выбор — обеспечить себе нормальное спокойное существование. Наступает неизбежная коллизия между героем и его близкими (заметим, что друг и враг сливаются в едином образе антагониста по отношению к творцу). Книга из книг сожжена. В противостоянии творца и судьбы гибнет творение. Этот сюжет многократно повторяется в истории. Пламя Александрийской библиотеки высвечивает выбор тех, кто собирал знания, и тех, кто посчитал эти знания вредными или лишними. В данном случае не важно, является ли сюжет реальным или фикциональным: в романе Умберто Эко «Имя розы» [11] монах-фанатик Хорхе сжигает библиотеку, стремясь не допустить, чтобы запрещенная рукопись Аристотеля стала доступной читателям, в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» [3] сожжению подлежат книги как таковые, это выбор руководителей вымышленного государства. Когда-нибудь, возможно, появится нарратив, фигурантом которого будет тот, по чьей вине сгорела библиотека ИНИОН в Москве в наши дни (наши современники не без оснований полагают, что решение сжечь библиотеку было вызвано утилитарной целью — получить площадь для строительства объекта, приносящего прибыль).

Отсутствие выбора — характеристика автомата, неживого существа. Такова, например, судьба киллера, за которым охотится другой киллер, в стихотворении Юнны Мориц «Цепочка»:

Это — кино про киллера, который любит свою работу,
Но его заказали грохнуть снайперу высшей пробы,
Который прекрасно знает, что и за ним охоту
Ведет превосходный снайпер, таясь за колонной, чтобы
Его самого прикончил стрелок, за которым послан
С винтовкой дружок из гдетства, веселый такой убийца,
Идет за которым киллер, которого грохнут после, —
И каждого заказали, и некому ошибиться!..
А что, если вдруг?.. Работа — без никаких «а если»,
Высокая технология, поход с элегантным ящиком.
Когда никаких «а если», найдет меня спящей в кресле
Последний в цепочке снайпер, который убит заказчиком,
Идет за которым киллер — зачистить следы под корень,
За киллером ходит снайпер, который и сам на мушке, —
И некому ошибиться!.. Все чисто, и пахнет морем
Свидетель, плывущий в бочке, где дно вышибает Пушкин [5].

Выбор предполагает наличие вариантов развития событий. Если же никаких «а если» не будет, то перед нами возникает замкнутая цепочка событий, похожая на змею, которая кусает себя за хвост. Цепочку превращает в нонсенс ироническая параллель между наблюдателем, который с усмешкой фиксирует идущих по кругу друг за другом киллеров, и Пушкиным, который оказывается князем Гвидоном из пушкинской сказки. Автор становится персонажем, а персонаж — автором. Подобный постмодернистский эстетический прием показывает мир, в котором абсурдность бытия снимается насмешкой над этой абсурдностью. Таков выбор человека наших дней, осознавшего тщету действий, но сохранившего свое право занимать определенную позицию и тем самым быть выше слепой судьбы.

Подведем основные итоги.

Сюжетный мотив «выбор» является одним из ключевых компонентов художественного повествования, определяет интригу произведения и допускает множественные измерения, включающие в себя протокольное изложение событий с позиции Деятеля, оценку этих событий с позиции Наблюдателя и их презентацию с позиции Рассказчика. Эти измерения взаимодополнительны, их оценочные характеристики различны. В первом случае показано, что выбор часто бывает мучительным, но решительность позволяет прийти к нужному результату, а бездействие — это худшая альтернатива. Во втором случае выбор противопоставлен судьбе, и мы видим, что усилия Деятеля весьма ограничены. В третьем случае выбор представляет собой творческий поступок Рассказчика, стоящего над Деятелем и Наблюдателем и создающего реальность.

Библиографический список

Источники

1. *Басовский Н.* Стихотворные переложения. Письмо заказное [Электронный ресурс]. URL: <https://n-basovsky.github.io> (дата обращения: 12.12.2016).
2. Большая книга афоризмов / сост. К.В. Душенко. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 1056 с.
3. *Брэдбери Р.* 451 градус по Фаренгейту. Роман. Рассказы: сб. / сост. Н.М. Пальцев; на англ. яз. М.: Радуга, 1983. 384 с.
4. *Лермонтов М.Ю.* Мцыри // Лермонтов М.Ю. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 594–613.
5. *Мориц Ю.* СквОзеро. [Электронный ресурс]. URL: <http://owl.ru/morits/stih/skvozero/p117.htm> (дата обращения: 12.12.2016).
6. *Моэм У.С.* Луна и грош // Моэм У.С. Собр. Соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1991. С. 5–186.
7. Мудрое слово Востока / сост. Ю.Э. Брегель. М.: Рипол классик, 1996. 608 с.
8. *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.
9. *Пушкин А.С.* Моцарт и Сальери // Пушкин А.С. Соч.: в 3 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1986. С. 442–450.
10. *Шекспир У.* Гамлет. Избр. переводы: сб. / сост. А.Н. Горбунов. М.: Радуга, 1985. 640 с.

11. Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. 486 с.
12. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове) / сост. Э. Борохов. М.: АСТ, 1998. 720 с.

Литература

13. Апресян Р.Г. Выбор // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 466.
14. Бочкарев А.Е. К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 41–53.
15. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Худ. лит., 1940. 649 с.
16. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 56–63.
17. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
18. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
19. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопр. филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
20. Иванова Н.С. О некоторых актуальных словесных объективаторах концепта «успех» в современном русском и болгарском языках // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 89–94.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
22. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.
23. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
24. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
25. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
26. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 221–229.
27. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
28. Пименова М.В. Концепт сердце: образ, понятие, символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
29. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
30. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
31. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

32. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
33. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И.А. Стернин. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.
34. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999. 334 с.
35. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Академия, 2009. 336 с.
36. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
37. Thompson S. Folktale. New York: The Dryden Press, 1946. 510 p.

References

Istochniki

1. *Basovskij N.* Stixotvorny'e pereložheniya. Pis'mo zakaznoe [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://n-basovsky.github.io> (data obrashheniya: 12.12.2016).
2. *Bol'shaya kniga aforizmov* / sost. K.V. Dushenko. M.: E'ksmo-Press, 1999. 1056 s.
3. *Bre'dberi R.* 451 gradus po Farengjejt. Roman. Rasskazy': sb. / sost. N.M. Pal'cev; na angl. yaz. M.: Raduga, 1983. 384 s.
4. *Lermontov M.Yu.* Mczy'ri // Lermontov M.Yu. Soch.: v 2 t. T. 1. M.: Pravda, 1988. S. 594–613.
5. *Moricz Yu.* SkvOzero [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://owl.ru/morits/stih/skvozero/p117.htm> (data obrashheniya: 12.12.2016).
6. *Moe'm U.S.* Luna i grosh // Moe'm U.S. Sobr. soch.: v 5 t. T. 2. M.: Xud. lit., 1991. S. 5–186.
7. *Mudroe slovo Vostoka* / sost. Yu.E'. Bregel'. M.: Ripol klassik, 1996. 608 s.
8. *Permyakov G.L.* Poslovicy' i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovanoe sobranie izrechenij dvuxsot narodov. M.: Labirint, 2001. 624 s.
9. *Pushkin A.S.* Moczart i Sal'eri // A.S. Pushkin. Soch.: v 3 t. T. 2. M.: Xud. lit., 1986. S. 442–450.
10. *Shekspir U.* Gamlet. Izb. perevody': sb. / sost. A.N. Gorbunov. M.: Raduga, 1985. 640 s.
11. *E'ko U.* Imya rozy'. M.: Knizhnaya palata, 1989. 486 s.
12. E'nciklopediya aforizmov (My'sl' v slove) / sost. E'. Boroxov. M.: AST, 1998. 720 s.

Literatura

13. *Apresyan R.G.* Vy'bor // Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4 t. T. 1. M.: My'sl', 2010. S. 466.
14. *Bochkarev A.E.* K opredeleniyu koncepta «sovest'» v russkoj yazy'kovoj kartine mira // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 1 (21). S. 41–53.
15. *Veselovskij A.N.* Istoricheskaya poe'tika. L.: Xud. lit., 1940. 649 s.
16. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 56–63.

17. *Vorkachev S.G.* Voploshhenie smy'sla: conceptualia selecta: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2014. 331 s.
18. *Vorkachev S.G.* Lingvokul'turologiya, yazy'kovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy' v yazy'koznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.
19. *Dem'yankov V.Z.* Ponyatie i koncept v xudozhestvennoj literature i nauchnom yazy'ke // Vopr. filologii. 2001. № 1. S. 35–47.
20. *Ivanova N.S.* O nekotory'x aktual'ny'x slovesny'x ob'ektivatorax koncepta «uspeh» v sovremennom russkom i bolgarskom yazy'kax // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 89–94.
21. *Karasik V.I.* Yazy'kovoju krug: lichnost', koncepty', diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 s.
22. *Karasik V.I.* Yazy'kovaya spiral': cennosti, znaki, motivy'. Volgograd: Paradigma, 2015. 432 s.
23. *Kolesov V.V.* Yazy'k i mental'nost'. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. 240 s.
24. *Krasavskij N.A.* E'mocional'ny'e koncepty' v nemeczkoj i russkoj lingvokul'turax: monografiya. M.: Gnozis, 2008. 374 s.
25. *Lixachev D.S.* Konceptosfera russkogo yazy'ka // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya. M.: Academia, 1997. S. 280–287.
26. *Neklyudov S.Yu.* O nekotory'x aspektax issledovaniya fol'klorny'x motivov // Fol'klor i e'tnografiya: U e'tnograficheskix istokov fol'klorny'x syuzhetov i obrazov. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1984. S. 221–229.
27. *Pimenova M.V.* Dusha i dux: osobennosti konceptualizacii. Kemerovo: Grafika, 2004. 386 s.
28. *Pimenova M.V.* Koncept serdce: obraz, ponyatie, simbol: monografiya. Kemerovo: KemGU, 2007. 500 s.
29. *Silant'ev I.V.* Poe'tika motiva. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 296 s.
30. *Sly'shkin G.G.* Lingvokul'turny'e koncepty' i metakoncepty': monografiya. Volgograd: Peremena, 2004. 340 s.
31. *Sly'shkin G.G.* Ot teksta k simvoly: lingvokul'turny'e koncepty' precedentny'x tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000. 128 s.
32. *Stepanov Yu.S.* Konstany'. Slovar' russkoj kul'tury'. Opy't issledovaniya. M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1997. 824 s.
33. *Sternin I.A.* Opisanie koncepta v lingvokonceptologii // Lingvokonceptologiya / nauch. red. I.A. Sternin. Vy'p. 1. Voronezh: Istoki, 2008. S. 8–20.
34. *Tomashevskij B.V.* Teoriya literatury'. Poe'tika: ucheb. posobie. M.: Aspekt-Press, 1999. 334 s.
35. *Tyupa V.I.* Analiz xudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie. 3-e izd. M.: Akademiya, 2009. 336 s.
36. *Shmelev A.D.* Russkij yazy'k i vneyazy'kovaya dejstvitel'nost'. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2002. 496 s.
37. *Thompson S.* Folktale. New York: The Dryden Press, 1946. 510 p.

V.I. Karasik

**Choice as a Subject-matter Motif:
Evaluative Features**

The paper deals with evaluative features of a subject matter motif «choice» regarded as a narrative unit. Its semantic constituents correspond to three basic dimensions of a concept — notion, image and value whereas its pragmatic constituents are associated with three positions of narration agents — Actor, Observer and Narrator. Actor takes part in events which make the plot of a story, and he or she has to make a right choice within a limited period of time; the worst result possible in this respect is indecision. Observer has to correlate the efforts of the Agent taking into account their effect and the factor of fate. Narrator implements a stage direction of the plot and arranges a story in a certain tonality key.

Keywords: subject matter motive; value; concept; narration; subject position.

Л.А. Борботько,
А.А. Горбик

Афиша в коммуникативном пространстве театрального дискурса

В статье рассматривается понятие коммуникативное пространство в рамках театрального дискурса, а также история развития театральной афиши как одной из его составляющих, эволюция ее форм, содержания и функции. Представлена история появления и бытования печатной афиши и театральных анонсов как жанров театрального дискурса.

Ключевые слова: коммуникативное пространство; театральный дискурс; театральная афиша; фактор паратопии; стилеобразование.

Современная лингвистическая наука базируется на позиции антропоцентризма, что позволяет говорить об изучении конкретного языкового материала в аспектах его порождения, понимания и воздействия на адресата. Объектом исследования в рамках настоящей статьи становится театральный дискурс, реализованный в определенном коммуникативном пространстве, включающем в себя различные составляющие, являющиеся обязательными для его правильного функционирования.

Принимая в расчет специфику театрального дискурса, понимаемого как театральное и социальное действие, воплощенное актерским составом перед зрительской аудиторией в условиях, изначально предложенных драматургом и адаптированных режиссером-постановщиком для последующей реализации на сцене [2], необходимо рассмотреть театральный дискурс с позиции его социокультурной и прагматической обусловленности. Подобный подход позволяет говорить о существовании специфического коммуникативного пространства театрального дискурса.

В толковании известного лингвиста и литературоведа Б.М. Гаспарова [4: с. 223] *коммуникативное пространство* представляет собой особую мысленную сферу, «в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности». Основными характеристиками коммуникативного пространства ученый считает его изменчивость, динамичность, дисконтинуальный (неравномерный) характер. Более того, коммуникативное пространство в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов «образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [4: с. 225]. Эта целостная коммуникативная среда, определяемая метафорой *коммуникативное пространство*, включает

в себя жанровую характеристику конкретного вида деятельности, предметное содержание, общую интеллектуальную сферу, определяемую принадлежностью содержания, а также коммуникативную ситуацию. Сказанное справедливо по отношению к театральному дискурсу, поскольку участники данного вида коммуникации находятся в специфической коммуникативной среде, представленной в виде институционального образования «театр». Их деятельность регламентирована в соответствии с коммуникативными установками, свойственными для вышеназванного социального института.

В то же время коммуникативное пространство театрального дискурса в силу своей многослойной структуры характеризуется совокупностью таких фундаментальных признаков, как протяженность, прерывность, непрерывность, конечность, бесконечность, размерность и т. д. [7].

Театральное искусство, так же как и коммуникативное пространство, в котором реализуется театральный дискурс, характеризуется полиадресованностью, поскольку направлено на «массового зрителя, представленного образованной группой лиц» [3: с. 35]. Фактор образованности имеет особое значение в силу того, что оценка увиденного на театральной сцене напрямую зависит от эрудированности публики. В то же время театр не может существовать без зрителя, следовательно, трансформации, которым подвергается аудитория в процессе социальной и диахронической эволюции, не могут не затронуть и театральное искусство.

В силу того что театральное пространство — это пограничное явление, синтезирующее в себе различные виды искусств и находящееся на границе всех типов культурного пространства, одной из определяющих характеристик театрального дискурса является фактор паратопии, определяемый французским лингвистом Д. Менгено как прагматически и социокультурно значимое коммуникативное пространство [10: р. 28]. Будучи инвариантной по сути, паратопия изменяется в зависимости от внешних экстралингвистических факторов, типа дискурса. Поскольку «ни один вид дискурса (религиозный, эстетический, философский, литературный) не фиксируется в строго определенном, замкнутом, коммуникативном пространстве», фактор паратопии стремится объяснить «открытость коммуникативного пространства дискурса, невозможность его стабилизации, отсутствие четких географических и социальных границ» [6: с. 110]. Сказанное более чем справедливо для театрального дискурса, выходящего за пределы драматургического произведения и достраиваемого на театральной сцене перед зрительской аудиторией посредством актерского исполнения. Другими словами, «театральное пространство одновременно является единым и неоднородным» [7].

Паратопический характер театральной коммуникации становится еще очевиднее, если принять в расчет тот факт, что помимо существования изначально в рамках пьесы, а впоследствии в границах общественного института театра, данный вид коммуникации распространяется на такие социальные сферы, как

публицистическое пространство газет и журналов, радиопространство, интернет-пространство и др. Радиопространство охвачено радиоспектаклями, так называемым театром у микрофона, а также аудиоанонсами предстоящих спектаклей и рецензиями на прошедшие. Последние наличествуют и в публицистических изданиях, меняя форму выражения с аудиальной на печатную. Наконец, Интернет представляет собой наиболее популярное средство размещения афиш, рецензий на театральные премьеры, отзывов об увиденном спектакле, а также способ купить билеты в театр. Таким образом, вышесказанное подтверждает наличие открытых границ театрального пространства, что свидетельствует о его паратописическом характере.

В то же время паратопия есть характеристика не только дискурса, но и его создателя, способ его самоидентификации. Согласно французской традиции [10], автор произведения (здесь — драматург, создающий пьесу) стремится создать для него дискурсивное поле, одновременно определяя собственную позицию и статус в социальном пространстве. Следовательно, фактор паратопии существует неразрывно с процессом творчества, т. е. «творить — значит одновременно выстраивать текст и создавать условия, позволяющие его выстраивать» [6: с. 111].

Коммуникация (в данном случае в рамках пространства театрального дискурса) является важнейшим аспектом во взаимодействии театра со зрителем. В театральной сфере она также возможна за счет предъявления такого жанра, как афиша. В различные периоды времени афиша имела устные и письменные формы бытования и соответственно разные задачи — от обыкновенного печатного текста до художественного произведения, выполненного авторитетными художниками и формирующего образ театра и спектакля при помощи различных средств искусства: лиричностью, броскостью, четкостью языка и идейного содержания, что позволяет мгновенно воздействовать на адресата [9: с. 48–49].

Афиша — древнейший способ информирования публики о предстоящем театральном событии, насчитывающий в своей истории не одно тысячелетие. Так, в Древней Греции и Риме глашатай созывал публику на сценические игры. Первые театральные афиши появились в Греции в IV в. до н. э. и делились на два вида: устные и рисованные. Последние вывешивались в рамках у театральных дверей. Они, в свою очередь, делились на три рода, где изображение было представлено в виде:

- сценической маски, выполненной в стиле комедии, трагедии или сатиры и указывающей на жанр предстоящего представления;
- всех масок пьесы, соединенных в одной раме в форме здания с колоннами и фронтоном;
- одной из ключевых сцен театрального представления.

Как отмечает А.С. Шевченко, в Древнем Риме была широко распространена предплакатная форма, обозначаемая современным словом граффити.

Согласно определению, которое использовал исследователь, *граффити* — это любые, процарапанные на какой-либо поверхности буквы или рисунки, представляющие собой в основном крупноразмерные изображения на стенах общественных зданий. Граффити располагались на стенах домов и носили рекламный характер. Вместе с тем для анонсирования предстоящего представления на наружной стене театра рисовали афишу, где были название, дата предстоящего спектакля, изображение наиболее значимых и ярких сцен театральной постановки [9: с. 122].

В России до появления рукописной или печатной афиши функцию информирования о предстоящем спектакле выполняли устные формы оповещения. Однако и после появления рисованной/печатной афиши голосовая форма была распространена и использовалась какое-то время параллельно с печатными афишами, так как являлась более мобильной и требовала меньшего количества материальных затрат. Вместе с этим устная форма приглашения на представление имела место и тогда, когда круг приглашенных гостей был узок. Так, в XVII в. в придворном театре Алексея Михайловича, царствовавшего в 1629–1676 гг., приближенных к государю приглашали гонцы.

Устные формы оповещения также были рассчитаны на слуховое и визуальное восприятие в силу своей зрелищности. Объявления, адресованные потенциальным зрителям, были не менее запоминающимися и яркими, чем сами спектакли. Например, в первой половине XVIII в. в Санкт-Петербурге служители царских конюшен на Масленицу разыгрывали Российскую комедию. Как подчеркивает К.В. Лапина [5], для информирования публики о предстоящем действе вывешивали в окно бумажный фонарь и играли на рожках. С середины XVIII в. в императорских театрах публику стали информировать, объявляя со сцены анонсы о предстоящих спектаклях.

Дальнейшее развитие устная форма оповещения получила на ярмарках и гуляниях. Во второй половине XVIII в. в балаганах гастролирующих иностранных трупп для информирования публики использовалось визуальное оповещение. Паяц, не знающий русского языка, с балкона демонстрировал фокусы и комическую пантомиму. В середине 1820-х гг. его сменил русский зазывала. Такое словесное оповещение лучше привлекало публику. В последней четверти XIX в. возникает новый жанр устного оповещения — *raus*, что в переводе с немецкого означает снаружи и относится к высокому балкону над входом в ярмарочный балаган, где для оповещения публики разыгрывались небольшие сатирические сцены. Этимология термина обусловлена тем фактом, что среди актеров доминировали немецкие труппы.

В XVII в., во времена Уильяма Шекспира, для оповещения публики о предстоящем спектакле актеры вывешивали над сценой плакат или дощечку, где крупными буквами отображалось название пьесы. Одновременно с этим рукописные афиши размещались на столбах по всему городу за несколько дней до предстоящего спектакля.

Печатная театральная афиша берет свое начало в Европе. С изобретением печатного станка театральная афиша переходит на новый этап развития.

Регулярные театральные афиши стали печататься во Франции начиная со времени Великой Французской революции 1789 г. До этого о предстоящем спектакле информировали посредством *pancarte* – объявления о спектакле, размещенного у дверей театра, шутовского объявления со сцены или изображения, указывающего на содержание представления. На ранних афишах не обозначались имена авторов и актеров, речь шла о приглашении на представление от имени труппы. Афиша также выполняла и роль театральной программки вплоть до конца XIX в.

Печатная театральная афиша появилась в России в XVIII в. с приездом в страну профессиональных зарубежных актеров и трупп. Афиши печатались типографским способом и были небольшого размера, так как формат бумаги был ограничен техническими возможностями печатного станка. В большинстве своем это были шрифтовые афиши с гравированными изображениями и типографским текстом. Также афиши печатались по особым случаям и в них изображали *диковинные* сцены.

Немецкоязычный термин снова встречается при определении жанра театральной афиши. Театральные афиши, или цеттели (*нем. Zettel* — записка, листок), печатались в Академической типографии по заказу зарубежных артистов, гастролирующих по Санкт-Петербургу. Использование немецкого термина на *цеттель* обосновано тем фактом, что афиши печатались преимущественно на немецком языке, так как среди заказчиков типографии преобладали немцы. Параллельный перевод на русский язык присутствовал не всегда. При одновременной печати цеттелей на обоих языках их тиражи либо совпадали, либо вариантов на немецком языке было больше, чем на русском [8: с. 386–387].

В середине XVIII в. круг потенциальных зрителей расширяется, и афиша занимает место в периодической печати, например в «Санкт-Петербургских ведомостях», а с 1760-х гг. в «Московских ведомостях». Постепенно с развитием технических возможностей типографского оборудования размер афиши увеличивается, но вплоть до конца XIX в. она носит исключительно информационную функцию. Внешний вид афиши мало изменяется, но постепенно расширяется ее содержание. В первой половине XIX в. афиша уже содержала в себе описание спектакля, постановочных эффектов и даже частично декорационного оформления. Вплоть до конца XIX в. афиша была в основном текстовой, без собственного графического лица.

Специалисты по издательскому делу стали обращаться к проблеме афиш в рамках зрелищного плана. В своих работах Е.В. Бархатова анализирует появление художественных афиш в конце XIX в., что совпадает с развитием стиля модерн. Это связано с усовершенствованием метода хромолитографии, позволявшего получать дешевые цветные изображения быстро и массовым тиражом, чего требовала коммерческая составляющая театральной рекламы [1: с. 122].

Подчеркнем, что театральные афиши начала XX в. все чаще начинают не столько информировать об определенной постановке, сколько пропагандировать стиль и характер театра, что связано с необходимостью узнаваемости театра во время гастрольных поездок. Таким образом, театр обретает свой графический язык.

Итак, подводя итог вышесказанному, отметим, что в коммуникативном пространстве театрального дискурса афиша играет значимую роль. Пройдя несколько этапов формирования от устного оповещения до рисованного плаката и пр., она закрепились не только в печатной форме, но и в интернет-пространстве. Располагаясь вне физических границ института театра, афиша тем не менее играет существенную роль в процессе реализации театральной коммуникации.

Библиографический список

Литература

1. *Бархатова Е.В.* Зрелищный плакат // Театр. 1993. № 5. С. 122–126.
2. *Борботько Л.А.* Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2015. 197 с.
3. *Викуллова Л.Г.* К проблеме культурной миграции французской литературной сказки XVII века: устное бытование — салонное развлечение // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 4 (22). С. 34–40.
4. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования: учеб. пособие. М.: Новое литературное собрание, 1996. 352 с.
5. *Лапина К.В.* Театральная афиша в России: опыт истории от возникновения до 20-х годов XX века: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.01. М., 2008. 184 с.
6. *Михайлова С.В.* Литературный салон XVII века как фактор паратопии // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1. С. 108–113.
7. *Орлова Е.В.* Сущностные характеристики театрального пространства и пространства театра [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teatralnoe-prostranstvo-v-strukture-hudozhestvennogo-prostranstva-sistemnyy-analiz> (дата обращения: 12.12.2016).
8. *Тонкова Р.М.* К истории петербургских театров. Печатание «цеттелей» (афиш) в типографии Академии наук с 1727 по 1771 год // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 385–394.
9. *Шевченко А.С.* Театральная афиша как рекламный текст и метод воздействия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 7. № 1. С. 120–128.
10. *Maingueneau D.* Le contexte de l'oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société. Paris: Dunod, 1993. 196 p.

References

Literatura

1. *Barxatova E.V.* Zrelishhny'j plakat // *Teatr*. 1993. № 5. S. 122–126.
2. *Borbot'ko L.A.* Avtorskiy metatekst kak orientiruyushhaya sistema v kommunikativnom prostranstve teatral'nogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2015. 197 s.
3. *Vikulova L.G.* K probleme kul'turnoj migracii francuzskoj literaturnoj skazki XVII veka: ustnoe by'tovanie — salonnoe razvlechenie // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2012. № 4 (22). S. 34–40.
4. *Gasparov B.M.* Yazy'k. Pamyat'. Obraz. *Linguistika yazy'kovogo sushhestvovaniya*. M., 1996. 352 s.
5. *Lapina K.V.* Teatral'naya afisha v Rossii: opyt istorii ot vzniknoveniya do 20-x godov XX veka: dis. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.01. M., 2008. 184 s.
6. *Mixajlova S.V.* Literaturny'j salon XVII veka kak faktor paratopii // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2011. № 1. S. 108–113.
7. *Orlova E.V.* Sushhnostny'e karakteristiki teatral'nogo prostranstva i prostranstva teatra [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teatralnoe-prostranstvo-v-strukture-hudozhestvennogo-prostranstva-sistemnyy-analiz> (data obrashheniya: 12.12.2016).
8. *Tonkova R.M.* K istorii peterburgskix teatrov. Pechatanie «cettelej» (afish) v tipografii Akademii nauk s 1727 po 1771 god // XVIII vek. M. L., 1959. Sb. 4. S. 385–394.
9. *Shevchenko A.S.* Teatral'naya afisha kak reklamny'j tekst i metod vozdejstviya // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2014. T. 7. № 1. S. 120–128.
10. *Maingueneau D.* Le contexte de l'oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société. Paris: Dunod, 1993. 196 p.


L.A. Borbotko,

A.A. Gorbik

Theatre Playbill in Communicative Space of Theatrical Discourse

The article focuses on the concept of communicative space in the context of theatrical discourse as well as the history of the development of theatre playbill as one of its components, evolution of its forms, content and functions. The article presents the history of emergence and existence of printed posters and theatrical announcements as genres of theatrical discourse.

Keywords: communicative space; theatrical discourse; playbill; paratopy factor; formation.



**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 378.4

**К.Б. Пригожина,
Ю.Н. Бузина**

**Интеграция межкультурного обучения
в образовательную систему
экономического вуза**

В статье анализируются пути интеграции межкультурного обучения в образовательную систему преемственной подготовки бакалавров, магистрантов и аспирантов в лингвистическом вузе. Особое внимание уделено организации межкультурного обучения на всех ступенях языковой подготовки в вузе с учетом возможного перераспределения аудиторных часов в пользу профильных дисциплин.

Ключевые слова: межкультурное обучение; преемственность в системе высшего образования; самостоятельная работа; образовательные стандарты нового поколения.

В ситуации, когда межкультурная компетенция признана и неизменно остается одной из ключевых в профессиональном общении, наблюдается противоречие между необходимостью формирования комплекса умений для эффективного межкультурного профессионального взаимодействия и возможностью использования для этих целей спектра образовательных ресурсов в рамках выделенных на изучение иностранного языка как дисциплины аудиторных часов, учитывая ведущую роль формирования профессиональных компетенций у студентов в вузах экономического профиля.

Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения, предусматривая модульную систему организации образовательного процесса, предоставляют образовательным учреждениям возможность распределения аудиторных часов для модулей, относящихся к базовой части программы, и модулей вариативной части программы [1: с. 12]. Подобное положение используется вузами для перераспределения аудиторных часов в целях оптимизации учебного процесса. В то же время неязыковые вузы получают возможность выделить дополнительные аудиторные часы на дисциплины базовой части программы, в первую очередь так называемые профильные для факультета. Складывается ситуация, когда вуз, имея возможность отдать приоритет профильным дисциплинам, лишает другие дисциплины определенного количества

аудиторных часов. Это создает проблемы на пути интеграции межкультурного обучения в образовательную систему вуза при организации языковой подготовки студентов.

Проблема приобретает особую актуальность с внедрением федеральных образовательных стандартов нового поколения, поскольку необходимость формирования умений межкультурного общения у студентов вузов закреплена в этих документах для всех дисциплин, как в языковых, так и в неязыковых вузах. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «Экономика», уровень бакалавриата, в требованиях к результатам освоения программы предусматривает формирование двух блоков общекультурных компетенций, что требует включения в процесс обучения студентов подготовки к профессиональной межкультурной коммуникации. Для сравнения, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «Педагогическое образование», уровень бакалавриата, помимо указанных выше общекультурных компетенций, предусматривает формирование профессиональных компетенций в рамках культурно-просветительской деятельности. Учитывая вышесказанное, отметим возникающую необходимость рассматривать «гуманитарные технологии как ключевые при обеспечении конкурентоспособности вуза негуманитарного профиля» [2: с. 131].

Если обратиться к статистике, подготовка специалистов различных областей, владеющих умениями межкультурного общения, не теряет своей актуальности в течение многих десятилетий. Согласно данным, опубликованным в газете «Financial Times» от 10 октября 1996 г. в статье «Преодоление языкового барьера», 49 % компаний, занимающихся экспортом, столкнулись с языковыми и межкультурными барьерами; 12 % компаний прекратили существование из-за этих барьеров; 13 % компаний предпочитают выделять ресурсы на улучшение языковой и межкультурной подготовки сотрудников.

С одной стороны, следуя требованиям образовательного стандарта в отношении формирования умений межкультурного взаимодействия, вузы включают в программы подготовки студентов соответствующие дисциплины. С другой стороны, возможность перераспределения аудиторных часов в рамках модулей в пользу профильных дисциплин затрудняет возможность формирования у студентов комплекса коммуникативных и межкультурных умений, необходимого для эффективной межкультурной коммуникации. Возникает проблема поиска путей интеграции межкультурного обучения в образовательную систему языковой подготовки в неязыковом вузе.

Обращаясь к многочисленным работам, посвященным лингводидактическим аспектам формирования межкультурной компетенции, мы можем проследить тенденцию к рассмотрению этой компетенции как многогранной и многоуровневой способности, формирование которой требует комплексного поэтапного междисциплинарного подхода. Межкультурная компетенция как

«способность к эффективному коммуникативному взаимодействию в процессе понимания и интерпретации смысла инокультурных ситуаций на основе осознания общих и различных признаков культур, способов их вербального и невербального выражения» [5: с. 143] формируется на стыке когнитивной, социальной, социокультурной, лингвистической, лингводидактической науки.

Таким образом, одним из обязательных условий возможной интеграции межкультурного обучения в систему языковой подготовки в вузе может являться организация процесса непрерывного межкультурного образования последовательно в образовательных программах на всех этапах обучения в вузе — на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Рассматривая формирование умений в составе межкультурной компетенции как поступательный процесс, мы можем организовать последовательный поэтапный процесс интеграции межкультурного обучения в образовательную систему вуза. При этом чрезвычайно важно:

соблюдать последовательность, начиная с развития способности к осознанию, восприятию, признанию, толерантному отношению (межкультурно-познавательный этап), далее к пониманию, познанию, узнаванию, анализу, категоризации (межкультурно-оценочный этап), переходя к планированию, моделированию, решению проблем и принятию решений (межкультурно-практический этап) [7: с. 122], основываясь на перцептивной готовности студентов к восприятию различий культур [8: с. 115];

обеспечить поступательность формирования умений на каждом из этапов таким образом, чтобы предыдущий уровень являлся основой для перехода к следующему, но при этом не завершал свою реализацию на предыдущем этапе.

Такую модель организации межкультурного обучения поможет реализовать кластерная форма структурного построения курса соответствующей дисциплины [7: с. 124].

Первый вводный познавательный кластерный блок можно сопоставить с первым этапом межкультурного обучения, что подразумевает:

диагностирующий компонент, нацеленный на определение степени осведомленности о различиях культур, способности к толерантной восприимчивости, основанной на эмпатии и непредвзятой эмоциональной оценке различных культур;

этап биографической рефлексии, предусматривающий работу над культурной восприимчивостью и культурной самоидентификацией.

Второй ориентировочный смысловой кластерный блок также соответствует первому этапу межкультурного обучения и включает в себя:

этап когнитивной ориентации (узнавание, выявление сходства и различия в параметрах культур);

общекультурный тренинг-ориентирование (развитие готовности к восприятию и пониманию различий культур и формирование умений распознавать параметры ситуативно-контекстной специфики межкультурного взаимодействия).

Третий моделирующий оценочный кластерный блок соответствует второму этапу межкультурного обучения и нацелен на развитие умений когнитивного моделирования, что предусматривает следующее:

анализ параметров различий культур;

составление культурных портретов представителей различных культур;

выделение зон культурно-когнитивного совпадения / диссонанса;

распознавание лексических средств выражения ситуативно обусловленных различий культур.

Четвертый моделирующий практический кластерный блок может соответствовать третьему этапу межкультурного обучения и включает работу над развитием поведенческого моделирования и выбором стратегий эффективного межкультурного взаимодействия.

Распределение этапов, блоков и процентное соотношение рекомендуемых к выделению на каждый этап аудиторных часов можно представить обобщенно (табл.).

**Соотношение этапов межкультурного обучения
в интеграции с образовательной системой вуза**

Неязыковой вуз				
Этап	Кластерный блок	Рекомендуемое распределение аудиторных часов (%)		
		Бакалавриат	Магистратура	Аспирантура
1	1	40	20	10
	2	10	10	10
2	3	30	30	40
3	4	20	40	40

При этом соотношение времени, выделяемого преподавателем на каждый из блоков, к общему количеству аудиторных часов, выделенных на прохождение курса (условно 100 %), может варьироваться в зависимости от формы обучения, образовательной среды, условий обучения, уровня сформированности умений. Как мы видим, подобная организация межкультурного обучения позволяет интегрировать его на всех уровнях процесса обучения в вузе, обеспечивая поступательное и взаимообусловленное формирование умений в составе межкультурной компетенции на каждом из уровней от бакалавриата до аспирантуры.

С приобретенной вузами возможностью перераспределения аудиторных часов возникает еще одно условие интеграции межкультурного обучения в систему языковой подготовки в вузе. Организация самостоятельной работы студентов с помощью информационно-коммуникационных технологий и развитие дистанционной формы обучения уже нашли отражение в государственных программах («Национальная доктрина образования до 2025 г.», «Развитие образования на 2013–2020 гг.», «Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг.»).

Профессиональное общение сегодня «выходит за рамки решения производственных проблем и приобретает инновационные характеристики» [3].

Необходимость обеспечения доступности качественного образования и модернизации образовательных учреждений как инструментов социального развития отражена в федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения, предписывающих внедрение в образовательный процесс электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и сетевой формы реализации программ. Согласно стандартам нового поколения каждый обучающийся в течение всего периода обучения должен быть обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к одной или нескольким электронно-библиотечным системам и к электронной информационно-образовательной среде организации. Примерами подобных современных информационных средств обучения могут служить:

- электронная библиотечная система www.znanium.com;
- системы на базе Moodle¹, позволяющие организовать взаимодействие преподавателей и студентов в виртуальной образовательной среде (получив доступ в подобную систему, студенты имеют возможность посмотреть и выполнить домашние задания, посмотреть видеолекции профессоров вуза, отправить выполненные задания на проверку преподавателю, пройти тестирование в интерактивном режиме).

С помощью подобных ресурсов происходит трансформация студентов из сторонних наблюдателей и пассивных слушателей в активных участников образовательного процесса, способных к самостоятельной обработке, анализу, систематизации, критической оценке полученных знаний, а также выработке собственных учебных стратегий для решения задач и моделирования образовательной траектории при дистанционном мониторинге и оценке преподавателем. Информационные и дистанционные образовательные технологии и средства обучения, в развитии которых обозначился четкий переход от e-технологий (electronic learning) к smart-технологиям (self-monitoring, analysis and reporting technology — технология самоконтроля, анализа и отчетности), позволяют обеспечить гибкость в рамках системности, вариативность в пределах стандартизации.

Лингводидактический потенциал современных средств обучения реализует принципы лично-ориентированной направленности, автономности, сознательного обучения, рационального распределения временного ресурса. Организация процесса межкультурного обучения последовательно и непрерывно в образовательных программах на всех этапах высшего образования с использованием ресурсов информационно-коммуникационных технологий в кластерной форме структурного построения курсов соответствующих дисциплин позволяет обеспечить комплексное формирование умений в составе межкультурной компетенции, несмотря на нехватку выделяемых на дисциплину аудиторных часов в неязыковых вузах.

Упомянутые выше пути интеграции межкультурного обучения в систему высшего образования в современных реалиях предъявляют новые

¹ URL: <http://sdo.rea.ru/siteFDO/?executorID=MoodleRedirectExecutor&>

требования к традиционно используемым средствам обучения. Реализуя принцип личностно ориентированного обучения, учебные материалы составляют по принципу открытости. Предлагая в качестве средства обучения учебник (учебное пособие) открытого типа, мы формируем особую модель процесса обучения, «архитектоника которой является максимально гибкой, способной подстроиться под профессиональные, познавательные, межкультурно обусловленные потребности конкретного студента» [9: с. 369]. Продолжая эту мысль, не можем не согласиться, что «при таком рассмотрении учебник становится центральным и системообразующим элементом открытой информационной индивидуально ориентированной образовательной среды, обеспечивающей освоение... в гибком сочетании инвариантных (универсальных, предназначенных для всех студентов) и вариативных (личностно обусловленных) компонентов содержания обучения профессиональной иноязычной коммуникации» [Там же].

Подобная модель организации учебного процесса реализует принцип автономности при организации самостоятельной работы студентов, способствует рациональному распределению временного ресурса в программах по межкультурному обучению.

Под термином «самостоятельная работа» мы можем понимать, во-первых, самостоятельное внеаудиторное выполнение студентами домашних заданий, где в качестве источника знаний выступает учебник, а преподавателю отводится роль «организатора и руководителя». Во-вторых, «самостоятельная работа» также предполагает самостоятельную деятельность студентов в сотрудничестве с преподавателем, где преподаватель выступает и как источник знаний, и как руководитель. В-третьих, понимание термина «самостоятельная работа» как учебной деятельности, в которой студент сам определяет собственные пути поиска, причем преподаватель выступает не как источник знаний, а как фактор, создающий предпосылки для такой деятельности, наиболее адекватно отражает цели и задачи межкультурного обучения в системе языковой подготовки в вузе. Грамотно организованная самостоятельная работа позволяет сформировать у студентов комплекс компетенций, легко трансформируемых в опыт в последующей профессиональной деятельности, поскольку «практическое знание всегда связано с преобразованием — если не норм деятельности, то норм организации себя, как собственно субъекта данного процесса преобразования» [6].

Самостоятельную работу можно считать организованной грамотно, если «в результате взаимодействия преподавателя и студентов происходит определение самим студентом индивидуально своеобразной образовательной траектории... и эта траектория сформулирована в общих параметрах в виде личностно значимой цели» [4: с. 70]. Организованная подобным образом самостоятельная работа позволяет «дать студентам возможность выбора способов достижения целей, стимулировать его самооценку» [Там же].

Говоря о самостоятельной работе с этих точек зрения, можно выделить следующие принципы ее организации:

1. Комплиментарный характер самостоятельной работы, органично увязанный с другими компонентами учебного процесса.

2. Четкие и доступные инструкции преподавателя в отношении организации самостоятельной работы и ее целей.

3. Методическая направленность заданий, уровень сложности которых адекватен содержанию обучения и уровню сформированности умений у студентов.

4. Предоставление студенту инструментария, необходимого для выполнения самостоятельной работы, понимания того, с чего начинать работу, какие действия следует совершить, какие источники информации можно использовать, как обработать материал. Данный инструментарий может быть сформирован на ранних этапах либо во время аудиторных занятий параллельно с выполнением самостоятельной работы.

Управление самостоятельной работой, при которой процесс самостоятельной подготовки так же важен, как и конечный результат, поскольку именно в это время происходит активизация творческого потенциала студентов, механизма памяти, формирования умения научного поиска. Следовательно, процесс самостоятельного выполнения работы необходимо запрограммировать для эффективного контроля, где каждый этап выполнения подлежит оценке.

Объективная оценка самостоятельной работы в соответствии с четко определенными критериями, с которыми студенты ознакомлены заранее.

Использование мотивационных стимулов в процессе управления самостоятельной работой и контроля за ее исполнением. К таким стимулам можно отнести посильность задачи, связь задания с реальной жизнью и собственными интересами студентов, командную работу, соревновательный характер задания, партнерство преподавателя, использование современных компьютерных технологий как для сбора информации, так и для презентации результатов.

Признавая ведущую роль профессиональных компетенций в неязыковых вузах и необходимость формирования межкультурной компетенции как ключевой в профессиональном общении, отметим, что модульная организация образовательного процесса, предусмотренная в стандартах нового поколения, предоставляет возможность использовать практически неограниченный лингводидактический потенциал современных информационно-коммуникационных технологий. Открытость и гибкость современной системы обучения при ее непрерывности и последовательной организации позволяет поэтапно формировать умения в составе каждого из компонентов межкультурной компетенции, предоставляя возможность интегрировать межкультурное обучение на каждом уровне высшего образования, обеспечивая комплексную подготовку студентов к эффективному межкультурному взаимодействию.

Библиографический список

Литература

1. Бузина Ю.Н. Обучение иностранному языку специальности на основе нового образовательного стандарта III поколения // Непрерывное педагогическое образование.ru. 2014. № 11. С. 12.
2. Викулова Л.Г., Тарева Е.Г. Гуманитарные практики в нефилологическом образовании: информационно-аналитический обзор материалов конференции «Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4 (20). С. 131–135.
3. Климинская С.Л. Факторы повышения эффективности профессиональной коммуникации // Вестник МГЛУ. Сер. «Образование и педагогические науки». 2013. № 8 (668). С. 27.
4. Корзун О.О. Принципы организации самостоятельной работы будущих переводчиков в целях совершенствования темпа речи // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1. С. 68–74.
5. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 338 с.
6. Попов А.А., Глухов П.П., Луппа Г.М. Компетентностные практики и образовательная политика // Вестник МГПУ. Сер. «Педагогика и психология». 2015. № 3 (33). С. 8–21.
7. Пригожина К.Б. Методика формирования межкультурной компетенции у участников коммерческих переговоров (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 260 с.
8. Романова М.В., Пригожина К.Б. Перцепция как основополагающее звено в решении проблем психологии общения и межличностного взаимодействия в ситуациях межкультурных деловых контактов // Коммуникация в современном поликультурном мире: прагматика лингвистического знака / отв. ред. Т.А. Барановская. М., 2015. С. 114–129.
9. Тарев Б.В., Тарева Е.Г. Инновационный потенциал образовательных традиций: учебник иностранного языка открытого типа // Вопросы методики преподавания в вузе. 2014. № 3. С. 364–373.

References

Literatura

1. Buzina Yu.N. Obuchenie inostrannomu yazy'ku special'nosti na osnove novogo obrazovatel'nogo standarta III pokoleniya // Neprery'vnoe pedagogicheskoe obrazovanie.ru. 2014. № 11. S. 12.
2. Vikulova L.G., Tareva E.G. Gumanitarny'e praktiki v nefilologicheskom obrazovanii: informacionno-analiticheskij obzor materialov konferencii «Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty» (Sankt-Peterburg, 13–15 maya 2015 g.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 4 (20). S. 131–135.
3. Kliminskaya S.L. Faktory' povy'sheniya e'ffektivnosti professional'noj kommunikacii // Vestnik MGLU. Ser. «Obrazovanie i pedagogicheskie nauki». 2013. № 8 (668). S. 27.

4. *Korzun O.O.* Principy' organizacii samostoyatel'noj raboty' budushhix perevodchikov v celyax sovershenstvovaniya tempa rechi // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 1. S. 68–74.

5. *Pluzhnik I.L.* Formirovanie mezhhul'turnoj kommunikativnoj kompetencii studentov gumanitarnogo profilya v processe professional'noj podgotovki: dis. ... d-ra ped. nauk. Tyumen', 2003. 338 s.

6. *Popov A.A., Gluxov P.P., Luppa G.M.* Kompetentnostny'e praktiki i obrazovatel'naya politika // Vestnik MGPU. Ser. «Pedagogika i psixologiya». 2015. № 3 (33). S. 8–21.

7. *Prigozhina K.B.* Metodika formirovaniya mezhhul'turnoj kompetencii u uchastnikov kommercheskix peregovorov (anglijskij yazy'k): dis. ... kand. ped. nauk. M., 2012. 260 s.

8. *Romanova M.V., Prigozhina K.B.* Percepciya kak osnovopolagayushhee zveno v reshenii problem psixologii obshheniya i mezhlchnostnogo vzaimodeistviya v situacijax mezhhul'turny'x delovy'x kontaktov // Kommunikaciya v sovremennom polikul'turnom mire: pragmatika lingvisticheskogo znaka / otv. red. T.A. Baranovskaya. M., 2015. S. 114–129.

9. *Tarev B.V., Tareva E.G.* Innovacionny'j potencial obrazovatel'ny'x tradicij: uchebnik inostrannogo yazy'ka otkry'togo tipa // Voprosy' metodiki prepodavaniya v vuze. 2014. № 3. S. 364–373.

**K.B. Prigozhina,
Yu.N. Buzina**

Cross-cultural Education as an Integral Part of Higher Educational System in Non-Linguistic Universities

The article addresses problems of including cross-cultural education into the educational succession of Bachelor, Master and Doctoral postgraduates programs in non-linguistic universities. Close attention is directed to the cross-cultural education at each stage of language training in college, considering the possible academic re-scheduling to the advantage of core subjects.

Keywords: intercultural competence; succession in higher education; unsupervised activities; advanced educational standards.

А.Л. Онякова

Психолингвистический эксперимент в лингводидактике

В статье показаны возможности применения результатов ассоциативного эксперимента при обучении иностранцев русскому языку. Моделирование языковой способности студентов осуществляется через обращение к фрагментам ассоциативных полей, отражающих взаимосвязь элементов языкового сознания русских. Предложенная система заданий к учебному тексту способствует формированию и развитию у иностранных учащихся коммуникативной компетенции как необходимой составляющей успешного овладения русским языком.

Ключевые слова: лингводидактика; ассоциативный эксперимент; ассоциативно-вербальная сеть; концептуальная сетка текста; семантические узлы.

Статья имеет своей целью показать возможности использования идей и результатов психолингвистических исследований на практических занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). На сегодняшний день обозначенные материалы не находят должного применения в прикладном, лингводидактическом аспекте, в то время как введение данных психолингвистики и когнитивистики в учебный процесс методически целесообразно для успешного овладения иностранным языком.

Обозначим область психолингвистики, интересующую нас в контексте разрабатываемой проблемы. В настоящее время не существует строго очерченных границ данной научной дисциплины, изначально понимаемой как теория речевой деятельности (см.: [5, 2]). Психолингвистика изучает речевую способность человека, порождение и восприятие речевого высказывания, речевое общение и усвоение языка ребенком, языковое сознание (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Т.Н. Ушакова). Применительно к заявленной в статье теме в качестве объекта исследования выделяются речевая способность, рассмотренная с точки зрения ее организации и функционирования, и языковое сознание, а именно — его структура и содержание (А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, Т.А. Гридина, А.А. Залевская).

Специфика психолингвистики проявляется в методах ее исследований, основным из которых является ассоциативный эксперимент. Существуют различные типы такого эксперимента, в том числе свободный ассоциативный эксперимент, позволяющий выявить взаимосвязь определенной лексической единицы с другими и тем самым получить информацию о фрагменте структуры языкового сознания респондента.

Методика эксперимента оказывается в центре внимания в процессе моделирования языковой способности (см.: [5]), основу которой образует ассоциативно-вербальная сеть (АВС). АВС представляет собой «систему ассоциативных полей» (АП) (в частности, семантических гештальтов, отображающих национально-специфичные понятия) и может быть зафиксирована в виде ассоциативного тезауруса [3: с. 7].

В современной русской лексикографии наиболее известными ассоциативными тезаурусами являются «Русский ассоциативный словарь» (РАС) (см.: [8]) и «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов». Существуют полиязычные ассоциативные тезаурусы, среди которых можно назвать «Славянский ассоциативный словарь» Н.В. Уфимцевой, «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулова. Особенностью двуязычных и полиязычных словарей является то, что они предоставляют возможность сопоставить содержание языкового сознания носителей разных языков.

Материалы ассоциативных тезаурусов, а также методика ассоциативного эксперимента отражены в современных пособиях по РКИ. В качестве примера включения обозначенного материала в систему заданий можно привести испанский учебник по русскому языку «Curso completo de lengua rusa. Niveles básico, intermedio y avanzado» (см.: [7]), одно из послетекстовых заданий которого состоит в следующем: «*С помощью знакомых вам слов расскажите, что вы знаете об этих странах. Используйте наиболее подходящие слова*» (перевод наш. — А. О.) [7: с. 135]. Учащимся предлагается рассказать о странах (Россия, Испания, Египет, Америка — США) с опорой на вербальные ассоциации к их названиям. Ассоциации даны в виде списка, откуда следует выбрать подходящие слова и использовать их в рассказе (фрагмент списка слов: «*Россия: Москва, Петербург, русские, холодно, блины...*» [7: с. 135]).

Рассмотренный вариант речевого задания способствует формированию в сознании учащихся так называемых семантических узлов. Данное понятие используется в семантической теории информации по отношению к объекту, у которого заполнены все валентности — эксплицитные, выраженные в тексте, и имплицитные — полученные из экстралингвистических источников (см.: [6]). Усвоение иностранного языка можно соотнести с моделированием семантических узлов, отражающих реально существующие связи и отношения элементов языковой способности носителей изучаемого языка.

Другим примером системного введения материалов ассоциативного словаря в учебный процесс является пособие по лексике для испаноговорящих

студентов «Русская лексика по-новому» [4]. Составляющие лексико-семантические группы (ЛСГ) единицы даются в виде блоков слов-реакций к каждому элементу ЛСГ. Предлагается задание на анализ «наборов» слов-реакций к слову-стимулу («Посмотрите схему, обратите внимание на ассоциации к глаголам “учиться” и “заниматься”. Постарайтесь самостоятельно определить различия в их значениях» [4: с. 206]). Блоки слов-реакций представляют собой группировки по типу отношений между словом-стимулом и словом-реакцией: синтагматические, парадигматические, фоновые и прагматические. Данный пример иллюстрирует возможность использования материалов ассоциативных словарей в процессе преподавания русской лексики в иностранной аудитории.

В настоящей статье учебный текст рассматривается с точки зрения его наполнения концептуально значимыми элементами. Интенционал таких единиц (слов) охватывает поле ассоциативных связей данного элемента с другими и способствует адекватному пониманию текста. Обозначим методику выявления концептуально значимых единиц, для чего обратимся к понятию «тематическая сетка текста», используемому И.В. Арнольд.

Тематическую сетку как средство раскрытия идейного содержания текста образуют «повторяющиеся слова и значения или семы, т. е. компоненты значений», которые «несут главную художественную информацию <...> являются ключевыми» [1: с. 254]. В процессе анализа на первый план выступают не сигнификативные, а референтные значения, связывающие элементы с объектами реальной действительности, а не с понятийным денотатом (см.: [1: с. 253–255]). Тематическая сетка является более узким понятием по сравнению с концептуальной сеткой, так как предполагает анализ лексических единиц и их связей на ограниченном материале, а не в рамках языковой системы.

Под использованием концептуальной сетки при изучении текста нами понимается рассмотрение составляющих его лексем с точки зрения их представленности в словарях концептов. Для начала в тексте предположительно выявляются слова-концепты. Следующим шагом является поиск данных слов в идеографических словарях.

В нашем случае концептуальная сетка сформирована на основе материалов словарей Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» [10] и «Русского идеографического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой [9], где представлены национально-специфичные концепты русской культуры. На основе такого рода анализа отбираются единицы, несущие концептуальную нагрузку и значимые для понимания смысла прочитанного. Выбранные концепты функционируют в системе заданий, составленных с учетом данных ассоциативных словарей (РАС).

В результате анализа учебного текста¹ были отобраны следующие единицы: БОГ, ВЛАСТЬ, ВОЛК, ДОБРО, ДРУЖБА, ЖИЗНЬ, КОНЬ, ПРАВДА, РОДИНА,

¹ Учебный текст («Байкеры — субкультура лихих бунтарей или прополитическое движение?») составлен на основе интервью с А. Залдостановым (URL: <http://vm.ru/news/2015/04/24/dlya-vragov-oprichniki-dlya-druzej-geroi-glavnij-nochnoj-volk-strani-gotovitsya-k-novim-bajkshou-284765.html>).

СВОБОДА, СЕМЬЯ, Я (см.: [9]), РОССИЯ, ПРАВДА, ИСТИНА, ЗАКОН, МИР, ЧЕЛОВЕК (см.: [10]). В примеры ассоциативных заданий (т. е. заданий с использованием идей и результатов ассоциативного эксперимента) были выборочно включены некоторые из данных концептов, значимые, на наш взгляд, для понимания текста.

Выделяются предтекстовые, текстовые и послетекстовые задания. Первые направлены на выявление существующих в лексиконе учащихся фрагментов АП слов-концептов. Варианты заданий такого типа приведены далее.

1. *Выберите и объясните друг другу данные ниже слова. Для объяснения назовите три слова, которые описывают выбранное вами слово (например, «Россия — это снег, страна, большая»). Не называйте слово, которое вы выбрали. Задача остальных студентов — понять, о каком слове вы говорите.*

БОГ, ВЛАСТЬ, ВОЛК, ДОБРО, ДРУЖБА, ЖИЗНЬ, КОНЬ, ПРАВДА, РОДИНА, СВОБОДА, СЕМЬЯ, Я, РОССИЯ, ИСТИНА, ЗАКОН, МИР, ЧЕЛОВЕК.

2. *Скажите, в чем отличие слов “друг” и “знакомый”? Кого называют настоящим другом? Что значит выражение «быть как одна семья»?*

Задание 2 позволяет выделить элементы, входящие в АП слов «друг» и «семья».

Текстовые задания направлены на получение учащимися информации о лексических связях выбранных в учебном тексте слов.

3. *Прочитайте текст. Обратите внимание на выделенные слова. Составьте предложения с данными словами.*

Группа послетекстовых заданий предполагает ознакомление с фрагментом концептуального окружения некоторых слов, составленным на материале РАС, и ввод нового материала в речь.

4. *В тексте находятся некоторые понятия, значимые для русской культуры. Расскажите о них, используя слова из данных ниже групп. Эти слова помогут вам ответить на вопрос «Кем является... / Что представляет собой... для русских?»*

ДРУГ: *верный, товарищ, собака, хороший, брат, настоящий, единственный, преданный, на всю жизнь, надежность, вместе, не оставит в беде, познается в беде, помог, понимание, редкий, самый близкий человек, школьный.*

ПРАВДА: *ложь, горькая, истина, глаза колет, кривда, в лицо, искренняя, жестокая, необходима, только одна, ваша, честность, чистота, хорошо.*

ИСТИНА: *одна, абсолютная, в Боге, великая, верна, вечна, всего дороже, гармония, красота, наука, не существует, недостижимость, свет, чистота, полная, объективная.*

СВОБОДА: *полная, равенство, воля, счастье, независимость, желанная, бороться, власть, всем, за рубежом, лето, пьянит, радость, США, демократия, ура!, даруется.*

РОДИНА: *мать, Россия, одна, Отечество, страна, город, край родной, любовь, наша, патриот, березы, защита, милая, могучая, тюрьма.*

5. На основе материала задания 4 объясните, чем отличаются слова “правда” и “истина”. Как вы понимаете выражения «борец за правду», «истина лежит посередине», «правд много, истина одна»?

6. Вставьте вместо точек пропущенное слово (см.: Слова для справок). Объясните, как связаны слова в цепочках ассоциаций.

Волк — ... — Баба-яга

Россия — ... — Рим

Закон — ... — Отец

Добро — ... — 8-е Марта

Свобода — ... — Поле

Слова для справок: мама, раздолье, Москва, сказка, суровый.

7. Объясните, как связаны данные ниже слова с ассоциациями, предложенными к ним.

ПРАВДА: газета, комсомольская, пионерская, русская.

ИСТИНА: в вине

СВОБОДА: равенство и братство.

В отдельной группе послетекстовых заданий предлагается провести сравнение национально-специфичных единиц АП в русском языке и в языке учащихся. Задания такого типа позволяют выявить ассоциации, входящие в структуру семантического гештальта слов-концептов в сознании студентов, и определить, соответствуют ли данные элементы АП существующим в языковом сознании русских.

8. Выберите одно из предложенных ниже слов и напишите 5 своих ассоциаций к нему. Найдите это слово в РАС, сравните данные в нем ассоциации с вашими. Объясните различия, если они есть.

ЖИЗНЬ, ЗАКОН, ВОЛК, РОССИЯ, СВОБОДА, МУЗЫКА, ДОРОГА.

9. Проведите эксперимент: опросите студентов вашей группы, какие ассоциации возникают у них на одно-два слова задания 1. Какие из ассоциаций можно назвать общими, а какие — национально-специфичными? Подготовьте небольшое сообщение о результатах эксперимента.

Последний тип заданий направлен на проверку степени сформированности в сознании учащихся связей лексических единиц внутри АП, аналогичных тем отношениям, которые существуют в языковом сознании русских.

10. Напишите эссе на тему «Кем является ... / Что представляет собой ... в русской и в моей культуре». Вместо пропусков используйте слова из списка в задании 1. Укажите, какие сходства/различия в значении и употреблении данного слова существуют в русском и в вашем языке.

11. Разделитесь на две команды. Преподаватель предлагает слово, каждая команда по очереди называет ассоциации, характеризующие данное слово в русской культуре. Выигрывает та команда, которая назовет большее количество ассоциаций.

В задании 11 отрабатывается лексика предыдущих упражнений.

12. Вы готовитесь принять участие в конференции «Межъязыковые различия в лексике». Подготовьте краткое сообщение, приведите примеры

различий в значении и употреблении конкретных слов в русском и в вашем родном языке. Используйте материалы РАС.

Предлагаемая система заданий, отвечающая принципам коммуникативности, функциональности, поэтапного формирования навыков и умений, показывает возможности применения данных ассоциативного эксперимента в лингводидактике.

В заключение отметим, что обучение с опорой на реально существующие связи элементов языковой системы, отраженные в ассоциативных словарях-тезаурусах, позволяет моделировать языковую способность учащихся путем формирования семантических узлов, связи единиц внутри которых соответствуют представленным в АВС носителям русского языка. Обозначенный подход к созданию и форме подачи учебных материалов, иллюстрируемый предложенной в статье системой заданий, представляется продуктивным путем освоения неродного языка, в частности русского языка как иностранного.

Библиографический список

Литература

1. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле и тематическая сетка текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 250–259.

2. Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 80–88.

3. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

4. Красильникова Л.В., Ружицкий И.В., Ружицкая Э.А. О возможностях использования ассоциативного словаря в практике преподавания русского языка как иностранного // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 204–209.

5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, Академия, 2005. 288 с.

6. Леонтьева Н.Н. Стрoение семантического компонента в информационной модели автоматического понимания текста: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 1990. 46 с.

7. Curso completo de lengua rusa. Niveles básico, intermedio y avanzado. Coord.: Sánchez Puig M. Ediciones Hispano Eslavas, Madrid, 2005. 387 с.

Справочные и информационные издания

8. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I: От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II: От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.

9. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2011. 1032 с.

10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

References

Literatura

1. *Arnol'd I.V.* Leksiko-semanticheskoe pole i tematicheskaya setka teksta // *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'*: sb. st. / nauch. red. P.E. Buxarkin. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999. S. 250–259.
2. *Bubnova I.A., Krasny'x V.V.* Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremny'x integrativny'x issledovanij: tradicii i novacii // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 4 (16). S. 80–88.
3. *Karaulov Yu.N.* Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set'. M.: IRYa RAN, 1999. 180 s.
4. *Krasil'nikova L.V., Ruzhickij I.V., Ruzhickaya E'.A.* O vozmozhnostyax ispol'zovaniya associativnogo slovarya v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo // *Voprosy' psixolingvistiki*. 2015. № 2 (24). S. 204–209.
5. *Leont'ev A.A.* Osnovy' psixolingvistiki. M.: Smy'sl, Akademiya, 2005. 288 s.
6. *Leont'eva N.N.* Stroenie semanticheskogo komponenta v informacionnoj modeli avtomaticheskogo ponimaniya teksta: avtoref. dis. ... d-ra texn. nauk. M., 1990. 46 s.
7. *Curso completo de lengua rusa. Niveles básico, intermedio y avanzado*. Coordinadora: Sánchez Puig M. Ediciones Hispano Eslavas, Madrid, 2005. 387 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. *Russkij associativny'j slovar'*: v 2 t. / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov. T. I: Ot stimula k reakcii. M.: AST-Astrel, 2002. 784 s. T. II: Ot stimula k reakcii. M.: AST-Astrel, 2002. 992 s.
9. *Russkij ideograficheskij slovar'*: Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushhem ego mire / otv. red. N.Yu. Shvedova. M.: RAN, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova, 2011. 1032 s.
10. *Stepanov Yu.S.* *Konstanty': slovar' russkoj kul'tury'*. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskij proe'kt, 2001. 990 s.

A.L. Onyakova

Psycholinguistic Experiment in Linguodidactics

The article shows the possibility of the associative experiment results usage in teaching Russian to foreign students. Students' language ability is formed through associative field fragments which show element interconnections of the Russians' language consciousness. The suggested system of training exercises to the text helps form and develop students' communicative competence as a necessary part of successful Russian language learning.

Keywords: linguodidactics; associative experiment; associative-verbal net; text's conceptual net; semantic nodes.

Д.В. Подрезова

Содержание прецедентного имени в языковом сознании носителей русского языка: борьба ценностей культуры и некультуры

В работе на примере лонгитюдного экспериментального исследования слова *патриотизм* рассматривается проблема изменения смыслового содержания и номенклатуры прецедентных имен, представляющих собой элемент аксиологической сферы и входящих в когнитивную базу носителей русской культуры. Выявляются факторы, обуславливающие как сужение значений слов-ценностей, закрепленных прецедентными именами, так и динамику прецедентных имен в языковом сознании поколения, родившегося в конце XX в.

Ключевые слова: прецедентное имя; слова-ценности; культура; некультура; динамика.

Несмотря на существование некоторых различий в определениях культуры, все исследователи признают, что она представляет собой систему внебиологических способов программирования деятельности человека в социуме, некий «репертуар структур знаний, интерпретаций и действий» [9: с. 79–85], причем эти составляющие являются единством, выражающим одну главную ценность, которая «служит основой и фундаментом всякой культуры» [8]. Необходимо отметить и выделяемую представителями самых разных подходов ведущую роль знаков, которую они играют в формировании культуры, так как только посредством символа возможно перевести объективное содержание природы в субъективное содержание культуры и тем самым организовать мир человека [4]. Иными словами, культура как «информационный резервуар человечества» [7] хранит социально значимый опыт, представленный в различных семиотических системах, среди которых язык выступает не только первостепенным, но и уникальным носителем информации благодаря тому, что он, представляя собой наиболее действенную «созидающую силу» [2], определяет содержание той «культурной реальности», в которую «погружен» человек. Не менее важной является и еще одна функция языка: он не только аккумулирует и сохраняет культуру, но и отражает специфику национального мировидения и национальной ментальности, вмещающая «в себя таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа» [5: с. 227].

На наш взгляд, ключевая особенность культуры как информационной системы состоит в том, что она, представляя собой сложное сочетание

различных семиотических систем, функционирует на фоне некультуры: сферы, «функционально принадлежащей Культуре, но не выполняющей ее правил» [7: с. 396]. Данное ее качество позволяет перемещать границы между текстами культуры (в самом широком смысле этого слова) и текстами, находящимися за ее пределами, внося таким образом изменения в информацию, зафиксированную в коллективной памяти. И «в этом смысле интеллектуальную историю человечества можно рассматривать как борьбу за память. Не случайно всякое разрушение культуры протекает как уничтожение памяти, стирание текстов, забвение связей» [7: с. 397].

Сегодня борьба за национальную коллективную память носителей русской культуры охватывает все больше сфер жизни общества, что кажется вполне закономерным в глобализирующемся мире, если помнить о том, что «информация — не факультативный признак, а одно из основных условий существования человечества. Битва за выживание — биологическое и социальное — это битва за информацию. Понимание сущности культуры как информации объясняет страстную заинтересованность в этом вопросе как культуртрегеров, так и культуроборцов, конфликты между которыми заполняют собой историю человечества» [7: с. 395]. Внешние показатели таких столкновений — это не только политизация различных сфер жизни (см. подробнее, например: [3: с.42–50]), предлагаемые массовому сознанию различные трактовки одних и тех же исторических событий, снос памятников и переименование улиц. Это и изменение норм русского языка, многочисленные заимствования, навязывание через средства массовой коммуникации моделей поведения, не свойственных русской культуре (см. об этом, например: [1: с. 34–42]), создание кумиров, чья жизнь подается как образец для подражания. Не менее ярким свидетельством ведущейся войны за информацию является оценка исторических фигур, чьи имена стали прецедентными, так как они олицетворяют определенную идею, культурный эталон, используемый в русском лингвокультурном сообществе в качестве меры, что позволяет его членам воспринимать явление, называемое этим именем, в качестве такового. Именно прецедентные имена, номенклатура и содержание которых постепенно изменяются в последние десятилетия, представляют объект нашего исследования.

Методика, методы и участники эксперимента

Изучение динамики номенклатуры и содержания прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры проводилось нами в период с 2012 по 2016 г. В целом в исследовании на разных его этапах приняли участие 260 человек: 150 студентов (средний возраст от 18 до 21 года) и 110 представителей старшего поколения, получивших среднее и высшее образование до распада СССР.

Экспериментальный список был составлен на предварительном этапе работы по результатам опроса, в котором приняли участие 50 респондентов, и включал в себя следующие слова: *мужество, честь, патриотизм,*

предательство, героизм, самоотверженность, жестокость, преданность, невежество, успех, достоинство, трагедия, победа.

Выбор лексики для исследования был обусловлен несколькими факторами: 1) она отражает аксиологическую сферу личности; 2) отличие этой группы имен состоит в том, что данные абстракции — это «имена сложных ситуаций» [10: с. 119], существующие только в сфере человеческого мышления, но тем не менее имеющие некий «материальный субстрат», который заключен в деятельности конкретных людей и, как правило, закреплён в языковом сознании прецедентным именем; 3) данная группа лексики формируется в индивидуальном и групповом сознании под контролем социума.

Главной целью нашего исследования было выявление межпоколенной динамики номенклатуры прецедентных имен, воплощающих в себе определенную морально-нравственную ценность, а также описание и сравнительный анализ смыслового содержания слов-ценностей, стоящих за исследуемыми именами в сознании поколения, родившегося в конце XX в.

Основными методами в работе являлись методы опроса, а также свободного и направленного ассоциативного экспериментов.

Результаты, полученные в ходе экспериментов, использовались для построения фрагмента концептуальной системы современного носителя русской лингвокультуры, касающейся аксиологической сферы, в частности, абстрактной лексики, имеющей прототипический денотат, представленный прецедентным именем. В этом случае нас интересовал содержательный аспект, т. е. выявление системы смыслов, стоящих за каждым прецедентным именем и, следовательно, за каждым значением слова, которое обозначено данным именем.

Выполнение поставленной задачи осуществлялось при помощи методики построения *семантических гештальтов*, представляющих собой единицу знания о мире, включающую в себя несколько «зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [6: с. 193–194], и отражающую в своем строении то, как воспринимает и интерпретирует структуру фрагмента реальности носитель языка [6: с. 193–194].

На последнем этапе построенные на базе экспериментальных данных *семантические гештальты* сравнивались с *семантическими гештальтами* этих же слов, смоделированными по данным словарей.

Полученные результаты и их обсуждение (на примере слова *патриотизм*)

Если суммировать все словарные толкования [11] слова *патриотизм* (от греч. *patriotes* — соотечественник, *patris* — родина, отечество), то *семантический гештальт* данного слова, т. е. его доминантные сферы, может быть представлен следующим образом: 1) нравственный принцип: *следование нормам, принятым в обществе*; 2) чувство: *любовь, преданность, привязанность к Отечеству и своему народу*; 3) ответственность: *Родина, народ*; 4) служение:

интересы Отечества; 5) особенности культуры: особенности образа жизни народа, специфика миропонимания, культурные традиции, эталоны поведения; 6) специфика формирования: общение со старшим поколением, одобрение/ порицание поведения молодых.

В отличие от словарного, *семантический геиштальт* слова *патриотизм* по данным ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г. в группе представителей современного молодого поколения, был представлен только одной доминантной сферой: чувство: *любовь к Родине — 24, отчизне — 3, стране — 3, вера, гордость*. Остальные реакции были единичными и носили персонифицированный (*Путин, Зюганов*) или образный характер (*СССР, сильное государство, знамя*), либо отражали личное отношение респондентов к данному понятию (*патриотизма нет*).

Следует также отметить, что некоторые из полученных реакций поддаются группировке, и их, по нашему мнению, можно отнести к таким сферам, как служение: *готовность защищать, армия, солдат, герои — 3, ветераны — 3*; особенности культуры: *сплоченность, нация*; принадлежность по какому-либо признаку: *россияне — 4, национальность — 3*. Однако эти сферы, что явно видно из количества полученных реакций, относятся к периферийным, и в языковом сознании большинства участников эксперимента не были представлены.

Проведенный в этой же группе опрос показал следующее: большинство его участников считали, что прецедентным именем, выражающим идею *патриотизма*, является имя *Юрия Гагарина*, что не совпадало с данными, полученными во взрослой группе, где эта же идея ассоциировалась с *молодогвардейцами* и *Павлом Корчагиным*, которые не только не упоминались, но и не были известны студентам.

Спустя два года уже в новой группе респондентов (количество респондентов — 50, все участники — студенты вуза) для уточнения смыслового содержания слова *патриотизм* и выявления его динамики в языковом сознании представителей молодого поколения нами был проведен еще один эксперимент — направленный ассоциативный, где задание было сформулировано следующим образом: *«Ниже представлен список имен и качества, которые олицетворяют эти люди. Напишите, какие поступки этих людей позволяют утверждать, что имя данного человека символизирует названное качество. Если вы не согласны, то обоснуйте свое мнение и предложите иное имя»*.

Из 50 участников эксперимента 32 (64 %) человека согласились с тем, что имя *Юрия Гагарина* является прецедентным именем, отражающим идею *патриотизма*, мотивировав это следующим образом (ответы обобщены): *да, он любил свою Родину, гордился ею, трудился на благо Отчизны, рисковал своей жизнью ради нее*.

Анализ всех полученных ответов показал, что доминантной сферой *семантического геиштальта* слова *патриотизм* продолжает оставаться сфера чувство. Однако наряду с ней доминантной стала и сфера служение: *готовность*

идти на риск, защищать честь страны, отстаивать ее интересы, готовность пожертвовать собой, внести вклад в развитие страны.

Не менее примечательно и то, что в 2016 г. 18 человек (36 %) выразили несогласие с предложенным утверждением, объяснив это следующим образом (приведем наиболее типичные ответы, стиль оригинала сохранен): *нет, мы конечно все помним, что он летал в космос в числе первых, но к патриотизму это не относится; возможно, но для меня более патриотичные люди такие, как Сталин, Брежнев и др. правители (не все); может быть, Жанна д'Арк, можно сказать символ патриотизма; патриотизм можно отнести к более великим личностям и многие тысячи людей умерли за Родину, но так и неизвестны; Зоя Космодемьянская, все знают ее подвиг.*

Очевидно, что появление через два года в ответах респондентов имен *Сталина, Брежнева, Зои Космодемьянской* нельзя считать случайным: в последние годы открытые и завуалированные дискуссии о патриотизме в современном медийном дискурсе занимают одно из ведущих мест, и эта активность средств массовой коммуникации обусловила, как нам представляется, изменения в языковом сознании молодежи. Более того, появление новых имен, последовавшее сразу после бурных общественных обсуждений данной проблемы, на наш взгляд, свидетельствует о двух важных моментах: 1) об основополагающей на сегодняшний момент роли средств массовой коммуникации в формировании смыслового содержания исследуемой лексики и номенклатуры прецедентных имен; 2) о почти полном отсутствии влияния системы образования, одной из целей которой должно быть сохранение общей национальной когнитивной базы, на воспитание и развитие аксиологической сферы личности. Как показывают экспериментальные данные, именно совокупность этих факторов определяет сегодня смысловое содержание понятий, составляющих основу морально-нравственных ценностей молодого поколения носителей русской культуры.

Выводы

В настоящий момент значения слов, которые относятся к категории важнейших морально-нравственных качеств, в языковом сознании поколения, получающего образование в современной России, чаще всего являются более узкими и не соответствуют значениям, зафиксированным в словарях. Влияние системы образования на процесс формирования данной группы лексики минимально, она практически полностью делегировала свои полномочия средствам массовой коммуникации и тем социальным группам, в которых проходит социализация молодежи. Этим может объясняться не только сужение значений, но и быстрая смена номенклатуры прецедентных имен. В случае с понятием *патриотизм* изменения в номенклатуре прецедентных имен не носят резко отрицательного характера, однако наблюдается несовпадение в самих прецедентных именах, что может быть обусловлено как выпадением

из значения слова значительной части его смыслового содержания, так и отсутствием знаний истории своей страны и, как следствие, обеднением общенациональной когнитивной базы носителей русской культуры.

Библиографический список

Литература

1. Бубнова И.А. Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 34–42.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: URSS, 2004. 232 с.
3. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–50.
4. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. 672 с.
5. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Рус. книга, 1994. 480 с.
6. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 191–206.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В.В. Сапова. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманист. ин-та, 2000. 1054 с.
9. Фикс У. Проявляется ли культурная специфика в типах текста? // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. № 2. С. 79–85.
10. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. Вып. 12. С. 74–122.

Справочные и информационные издания

11. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf> (дата обращения: 29.12.2016).

References

Literatura

1. Bubnova I.A. E'voluciya russkoj yazy'kovoj lichnosti // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriyayazy'ka. Yazy'kovoeobrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 34–42.
2. Vajsgerber J.L. Rodnoj yazy'k i formirovanie duxa. M.: URSS, 2004. 232 s.
3. Vikulova L.G., Novikov N.V. Formirovanie negativnogo obraza politika v massmedijnom diskurse: predmetnaya sfera sport // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazykovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 42–50.
4. Domnikov S.D. Mat'-zemlya i Czar'-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshchestvo. M.: Aleteja, 2002. 672 s.
5. Il'in I.A. Put' duxovnogo obnoveniya // Il'in I.A. Soch.: v 2 t. T. 2. M.: Rus. kniga, 1994. 480 s.
6. Karaulov Yu.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noj seti // Yazy'kovoe soznanie i obraz mira. M.: In-t yazy'koznaniya RAN, 2000. S. 191–206.

7. Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010. 704 s.

8. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shix sistemax iskusstva, istiny', e'tiki, prava i obshhestvenny'x otnoshenij / per. s angl. V.V. Sapova. SPb.: Izd-vo Rus. xrist. gumanit. in-ta, 2000. 1054 s.

9. Fiks U. Proyavlyaetsya li kul'turnaya specifika v tipax teksta? // Vestnik VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya». 2001. № 2. S. 79–85.

10. Fillmor Ch. Osnovny'e problemy' leksicheskoy semantiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Prikladnaya lingvistika. M.: Raduga, 1983. Vy'p. 12. S. 74–122.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Slovari i e'nciklopedii na Akademike [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf> (data obrashheniya: 29.12.2016).

D.V. Podrezova

Allusive Name Contents in Linguistic Consciousness of Russian Native Speakers: the Struggle of Culture and Non-culture Values

The paper deals with the problem of changes in semantic contents of allusive names making a stock-list representing an element of axiological sphere and its cognitive base of Russian culture-bearers. A longitudinal experimental study of the word *patriotism* specifies determining factors of narrowing of value-words' meanings enshrined in allusive names, as well as dynamics of allusive names in language consciousness of the generation born in the late XX century.

Keywords: allusive name; value-words; culture; non-culture; dynamics.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Рецензия на учебное пособие
для образовательных учреждений
с углубленным изучением русского
языка и литературы Н.А. Герасименко,
В.В. Леденёвой, Т. Е. Шаповаловой
«Русский язык: простое и сложное»
под редакцией Н.А. Герасименко
(М.: Диона, 2014. 564 с.)**

В рамках Общероссийского конкурса «Университетская книга» Новосибирский государственный педагогический университет организовал и провел VII Сибирский межрегиональный конкурс изданий для высших учебных заведений «Университетская книга – 2016». В номинации на лучшее издание по филологическим наукам победителем стало учебное пособие «Русский язык: простое и сложное».

Учебное пособие по русскому языку, подготовленное д-ром филол. наук, проф. Н.А. Герасименко, д-ром филол. наук, проф. В.В. Леденёвой, д-ром филол. наук, проф. Т.Е. Шаповаловой, представляет собой книгу нового поколения: оно адресовано детям, одаренным гуманитарными способностями. Из текста рецензируемого труда отчетливо складывается его концепция: развивать интерес к русскому языку, формировать творческую личность в процессе изучения русского языка, достигать воспитательного эффекта в обучении одаренных детей русскому языку.

Пособие состоит из следующих разделов:

1. Актуальные вопросы современной лингвистики. В составе первой части два подраздела, посвященные проблемам языковой картины мира и языковой личности.
2. Основные этапы истории русского литературного языка.
3. Стили русского языка.
4. Нормы русского литературного языка.

5. Теория современного русского языка. Это центральный раздел учебного пособия, посвященный поуровневому описанию русского языка от фонетики и орфоэпии до сложного предложения с различными видами связи и текста.

6. Краткий словарь актуальных слов русского языка.

Кроме того, все разделы пособия включают высказывания отечественных мыслителей и мастеров слова о русском языке; в этих высказываниях просматривается сама история русского языка от утверждения его права на существование среди европейских языков (М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и др.) до осознания ярчайшей специфики русского языка и его необычайно богатых возможностей. Отметим, что каждая мысль великих, каждая сентенция могут быть использованы учителем для реализации тех инновационных педагогических техник и методических приемов, которые представлены в практической составляющей пособия, т. е. высказывания о русском языке представляют неоценимый и неисчерпаемый материал для работы со словом и над словом.

Как видно из самой структуры учебного пособия, оно отражает современное состояние отечественной науки, реализует антропоцентрический подход к описанию языка. Лингвистическая наука представлена в учебном пособии не перечнем фамилий, часто ничего не говорящих школьникам, а краткими, но точными характеристиками вклада того или иного ученого в анализируемую проблему и лаконичными, но емкими биографическими ссылками, часто с портретами выдающихся исследователей. Так, в основном тексте подраздела «Языковая личность» три имени: В.В. Виноградов и Ю.Н. Караулов представлены как создатели теории, а Д.С. Лихачев — как элитарная языковая личность.

В анализируемом пособии важную роль играет не только основной текст, но и справочно-ссылочный аппарат. Предлагая описание типов языковых личностей, авторы пособия сразу же делают ссылку на «Типы речевых культур» И.А. Стернина, что дает возможность школьникам, заинтересовавшимся проблемой, углубить свои знания.

Характер практических заданий также во многом нацелен на то, чтобы представить науку как живое явление и сделать учащихся ее со-творцами; этому способствуют «почему-задания», которые не только помогают закреплению теоретического материала, но и дают возможность понять, насколько предлагаемые сведения из области теории значимы для осознания реальных жизненных ситуаций, например: «Почему происходит речевой конфликт — непонимание? Что не совпадает в языковых картинах мира собеседниц?» Подобные «почему-вопросы» есть и в заданиях других разделов: «Определите, почему данные слова принадлежат одному словообразовательному типу» (с. 217), «Объясните, почему эти существительные относятся к разносклоняемым» (с. 247), «Почему образование возвратных глаголов от некоторых слов [дан список] невозможно?» (с. 318) и др. По функциональной значимости — способствовать развитию научной мысли, умению аргументативных рассуждений — к «почему-заданиям» примыкают «проблемные»

задания: «В современной лингвистике укрепилось мнение, что порядковые числительные необходимо рассматривать как разновидность относительных прилагательных. Почему? Попробуйте обосновать эту точку зрения» (с. 279), «Некоторые ученые не относят к местоимениям слова *где, куда, откуда* и подобные, рассматривая их среди наречий. Докажите, что эти слова обладают признаками местоимений» (с. 293).

Обратим внимание на то, что антропоцентрический подход не просто декларируется авторами: через все пособие проходят сквозные темы, и хотя теоретические представления о русской языковой картине мира, о стилях и нормах даются в самом начале учебника, но на всем его протяжении эти представления расширяются, углубляются, систематизируются за счет мастерски сформулированных точечных вопросов (например: «Используя существительные общего рода, опишите свой класс. Какие черты характера оцениваются в русской языковой картине мира положительно, а какие — отрицательно?» (с. 242), «Для какого стиля речи характерно употребление таких [с суффиксом *-ищ-*] существительных?» (с. 246) и др.).

В разделе «Теория современного русского языка» системность изложения материала непосредственно указывает на системность связей и отношений в языке. Определяя в «Лексике» слово как единство лексического и грамматического значений, авторы рецензируемого пособия в морфологических описаниях используют общий алгоритм характеристики слова как части речи: 1) грамматическое значение и основные признаки, 2) разряды в зависимости от лексических значений. Кроме того, обязательным структурным элементом морфологического раздела становится описание особенностей словообразования изучаемой части речи.

В учебном пособии для углубленного изучения русского языка не может не быть развернутой терминосистемы. Авторы пособия «Русский язык: простое и сложное» широко включают термины в описание системы русского языка. Однако за счет умелого представления нового материала, а также благодаря ярким иллюстрациям освоение и усвоение терминов не должно вызвать проблем. В качестве примера приведем введение термина «сема»: «Лексическое значение состоит из составляющих (компонентов, или сем — от греч. *sema* — ‘знак’) <...>: *возок* — ‘старинная крытая зимняя повозка на полозьях’, где общее — ‘повозка’, а различительные компоненты (семы) — ‘старинная’, ‘крытая’, ‘зимняя’, ‘на полозьях’» (с. 158–159). Активизации использования терминов способствуют задания типа: «Установите значение терминов *античность, гражданственность, идеал, нормализатор, рациональный*» (с. 50), «Сравните объем понятий “слог” и “стиль”» (с. 56), «Выпишите из текста раздела термины, которые требуются для характеристики литературного языка в период господства сентиментализма» (с. 60), «Определите содержание понятия “народность” во второй половине XIX в.» (с. 84), «Попробуйте сформулировать, исходя из состава слова, что такое *терминология*» (с. 184) и др.

Так, теоретические сведения в анализируемом учебном пособии дозированно перемежаются практическими заданиями, которые нацелены на формирование коммуникативных компетенций, прочных теоретических знаний, приобретение умений лингвистического анализа и устойчивых навыков владения русским языком. Задания реализуют заявленный принцип: от простых к сложным, творческим, способствующим формированию общекультурных и коммуникативных компетенций.

Являясь инновационным как по характеру изложения материала, так и по организации практических заданий, пособие не избегает и традиционных упражнений по русскому языку — например, сочинения по картине, эссе на заданную тему, задания на пропущенные буквы и знаки препинания и т. п. Однако характер постановки проблемы вдыхает новую жизнь и в эти упражнения, позволяет школьникам осознать, например, функциональную значимость изучаемой части речи (см. задания к картине Б.М. Кустодиева «Троицын день» (в подразделе «Глаголь»): «Используйте как можно больше глаголов, чтобы подчеркнуть динамичность изображенного» (с. 335); к картине В.Е. Маковского «Пастушки» (в подразделе «Местоимение»): «Напишите небольшой рассказ о событии, изображенном художником. Какие местоимения вы использовали? Почему?» (с. 309)).

Обратим внимание на иллюстративный материал. Шедеврами в пособии являются не только произведения живописи. Все тексты принадлежат перу мастеров слова, представляют собой особую художественную ценность. Атрибутированы не только развернутые фрагменты, но и отдельные предложения, встречающиеся в заданиях. В разделе «Основные этапы истории русского литературного языка» даны фрагменты из «Слова о полку Игореве», «Русской правды», «Задонщины», «Домостроя» и др. Небольшие по объему, тексты тем не менее создают чувство причастности к великой истории — как русского народа, так и национального языка.

Отметим хорошо продуманную систему условных обозначений, которая свидетельствует о высоком качестве дидактического аппарата издания, указывая на основные структурные элементы текста (теоретические: «вывод», «запомните»; практические: «примените свои знания», «приглашение к творчеству»), а также привлекая внимание к нерешенным проблемам и сложным вопросам современной лингвистики («обратите внимание»).

Надеемся, что издание будет востребовано в кругу не только одаренных детей; многие сведения об историческом и современном состоянии русского языка будут интересны хорошо подготовленным школьникам обычных классов; часть заданий из разряда «Приглашение к творчеству» также может быть использована для внеклассной работы или для индивидуальной работы с сильными учащимися в обычной школе. Кроме школьников, учебное пособие может заинтересовать и тех, кто с ними работает: учителей, а также студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов университетов и педагогических вузов.

Стажировка в Кембридже

Известно, что наиболее полный опыт погружения в языковую и культурную среду дают программы обучения за рубежом. Однако не часто представляется такая счастливая возможность — закрепить полученные знания в стране — носителе языка. Преподавателям МГПУ, для которых владение английским языком не дань моде, но насущная необходимость, в 2016 г. довелось побывать в Кембридже (Великобритания) и пройти двухнедельный интенсив по программе EF Education First.

М.М. Шалашова, доктор педагогических наук, профессор, директор ИДО МГПУ, рассказала нашему журналу о стратегии развития университета, предусматривающей повышение уровня международной академической мобильности преподавателей и студентов. Как особенно актуальный в связи с этим выделен вопрос языковой компетентности профессорско-преподавательского состава. В 2016 г. в МГПУ была реализована уникальная образовательная программа «Языковая компетентность педагога: лучшая мировая практика, носители языка». Речь идет об английском языке — языке международного общения, который изучают в школах большинства стран мира как основной иностранный язык. Заявки подали более 370 сотрудников из всех структурных подразделений нашего университета, к обучению приступили 320 человек. Некоторые в процессе обучения были отчислены за низкую успеваемость, но дополнительный сбор заявок от педагогов институтов и колледжей поправил дело, и потери были восполнены. Полугодовая программа включала в себя дистанционное онлайн-обучение в языковой школе EF, являющейся лидером на образовательном рынке в этой области, предоставляющей неограниченный двадцатичетырехчасовой доступ в любое удобное время к большому образовательному контенту, организующей очные занятия в малых группах с преподавателями. В декабре 2016 г. процесс обучения завершен, педагоги, успешно выполнившие учебный план, получили удостоверения о повышении квалификации. В качестве результатов обучения можно привести следующие данные: 78 % обучавшихся повысили свой уровень языковой компетентности, причем у некоторых преподавателей наблюдался существенный рост языковой подготовленности (более чем на 2–3 уровня

по общеевропейской шкале CERF). Однако на желаемый уровень языковой компетентности (уровни Upper Intermediate и Advance) вышли только 72 человека, что говорит о необходимости продолжения образования, в том числе самообразования и поиска новых ресурсов развития.

Двадцать участников, которые показали наиболее высокие результаты при обучении в онлайн-школе, имели уникальную возможность пройти стажировку в Кембридже (Великобритания) в языковой школе EF Executive Language Institute Cambridge, где обучаются представители компаний разных стран. В частности, с группой из МГПУ обучались студенты из Германии, Франции, Бразилии и др.

Коммуникативно ориентированная методика преподавания, многочисленные тренинги и практикумы, общение с носителями языка, знакомство с культурой страны изучаемого языка — все способствовало повышению уровня восприятия языка, развитию навыков разговорной речи. В результате успешного прохождения стажировки участникам были вручены сертификаты.

Уровень языковой компетентности педагога — необходимое условие международной академической мобильности педагогов МГПУ, в конечном счете предпосылка повышения международного рейтинга университета, поэтому данная задача и в дальнейшем будет в центре внимания руководства вуза.

Подробные сведения о компании, сотрудничающей с Институтом дополнительного образования Московского городского педагогического университета, предоставила *А. Кальченко* — директор по работе с ключевыми клиентами.

EF Education First — частная образовательная компания, крупнейшая по численности штатных сотрудников, корпоративных клиентов, студентов, объему инвестиций, вложенных в развитие продуктов EF и исследования, а также по количеству представительств/офисов/школ во всех точках земного шара. Это организация, предлагающая полный комплекс языкового обучения в различных форматах на базе собственных инновационных разработок и учебных материалов.

Предложения EF Corporate Solutions охватывают широкий спектр направлений: это и языковые решения для бизнеса и государственных организаций, партнерские и спонсорские проекты. В частности, представители школы участвовали в качестве волонтеров на Универсиаде в Казани в 2013 г., на Олимпийских и Паралимпийских играх в Сочи в 2014 г., на чемпионате мира по водным видам спорта в Казани в 2015 г., предполагается их участие на чемпионате мира по футболу в 2018 г. В настоящее время успешно осуществляются проекты с Минобрнауки РФ для учителей английского языка, врачей и пр.

EF Education First в России и СНГ предлагает своим клиентам полный спектр корпоративных образовательных решений в области обучения языкам и повышения квалификации.

Кроме собственно обучающих программ, школой осуществляются культурные мероприятия на изучаемом языке (English club, Movie club, недели английского языка, бизнес-семинары). Более полную информацию о школе EF можно получить, пройдя по следующей ссылке: <http://www.ef.ru/corporate>.

Как уже отмечалось, в проекте, осуществленном с МГПУ, приняли участие более 300 человек профессорско-преподавательского состава. Проект

включал в себя дистанционное обучение (онлайн), гибридное обучение (микс дистанционных и очных занятий с преподавателями), зарубежные стажировки (Кембридж, Великобритания) для участников, показавших наилучшие результаты обучения. Участники положительно отзываются о программе, отмечают важность программы для профессионального роста и развития сотрудничества университета с зарубежными вузами.

Общие впечатления о стажировке в Кембридже подытоживает доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ *Г.И. Романова*, подчеркивая, что активизация уже имеющихся знаний и необходимость в усилении языковой компетенции для ученых насущны и актуальны.

Языковая стажировка в школе EF Executive Language Institute Cambridge, UK потребовала быстрой адаптации к условиям жизни в Англии, к специфическому стилю преподавания и обучения. Впечатление свободы и произвольности, создаваемое комфортной предпраздничной (канун Рождества) атмосферой школы EF и доброжелательностью ее сотрудников, довольно быстро сменяется пониманием жестких рамок, строгой дисциплины и контроля. Уровень владения английским языком становится здесь единственным критерием, по которому объединяются в одну группу люди разных профессий, возрастов, национальностей.

В школе применяется коммуникативно ориентированная методика преподавания языка с акцентом на практику общения и тренировку восприятия английской речи на слух. На занятиях используются материалы, раздаваемые преподавателем, единого учебного пособия нет. Обязательный эпизод — совместное выполнение заданий двумя-тремя участниками. Цель таких упражнений не только языковая. Умение достигать понимания и согласия, вести диалог (в широком смысле слова), идти навстречу собеседнику, включаться в рабочую группу — компетенции, обладание которыми учитывается работодателями в современном мире.

При всей серьезности «делового английского» в классах часто были слышны взрывы смеха — тонкий английский юмор преподавателей и самоирония студентов позволяли легко относиться к своим и чужим ошибкам, стереотипам и предубеждениям. Хотя предметом изучения был в основном деловой английский язык, а преподаватели пытались установить «политкорректные» ограничения, утверждая, что на занятиях предпочитают не говорить о «политике, религии, сексе», не всегда удавалось обойти даже эти щекотливые темы.

Помимо изучения языка, поездка в Кембридж — прекрасная возможность ознакомиться с новинками художественной, научной литературы, с современным состоянием книжного дела в Европе. Так, нам удалось посетить библиотеки некоторых колледжей (Сент-Джонс колледж, Тринити-колледж, Королевский колледж). Хотя каждый колледж, каждый факультет имеет свою библиотеку, в их организации принципиальных отличий от современных российских библиотек нет. Особые впечатления связаны с *Кембриджской университетской библиотекой (Cambridge University Library)* — централизованной

академической исследовательской библиотекой. Полнота изданий в этой библиотеке обусловлена тем, что сюда обязательно представляются экземпляры всех книг, издаваемых в Великобритании. Важная для посетителей особенность — открытый доступ к большинству книг (кроме отдела редких изданий и рукописей). С этим связаны строгости проверки, и поэтому читатели (и командировочные, и частные исследователи) даже на краткий период получают читательский билет, заполнив соответствующие анкеты и представив основной документ с копией. Несмотря на огромный объем и необозримую площадь, занимаемую книгами, пространство распланировано так четко, что попасть в нужный отдел можно за считанные минуты (получив соответствующую консультацию). Любопытен принцип, согласно которому систематизированы издания. Например, в отделе истории русской литературы XX в. собраны и расставлены по алфавиту книги на разных языках. Рядом с известными изданиями российского «Нового литературного обозрения» стоят книги о русской литературе, опубликованные на английском языке в Англии и Америке, на немецком языке — в Австрии, Германии, Швейцарии. Встречаются издания на польском и чешском языках. Таким образом, создается полная картина современного состояния и изученности вопроса.

Об актуальности исследований российской истории и востребованности русской литературы можно судить и по тому, как она представлена не только в библиотеках, но и в книжных магазинах. В Кембридже в огромном книжном магазине сети «Waterstones» можно ходить и рассматривать книги часами и даже днями (тем более что он устроен очень удобно для покупателей-читателей). Революции 1917 г. посвящены новинки: книги «Historically inevitable? Turning points of the Russian Revolution». Ed. by T. Brenton. London, 2016 («Исторически неизбежно? Переломные моменты русской революции»), исследование Catherine Merridale «Lenin on the Train». London, 2016 (К. Мерридейл «Ленин в поезде»).

Переводы русской литературной классики занимают несколько обширных полок. В том месте, где стоят тома «Войны и мира» Л. Толстого (в разных переводах и изданиях), приклеена к полке записка с надписью от руки: «Without a doubt one of the greatest works of fiction in world literature. A must read for everybody» («Без сомнений, одно из величайших художественных произведений в мировой литературе. Необходимо прочитать каждому»). Бумажка для заметок желтого цвета воспринимается как символ — это и стикер (англ. *sticker*), содержащий информацию о товаре, и знак согласия и диалога двух культур, языков, менталитетов.

Г.И. Романова

Международный научно-практический семинар по американской литературе «Идентичность и художественный текст»

В марте 2016 г. в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета состоялся первый международный круглый стол по проблемам репрезентации национальной идентичности в литературных текстах. Он был организован совместно с факультетом языкознания и литературоведения университета города Байройт, Германия. По итогам работы круглого стола был выпущен сборник материалов на английском языке «Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature» [1].

Из подзаголовка следует, что в центре внимания участников круглого стола была проблема формирования национальной идентичности в контексте американской литературы. Вряд ли можно усомниться, что стремление понять самих себя лежит в основе всех основных видов человеческой деятельности, в том числе литературной. Во введении к сборнику содержится известное высказывание А. Хаксли, согласно которому, нации по большей мере придуманы поэтами и драматургами. Это утверждение объединяет публикации в рецензируемом издании, поскольку в каждой из них литературный текст рассматривается с точки зрения его влияния на зарождение американской идентичности и ее последующее развитие и утверждение.

Основополагающая идея проведенного круглого стола выражена в статье М. Штеппата «Space Filled With Moving: Discourses of American Identity» («Концепции американской национальной идентичности: пространственно-территориальный аспект»)¹. Он обращает внимание на то, что американская национальная идентичность традиционно понимается как коллективная форма идентификации, не всегда предполагающая отождествление с политическими идеологиями или территориальными границами. Зачастую именно представления о географическом пространстве выступали определяющим фактором конструирования самоидентификации американцев. Подобная концепция идентичности исчезла, превратившись лишь в инструмент американской политики, в свете чего неслучайно звучат голоса, возвещающие о гибели американской нации [11].

Сборник материалов составлен таким образом, что позволяет проследить становление американской идентичности не только в хронологии анализируемых

¹ Здесь и далее перевод наш. — О. Ч., Н. Ч.

литературных произведений, но и внутри различных литературных школ и направлений. Примечательна в этом отношении статья Н.В. Морженковой «National Identity in Gertrude Stein's Writings» («Национальная идентичность в творчестве Гертруды Стайн»). Автор рассматривает вопрос о модернистской литературной практике переосмысления концепта национальной идентичности, сложившегося в западном социокультурном контексте XIX в. Особое внимание Н.В. Морженкова уделяет авангардистским способам деконструкции традиционного понимания национальной идентичности. В статье проводятся параллели между модернистским литературным опытом актуализации национальной идентичности как сконструированного нарратива и постмодернистскими теоретическими подходами к проблеме национальной идентичности [8].

Становление американской идентичности оказалось сопряженным с формированием культурных концептов, которые, как пишет К.М. Баранова, воплотились в основных мотивах американской литературы. В статье «Influential Motifs in American Literature Since the Colonial Period» («Ведущие мотивы в американской литературе начиная с колониального периода») автор прослеживает становление американской литературы начиная с XVII в. и приходит к заключению, что базовыми для американской идентичности концептами являются провидение, свобода, чистота, усердие, девственная природа, достоинство и равенство [2].

Наблюдения К.М. Барановой находят подтверждение в публикациях С.Г. Иняшкина и В.С. Машошиной. В статье «Civil Rights Implications in Asimov's Science Fiction» («Гражданско-правовые подтексты в научной фантастике Азимова») первый автор пишет о том, что идея равенства нашла отражение в так называемых подтекстах рабства в произведениях А. Азимова. С.Г. Иняшкин полагает, что роботы в романах А. Азимова имеют много общего с рабами, а описания цивилизаций напоминают американский общественный строй на разных этапах его развития. Более того, автор видит в работах А. Азимова намек на то, что в один прекрасный день роботы могут стать полноценными членами нашего общества [4].

Статья В.С. Машошиной «Tropes of Freedom in Herman Melville's Moby-Dick, or the Whale» («Метафорическая репрезентация концепта Freedom в романе Г. Мелвилла "Моби Дик, или Белый Кит"») представляет собой анализ развития взаимосвязанных концептов *свобода* и *судьба* в романе Г. Мелвилла «Моби Дик», которые, по мнению автора публикации, выступают как значимые фрагменты национальной американской картины мира и занимают ведущее положение в структуре американской национальной идентичности [6].

Автор статьи «The Symbolic Meaning of the House in American Fiction: From the 19th to the 20th Century» («Изменение символического содержания образа дома в американской литературе XIX–XX веков») С.С. Савинич моделирует концепт *дом*, на который, по мнению автора, опирались многие американские писатели XIX в. в связи с образами семьи и рода. В XX в. образ дома чаще связан с внутренним «Я» человеческой личности, что отражает эволюцию групповой и индивидуальной идентичностей в американском обществе [10].

Идея формирования американской национальной идентичности как производного от системы ведущих концептов нашла отражение в статье «John Grisham's Novels and the American Pursuit of Justice» («Романы Джона Гришема как отражение идеи стремления к справедливости в американском обществе») [5]. Ее автор Е.В. Коструб анализирует, каким образом стремление к справедливости, характерное для современного американского общества, отражается в романах Джона Гришема. Она утверждает, что поиск справедливости является неотъемлемой частью американского самосознания. Однако понятия справедливости и законности, которые могут казаться тождественными, по мнению писателя, часто, наоборот, противопоставлены друг другу. Разрешить данное противоречие может только сила личности людей, которые не боятся идти против системы.

О противоречивом характере американской идентичности, нашедшей отражение в романе Р.П. Уоррена «Вся королевская рать», пишет Н.А. Мордович в статье «Willie Stark — an American Hero?» («Вилли Старк — американский герой?»). Автор анализирует, какое место в американской идентичности Р.П. Уоррен отводил политическим амбициям и разрушающему личность стремлению к достижению цели [7].

Особый интерес представляет статья О.Я. Федоренко «Music and National Identity in the Plays of Tennessee Williams» («Музыка и национальная идентичность в пьесах Т. Уильямса»), поскольку ее автор подчеркивает особую значимость музыки, музыкальных предпочтений в становлении культурной идентичности. О.Я. Федоренко пишет о музыке как об одном из наиболее ярких способов выражения художественной условности в драматургии выдающегося американского писателя XX в. Т. Уильямса. В то же время она утверждает, что музыкальные произведения служат эффективным средством передачи художественной составляющей американской национальной идентичности во всей ее полноте и разнообразии. Таким образом, музыкальная палитра в работах Уильямса анализируется с точки зрения культуры и переданных ею проявлений общественной жизни [3].

О.И. Нефедова и А.П. Журавлева обращаются к вопросу интертекстуальности и наследия библейских смыслов в американской литературе и их роли в становлении американской идентичности. В статье «F. Scott Fitzgerald's "The Great Gatsby" and the Making of American National Character: Jay Gatsby as an American Errant Knight» («"Великий Гэтсби" Ф. Скотта Фитцджеральда и становление американского национального характера: Джей Гэтсби как американский странствующий рыцарь») О.И. Нефедова анализирует пути заимствования древнего мифологического материала американскими писателями и устанавливает особенности интерпретации средневековых легенд о Святом Граале в США. В последнем она видит проявление американской национальной идентичности [9].

В статье «The Image of the American Adam in James Fenimore Cooper's novels» («Образ американского Адама в творчестве Д.Ф. Купера») А.П. Журавлева уделяет внимание эволюции этого образа в художественном наследии писателя. В ранних произведениях, в частности в романе «Следопыт», Новый Адам

предстает как прототип библейского Адама. В романе «Прогалины в дубровах» этот образ воплощает характеристики образа Нового Адама, созданного Б. Франклином, который существенным образом повлиял на американскую национальную идентичность [12].

В настоящее время проблемы формирования национальной идентичности стоят в центре внимания многочисленных научных исследований. Репрезентация национальной идентичности в литературных текстах, эволюция способов ее представления как отражение самой сути этого явления в меньшей степени представлены в отечественном литературоведении и лингвистике. Именно поэтому публикации в сборнике «Идентичность и художественный текст» можно рассматривать как существенный вклад в изучение процессов становления американской национальной идентичности и дальнейшее развитие американистики.

Библиографический список

Литература

1. Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 86 с.

2. *Baranova K.M.* Influential Motifs in American Literature Since the Colonial Period // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 10–15.

3. *Fedorenko O.Ya.* Music and National Identity in the Plays of Tennessee Williams // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 16–21.

4. *Inyashkin S.G.* Civil Rights Implications in Asimov's Science Fiction // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост.

и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 22–25.

5. *Kostrub E.V.* John Grisham's Novels and the American Pursuit of Justice // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 26–31.

6. *Mashoshina V.S.* Tropes of Freedom in Herman Melville's *Moby-Dick, or the Whale* // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 32–36.

7. *Mordovich N.A.* Willie Stark — an American Hero? // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 37–40.

8. *Morzhenkova N.V.* National Identity in Gertrude Stein's Writings // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 41–50.

9. *Nefedova O.I.* F. Scott Fitzgerald's *The Great Gatsby* and the Making of American National Character: Jay Gatsby as an American Errant Knight // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 51–56.

10. *Savinich S.S.* The Symbolic Meaning of the House in American Fiction: From the 19th to the 20th Century // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [фак-т языкознания и литературоведения,

ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 57–64.

11. *Steppat M. Space Filled With Moving: Discourses of American Identity // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПИУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 65–76.*

12. *Zhuravleva A.P. The Image of the American Adam in James Fenimore Cooper's Novels // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации нац. идентичности в лит. текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПИУ; [фак-т языкознания и литературоведения, ун-т г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 77–83.*

References

Literatura

1. *Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nac. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IIU MGOU, 2016. 86 s.*

2. *Baranova K.M. Influential Motifs in American Literature Since the Colonial Period // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nac. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IIU MGOU, 2016. S 10–15.*

3. *Fedorenko O.Ya. Music and National Identity in the Plays of Tennessee Williams // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nac. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IIU MGOU, 2016. S 16–21.*

4. *Inyashkin S.G. Civil Rights Implications in Asimov's Science Fiction // Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii*

nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IJU MGOU, 2016. S 22–25.

5. *Kostrub E.V.* John Grisham's Novels and the American Pursuit of Justice // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IJU MGOU, 2016. S 26–31.

6. *Mashoshina V.S.* Tropes of Freedom in Herman Melville's *Moby-Dick, or the Whale* // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IJU MGOU, 2016. S. 32–36.

7. *Mordovich N.A.* Willie Stark — an American Hero? // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IJU MGOU, 2016. S 37–40.

8. *Morzhenkova N.V.* National Identity in Gertrude Stein's Writings // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IJU MGOU, 2016. S 41–50.

9. *Nefedova O.I.* F. Scott Fitzgerald's *The Great Gatsby* and the Making of American National Character: Jay Gatsby as an American Errant Knight // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IJU MGOU, 2016. S 51–56.

10. *Savinich S.S.* The Symbolic Meaning of the House in American Fiction: From the 19th to the 20th Century // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie

nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IIU MGOU, 2016. S 57–64.

11. *Steppat M.* Space Filled With Moving: Discourses of American Identity // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IIU MGOU, 2016. S 65–76.

12. *Zhuravleva A.P.* The Image of the American Adam in James Fenimore Cooper's Novels // Identichnost' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacz. identichnosti v lit. tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet; [fak-t yazy'koznaniya i literaturovedeniya, un-t g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i otv. red. K.M. Baranova; pod nauch. red. M. Shtepata, N.V. Morzhenkovej. M.: IIU MGOU, 2016. S 77–83.

*О.Г. Чурпына,
Н.А. Чикало*

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2017, № 1 (25)**

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: libogdanova1@mail.ru

Борботько Людмила Александровна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

Бузина Юлия Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: buzinajulia@mail.ru

Геймбух Елена Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ИГНиУ МГПУ.

E-mail: gejmguh@rambler.ru

Горбик Александра Александровна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ, учитель английского языка ГБОУ «Лицей № 1575».

E-mail: agorbik@yandex.ru

Гринева Сергей Викторович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры англистики и межкультурных коммуникаций ИИЯ МГПУ.

E-mail: svgrinev1@gmail.com

Дубнякова Оксана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: DubnyakovaOA@mgru.ru

Евдокимова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета.

E-mail: lv_evdokimova@mail.ru

Карасик Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Кашина Татьяна Александровна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: tatiana@kashina.eu

Мурзак Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии ИГНиУ МГПУ.

E-mail: imurzak@yandex.ru

Онякова Анна Леонидовна — аспирант кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: anita14592@mail.ru

Подрезова Дарья Вадимовна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГНиУ МГПУ.

E-mail: podrezova.dascha@yandex.ru

Пригожина Кира Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: kira.prigozhina@gmail.com

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: galinroma@mail.ru

Степанова Наталия Алексеевна — кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета).

E-mail: stepanova@peterlink.ru

Чикало Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

Чупрына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Юнг Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета).

E-mail: anna_bright7@rambler.ru

Ястребов Андрей Леонидович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и литературы Российского института театрального искусства (ГИТИС).

E-mail: nabegi09@mail.ru

**AUTHORS of «MCU Vestnik»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2017, № 1 (25)**

Bogdanova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Department of Comparative Studies of Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: libogdanova1@mail.ru

Borbotko Lyudmila Alexandrovna — PhD (Philology), assistant professor of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

Buzina Yulia Nikolaevna — PhD (Pedagogy), associate professor of Foreign Languages department, Humanitarian Training Office, Plekhanov Russian Economic University.

E-mail: buzinajulia@mail.ru

Geymbukh Elena Yuryevna — Doctor of Philology, full professor, professor of the Russian Language department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: gejmbuh@rambler.ru

Gorbik Alexandra Alexandrovna — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU; English teacher of SBEI «Lyceum-school № 1575».

E-mail: agorbik@yandex.ru

Grinev Sergei Viktorovich — Doctor of Philology, full professor, Professor of Anglistics and Cross-cultural Communication department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: svgrinev1@gmail.com

Dubnyakova Oxana Alexeevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign languages, MCU.

E-mail: DubnyakovaOA@mgpu.ru

Evdokimova Lyudmila Viktorovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Literature department, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University.

E-mail: lv_evdokimova@mail.ru

Karasik Vladimir Ilyich — Doctor of Philology, full professor, head of English Philology department, Volgograd State Social Pedagogical University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Kashina Tatiana Alexandrovna — postgraduate of History of Foreign Literature department, Lomonosov State University of Moscow.

E-mail: tatiana@kashina.eu

Murzak Irina Ivanovna — PhD (Philology), associate professor of Foreign Philology department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: imurzak@yandex.ru

Onyakova Anna Leonidovna — postgraduate of Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: anita14592@mail.ru

Podrezova Daria Vadimovna — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: podrezova.dascha@yandex.ru

Prigozhina Kira Borisovna — PhD (Pedagogy), associate professor of Foreign Languages department, Humanitarian Training Office, Plekhanov Russian Economic University.

E-mail: kira.prigozhina@gmail.com

Romanova Galina Ivanovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: galinroma@mail.ru

Stepanova Natalia Alexeevna — PhD (Chemistry), docent, associate professor of Foreign Languages department, Economics and Management faculty, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).

E-mail: stepanova@peterlink.ru

Chikalo Natalya Alexandrovna — assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

Chupryna Olga Gennadyevna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Shafranskaya Eleonora Fedorovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.
E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Yung Anna Vladimirovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Languages department, Economics and Management faculty, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).
E-mail: anna_bright7@rambler.ru

Yastrebov Andrey Leonidovich — Doctor of Philology, full professor, head of History, Philosophy and Literature department, Russian State Institute of Theatre Arts (GITIS).
E-mail: nabegi09@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещаются аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Викуловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казенный пер., 5б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 1 (25), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 31.03.2017 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.